РК 4
К 48

797

XI Клеман Н. Э.

Рк.

КЛЕЕМАНОВО ПУТЕШЕСТВІЕ

изъ Вѣны въ Бѣлградъ
и
Новую Килію
також
въ земли Буджатскихъ и Нагайскихъ
Татаръ и во весь Крымъ,
съ возвратомъ
чрезъ Константинополь, Смирну и Тріестъ
въ Австрію.
въ 1768, 1769 и 1770 годахъ,
съ пріобщеніемъ
описанія достопамятностей Крымскихъ.

Переведенное съ Нѣмецкаго на Французскій,
а со онаго на Россійскій языкъ
Государственной Военной Коллегіи Секретаремъ
Иваномъ Одинцовымъ.

Въ Санктпетербургѣ,
при Государственной Военной коллегіи,
1783 года.

Библиотека
Владимирского Архива
149. XI-360. 91(5) К48

КЛЕЕМАНОВО ПУТЕШЕСТВІЕ въ КРЫМЪ.

СОДЕРЖАНІЕ ГЛАВЪ.

стран:

ГЛАВА I. Путешествіе изъ Вѣны въ Бѣлъ-Градъ. - 1.
ГЛАВА II. - - Изъ Бѣлъ-Града въ Новую Килію. - 13.
ГЛАВА III. - - Изъ Киліи Новой въ - - Ковшанъ въ Буджатскую Татарію. - 42.
ГЛАВА IV. Аудіенція у Хана. 49.
ГЛАВА V. Описаніе Ковшана, столичнаго города Татарскаго. - 56.
ГЛАВА VI. Отъѣздъ Хана въ Ковшанъ. 60.
ГЛАВА VII. Путешествіе изъ Ковшанъ въ Бендеры и описаніе сей крѣпости. 63.
ГЛАВА VIII. - - Изъ Бендеръ въ Очаковъ и описаніе Нагайской Татаріи. 67.
ГЛАВА IX. Отъѣздъ изъ Очакова и прибытіе въ Крымъ. - - 75.
ГЛАВА X. Пребываніе въ Карасу. - 81.
ГЛАВА XI Второе путешествіе изъ Карасу въ Бакчисарай. - 93.
ГЛАВА XII. Нападеніе Россіянъ на Нагайскихъ Татаръ, близъ Перекопя. - - 117.
ГЛАВА XIII. Послѣдмѣе пребываніе въ Карасу. - - - 125.
ГЛАВА XIV. Путешествіе изъ Карасу въ Кафу. - - 132.
ГЛАВА XV. Описаніе Города Кафы. 146.
ГЛАВА XVI. Описаніе Крыма. - 149.

ГЛАВА

ГЛАВА XVII. Путешествїе изъ Кафы со флотомъ Турецкимъ въ Константинополь. - . 153.
ГЛАВА XVIII. - Изъ Константинополя въ Смирну. - 168.
ГЛАВА XIX. Отъѣздъ изъ Смирны чрезъ Трїестъ въ Вѣну. 182.
ГЛАВА XX. О земляхъ и городахъ, лежащихъ, какъ на берегахъ рѣки Дуная, такъ и въ Безсарабїи и о ихъ жителяхъ. - - 191
ГЛАВА XXI. О съѣстныхъ припасахъ. 194.
ГЛАВА XXII. Примѣчанїя о войскѣ Турецкомъ и Татарскомъ. 196.
ГЛАВА XXIII. О власти Хана малой Татарїи и о образѣ правленїя. - - - 200.
ГЛАВА XXIV. Особливыя примѣчанїя о Ханѣ Крымскомъ Крымъ-Гиреѣ, весьма извѣстномъ при началѣ сей войны. - - - 205.
ГЛАВА XXV. О Дворянствѣ Крымскомъ и его сношенїяхъ съ Ханомъ. - - 211.
ГЛАВА XXVI. О Татарахъ Нагайскихъ. 214.
ГЛАВА XXVII. О Армянахъ. - - 218.
ГЛАВА XXVIII. О пиршествахъ и о свойственномъ ихъ къ жизни способѣ. - - 222.
ГЛАВА XXIX. О судѣ, касательномъ до дѣлъ гражданскихъ и криминальныхъ. - - 225.

ГЛАВА

страна:

ГЛАВА XXX.	О законѣ.	229.
ГЛАВА XXXI.	О коммерціи малой Татаріи и сосѣдственныхъ земель. - - -	239.
ГЛАВА XXXII.	О вѣсахъ и мѣрахъ, употребляемыхъ въ Турціи и Татаріи. - -	246.
ГЛАВА XXXIII.	О монетахъ иностранныхъ, и чего они стоятъ на Турецкіе и Россійскіе деньги. - - -	248.

)o(

ДНЕВНЫЯ ЗАПИСКИ
ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ КРЫМЪ.

ГЛАВА ПЕРЬВАЯ

Путешествіе изъ Вѣны въ Бѣлградъ.

Октября 6 1768 году въ 9 часовъ по утру, пустился я изъ Вѣны по Дунаю, въ суднѣ, принадлежащемъ коммерческому обществу, на которомъ находились первостепенные купцы, и товары, коими судно нагружено было, ввѣрены были мнѣ. Я имѣлъ одобрительныя письма, также подорожную и Турецкій проѣзжій листъ. Мнѣ данъ былъ толмачемъ Армянинъ, Крымскій житель *Киріакосъ Азадуръ*, по нещастію моему великій плутъ, по чему и принужденъ прибѣгать къ другому купцу Армянину же, имянуемому *Гиджи Муссесъ*,

ѣдущему въ Константинополь за своими дѣлами, и гораздо превосходному честностью перьваго Другїе мои сопутники были: Г. *Форъ*, книгопродавецъ, два кадета Имперскихъ войскъ, одинъ молодый дворянинъ Венгерскїй и нѣкоторые иные разнаго званїя люди.

Время было хорошее и вѣтеръ благополучный. Мы прибыли въ 7 часовъ въ Презбургъ; и едва только стали мы на якорь, какъ два пристава явясь, требовали отъ меня объявленїе въ Таможню. Они столь были безсовѣстны, что препятствовали намъ вынесть изъ судна съѣстные припасы для ужина, равно и другїя вещи, въ коихъ мы необходимую имѣли нужду; однакожъ наконецъ по неотступной нашей прозбѣ согласились болѣе насъ не безпокоить.

Я весьма былъ щасливъ, что на другой день около 7 часовъ утра получилъ квитанцїю: ибо сказывали мнѣ, что случалось иногда ждать оной по два или по три дни.

Мы запасясь всею провизїею для нашего пути нужною, оставили Презбургъ 7 числа въ 5 часовъ вечера; но какъ намъ невозможно было прежде ночи пристать ни къ какому городу, то и принужденными нашлись переночевать на островѣ *Шуттѣ*; я же съ моими сопутниками остался въ суднѣ; число наше умножилось однимъ Езуитомъ, взятымъ въ Презбургъ.

8 Октября въ 1 часу достигли мы города *Коморчы*, гдѣ видѣлъ я слѣды ужаснаго землетрясенїя, коему сей городъ недавно былъ подверженъ Езуитская церьковь, лутчее въ городѣ зданїе, казалась мнѣ болѣе

всѣхъ

всѣхъ претерпѣвшею то нещастїе , и двѣ башни до половины были разрушены.

Словомъ сказать, крѣпость и часть города, лежащая на берегу рѣки, ничего намъ не представляла достопамятнаго: мы не болѣе пробывъ тамъ трехъ часовъ, въ началѣ ночи пристали къ одной бѣдной деревнѣ. Нѣкоторые изъ нашихъ людей препроводили ночь въ подлой корчмѣ, которая была однимъ только и ночлегомъ, а протчїе оставались въ суднѣ

9 Октября, за нѣсколько миль разстоянїемъ по ту сторону отъ *Рааба* поднялся пресильный вѣтръ, принудившїй насъ искать своей безопасности. Около вечера отправились въ путь, но съ малымъ успѣхомъ, и всю ночь принуждены были оставаться въ безпокойствѣ.

10 Октября въ 10 часовъ по утру мы пристали къ *Грану*, и примѣтили на большей дорогѣ, идущей къ *Вайзену* развалины Вышеградскаго замка, лежащаго на высокой и укрѣпленной горѣ, и сїя крѣпость была знамѣнитая въ послѣднюю войну у Австрїйцовъ съ Турками.

Часто попрекали путешественниковъ, что они весьма рѣдко упоминали о гостинницахъ, и о томъ, какїя въ нихъ производятся услужности. Я признаюсь, что читатель въ подробности сей весьма мало себѣ получитъ выгодъ, а для критика откроется довольно притчинъ; ето правда, что желудокъ имѣетъ свое право, однакожъ я не смотря на все то, не могу возпрепятство вать желанїямъ водохолцовъ ѣздить по Дунаю

въ Венгрїю, коихъ небо соблюдаетъ отъ вольнодомцовъ той земли, обыкновенно весьма безчеловѣчныхъ. Чтожъ касается до *Вайзена*, то показалось, что они въ разсужденiи сего гораздо превосходятъ честностїю своихъ собратїй. Вообще тамъ все весьма дорого, дурно, и приспѣшники мало знающие; вино такъ же ни куды годное, поелику принуждены они продавать такое, какое имъ отъ помѣщиковъ дается. Выключая все то, городъ сей, доведенный будучи, по окончанiи войны съ Турками, до плачевнаго состоянiя, совершенно возобновленъ, и попеченiемъ Кардинала *Мигаззея*, ихъ Епископа, весьма украшенъ. Сей Прелатъ оставилъ по себѣ безсмертную память своими разными учрежденiями, кои онъ для воспитанiя Юношества тамъ сдѣлалъ.

11 Октября предъ полуднемъ наконецъ прибыли мы въ *Офенъ*. Общество наше уменшилось отбытiемъ многихъ сопутниковъ насъ оставившихъ, коихъ въ числѣ былъ и Езуитъ, взятый нами въ Презбургѣ. Я искренно объ немъ сожалѣлъ, поелику онъ былъ обхожденiя ласкаваго и прїятнаго. Тутъ расплатился я со шкиперами, привезшими насъ изъ Вѣны: ибо не могу сказать, чтобы мы не были ими весьма довольны, которые знали совершенно свою должность и не страшась ни какихъ опасностей, были всегда трезвы. Я вскорѣ сыскалъ другихъ, съ коими и сторговался проводить насъ до *Семлина*, и надѣялся, что посредствомъ нашего Штурмана, не приключится съ нами ничего худаго. Во весь день не

открывали моста Офенскаго, на судахъ сдѣланнаго, что и дало мнѣ время осмотрѣть какъ сей городъ, такъ и *Пестъ*, на супротивъ онаго лежащій.

Офенъ такъ же много претерпѣлъ, когда онъ былъ въ рукахъ у Музульмановъ; сей городъ нѣкогда былъ наилутчій и славнѣйшій изъ всѣхъ городовъ въ Венгріи; но будучи подверженъ осажденіямъ и грабительствамъ, лишился большей части своихъ выгодъ. Я не понимаю какимъ образомъ оный могъ противустоять нападеніямъ отъ Турокъ и Христіянъ. Укрѣпленія его казались мнѣ не весьма великими, можетъ быть по тому, что не было способности лутче укрѣпить, послику лежалъ онъ между горами, не въ дальномъ разстояніи находящимися. Съ 1529 по 1686 годъ пребывалъ онъ во власти Невѣрныхъ, отъ коихъ онъ и не могъ освободиться, въ разсужденіи худаго своего состоянія.

Городъ *Пестъ* довольно порядоченъ; ибо имѣетъ онъ великолѣпныя церькви, нѣсколько изрядныхъ домовъ, и жители въ немъ по большей части изъ Нѣмцовъ и другихъ Иностранныхъ людей, отправляющихъ тамъ большее купечество.

12 Октября въ 9 часовъ оставили мы сей великій городъ; но какъ противный вѣтеръ продолжался во весь тотъ день, то и принуждены мы были стать на якорѣ въ Дистриктѣ, владѣнія Фединскаго. Вѣтеръ безпрерывно умножался, и около вечера былъ громъ, который и продолжался до полуночи; валы ударяли столь сильно о судно,

что прибило оное къ густому тростнику, и хотя сіе и не препятствовало намъ ложиться спать, но шумъ, происходившій отъ бури, уснуть намъ не дозволялъ. Я весьма испужался, когда ночью всталъ, дабы узнать о погодѣ, увидѣлъ, что покой былъ наполненъ водою; по чему призвавъ на помощь, должно болѣе часа выливать оную; но выливаемая вода наполнялась новою, и работа сія продолжалась до самаго свѣту, а вѣтеръ тогда начиналъ уже уменшаться. Матрозы въ семъ погибельномъ случаѣ показали много бодрости и проворства. На другой день спрашивалъ я у Шкипермана, не повредилось ли судно; но онъ увѣрялъ меня, что оно было въ хорошемъ состояніи; однакожъ тѣмъ воды не умалялось.

13 Октября возсталъ противный вѣтеръ, и мы пустились на парусахъ не безъ опасности, и проѣхавъ весьма мало, принуждены были пристать къ берегу. Всѣ находившіеся въ суднѣ работники насъ оставили, жалуясь, что имъ не давали ни ѣсть ни пить, а принуждали только къ работѣ. Какъ они безъ изъятія почти всѣ были худые, то мы и не старались уговорить ихъ остаться, и спустя нѣсколько часовъ по ихъ отшествіи, на мѣста ихъ пришло много, прося изъ милости ихъ принять, обѣщаясь быть въ греблѣ, не требуя себѣ пищи. Какъ они были весьма разумны, то мы ихъ и приняли, напоивъ, какъ ихъ, такъ и матрозовъ.

Въ тотъ день, мои Армяня сдѣлали на бортѣ кухню, которая намъ послужила весьма хорошимъ обѣдомъ по Турецкому обычаю.

14 Октября обѣдали мы въ *Паксѣ*, весьма худой деревнишкѣ, которая до возмущенія была изрядною крѣпостью, откуда бунтовщики ежедневно выходя, требовали отъ всѣхъ въ окрестности живущихъ дань. Мы не долго оставаясь тамъ, препроводили ночь на вольномъ воздухѣ.

15. Октября по полудни приставъ въ *Толнѣ*, запаслись мы новою провизїею, и сїю ночь принуждены были препроводить также, какъ и прошедшую, претерпѣвъ новую бурю.

16. Октября прибыли мы въ *Батечъ*, и 17 Г. Форъ насъ оставилъ, возвратясь въ Вѣну, проѣхавъ съ нами 60 миль. Въ тотъ самый день въ 10 часовъ приѣхали мы къ *Могазу*; ѣдучи въ *Бафину* едва мы не погибли; матрозы гребли для прибытїя туда до 8 часовъ; Штурманъ былъ пьянъ, и сидя напереди ни чего не дѣлалъ, какъ примѣтили въ водѣ два большїе пня. Одинъ изъ матрозовъ вырвалъ у него изъ рукъ весло, и щастливъ былъ, что имѣлъ довольно времяни и силы поворотить судно, которое между тѣмъ хотя и дотронулось до тѣхъ пней, но легко. Сїе благополучное исполненїе насъ спасло, и Штурманъ будучи пьянъ безъ сомнѣнїя бы насъ довелъ до опасности; судно отъ удара было бы разбито, и сдѣлавъ отверствїе, наполнилось бы водою. На другой день весьма его я бранилъ, угрожая его отпустить, или посадить въ темницу въ первомъ городѣ, къ которому мы пристанемъ, ежели не перестанетъ пить, и не будетъ исполнять порядочно своей должности.

Мы продолжали путь свой весьма тихо до 20 Октября, не имѣя довольно людей для исправленiя работы на бортѣ, что и было причиною, что мы не могли прежде прибыть въ Петерварадинъ, какъ 21 Октября въ 10 часовъ утра, гдѣ я имѣлъ удовольствiе встрѣтиться съ двумя моими товарищами, Пiонерными Офицерами. Они приняли меня съ великимъ усердiемъ, показавъ мнѣ тамъ все достойное любопытства, такъ какъ и весьма знатныя крѣпости.

Я простясь съ ними, отправились мы въ путь 22 Октября въ 9 часовъ утра.

23 Октября прибыли мы въ Землинъ около 8 часовъ вечера. Ворота были уже заперты, и я зная, что ихъ съ трудомъ отворяютъ, просилъ я Полковника Барона Штурмана, тамошняго Коменданта, который и приказалъ намъ оные отворить. На другой день представилъ я ему мои путевые свидѣтельства и одобрительныя къ нему письма. Онъ вскорѣ отправилъ толмача къ Бѣлградскому Пашѣ для истребованiя таможеннаго свидѣтельства отъ имени Порты.

Я тутъ нашелъ судно, принадлежащее Г... Кавалеру С. Прiесту, посланнику Французскому, въ Константинополѣ. Я приказалъ осмотрѣть то судно знающимъ людямъ, и какъ нашли оное выгоднѣйшимъ моего, и способнымъ къ мореплаванiю, то продавъ свое старое, купилъ сiе, и таковая предосторожность мнѣ была не бесполезна. Хотя я и потерялъ двѣ трети цѣны, чего мнѣ стоило, но по крайнѣй мѣрѣ избѣжалъ того, что бъ мнѣ плыть на немъ до Бѣлграда, въ

чемъ

щенъ бы не получилъ никакого успѣху, поелику время было уже позднное; а естьли бы и оставилъ его зимовать въ *Землинѣ*, то бъ принужденъ былъ за вѣтхостію его бросить.

Грекъ Бѣлградскій Консулъ, къ которому я адресовался, два раза посылалъ по меня въ Землинъ своего Секретаря, и на конецъ пріѣхалъ туда самъ для свиданія со мною. Я находился въ лазаретѣ по принятому тамъ обыкновенію, и во время моего въ ономъ пребыванія Консулъ здѣлалъ нужныя распоряженія къ моему отъѣзду въ Бѣлградъ, куда онъ весьма желалъ, чтобъ я немедленно ѣхалъ.

Я приказалъ перенести мои товары въ новое судно и обить каюту войлокомъ для предохраненія отъ стужи, и сія каюта была весьма покойная и обширная.

26. Октября въ назначенный день нашему изъ Землина отъѣзду, Консулъ прислалъ ко мнѣ одного изъ своихъ служителей меня проводить. Не успѣли мы войтить въ судно, какъ матрозы, Бѣлградскіе Турки запросили необыкновенной и неслыханной платы. На конецъ торговавшись съ ними долгое время, довольны были половиною того, чего они требовали. Едва только они отошли отъ судна, какъ появилась ихъ еще полная лодка, а по томъ подъѣхали и еще три; и на конецъ все судно наполнилось Турками. Они объявляли мнѣ, что пріѣхали для подкрѣпленія своихъ правъ, и для истребованія нѣкотораго числа денегъ для своихъ сотоварищей. Для большой безопасности и для избѣжанія

новыхъ споровъ съ сими весьма безпокойными гостьми, приказалъ я остановить барку, плывущую передъ островомъ, лежащимъ насупротивъ Бѣлграда, и переѣхалъ рѣку съ Гаджїемъ, толмачемъ и Секретаремъ Консульскимъ. Во время своего отсутствїя препоручилъ я сбереженїе судна моему Толмачу и Янычару. Честный Армянинъ восхищаясь тѣмъ, что находится во области Султанской, и пользуясь вольностью, опорожнилъ вино, которымъ мы запаслись въ Офенѣ и Сиклосѣ. Онъ въ полтора дни съ отважнымъ Музульманомъ выпилъ до двадцати Пинтъ вина, коего только у меня и оставалось. Ежели бы мнѣ возможно было сїе предвидѣть, то бы я запасся новою провизїею въ Бѣлградѣ; но оное со всемъ не приходило мнѣ въ голову, и хотя уже и узналъ, но поздно; по чему въ такомъ случаѣ принужденъ былъ пить Дунайскую воду. Идучи сухимъ путемъ къ Бѣлграду, пошли мы прямо къ Консулу, который уже насъ ожидалъ обѣдать. Какъ скоро мы пришли, то тотчасъ сѣли за столъ безъ всякой церемонїи и по обыкновенїю Турецкому. Кушанье ихъ не столь хорошее, какъ Нѣмецкое; предъ нами поставлено было множество блюдъ, изъ коихъ едва ли одно опорожнено было. Какъ тотъ день былъ постный, то все было приготовлено изъ масла, и я вышелъ изъ за стола, почти также голоднымъ, какъ и сѣлъ за оный.

Какъ я былъ у Консула, то принесли мнѣ *Буирульди*, то есть, подорожную за подписанїемъ Паши, какъ для меня, такъ

для моего Толмача и протчихъ моихъ сопутниковъ; она была подобна той, какую я получилъ въ Вѣнѣ, за подписанїемъ Императорскимъ, и подлинникъ оной остался въ Землинѣ, а мнѣ данъ былъ съ оной списокъ на Турецкомъ языкѣ. Послѣ обѣда былъ я съ Консуломъ въ таможнѣ. Оная была похожа на кофейной домъ, и весьма удивительно, что въ такомъ большемъ городѣ не было ни какого особливаго для таможни строенїя. Директоръ (Гюмрюкчи Баши) былъ старый Турокъ и грубаго вида, передъ нимъ стоялъ негодный деревянный ящикъ, который былъ хранилищемъ крѣпкаго въ немъ сундука. Они не имѣли ни какой нужды въ чернилахъ и бумагѣ, поелику всѣ ихъ дѣла производимы были на словахъ.

Какъ скоро кончили мы всѣ свои дѣла, то весь Дунай покрытъ былъ великимъ числомъ малыхъ лодокъ, въ которыхъ находились таможенные работники, Янычары и другаго званїя люди, окружившїе мое судно. Одинъ честной Израильтянинъ, содержавшїй на откупѣ таможню, отвелъ меня въ сторону, дабы уговорить меня какъ можно дешевлѣ уступить свои товары и объявить ему и о протчихъ у меня оставшихся вещахъ. Чего не дѣлается для выманки денегъ? Сей человѣкъ далъ мнѣ честное свое слово, и я легко повѣрилъ его предложенїю. Я не могъ освободиться ни отъ какихъ пунктовъ, положенныхъ Татарами, и поставилъ съ товарами ящикъ, который я намѣренъ былъ продать въ Константинополѣ.

Въ то время, когда занимались осмотромъ, то я раздавалъ подарки таможеннымъ служителямъ, и не можно себѣ представить до чего доходила ихъ жадность, будучи всему тому очевиднымъ свидѣтелемъ. Я подарилъ Консулу бутылку Ликеры, которую онъ принявъ, поставилъ подлѣ себя; но въ самый мигъ Янычаръ тихонько укравъ оную опорожнилъ, не смотря что Музульманамъ запрещено пить оный; однакожъ военные люди, знающіе весьма Алкоранъ, толкуютъ по своему обычаю запрещенныя въ ономъ вещи, увѣряя что водка не полагается въ число питей, запрещенныхъ отъ ихъ Пророка: ибо она очищается огнемъ. Мы возвратились въ Бѣлградъ, какъ товары были освидѣтельствованы, и съ великимъ трудомъ въ присудствіи Консула согласились заплатить то, что по правамъ ихъ надлежало, и таможенный Директоръ, получа отъ меня деньги, спѣшилъ запереть ихъ въ свой сундукъ.

Я не могу довольно ухвалиться учтивостію Консула: ибо сей достойный мужъ въ тотъ самый день, во время стола составилъ вокальный и инструментальный концертъ, какъ изъ своихъ служителей, такъ и нѣкоторыхъ Турокъ, взятыхъ у Паши. Сіи знатоки начали играть съ превеликимъ шумомъ, и казались въ семъ самими собою довольными, увѣряясь, что превосходная по мнѣнію ихъ музика, должна сдѣлать намъ великое удовольствіе. Однако при всемъ томъ признаться должно, что я во всю мою жизнь не слыхалъ столь жалостнаго

и плачевнаго, и я бы конечно, на все другое, чего бы они ни захотѣли, лутче согласился, естьли бы только избавили меня слушать ихъ музыку.

28. Октября въ состоянїи я былъ предпрїять свое путешествїе, и я напередъ уже отправилъ на судно деньги и съѣстные припасы. Недоставало мнѣ только Вальбажскихъ матрозовъ и въ провожатые себѣ Янычара. Перьваго сыскалъ я за дешевую цѣну, но другой мнѣ весьма стоилъ дорогъ: ибо кромѣ того, что я принужденъ былъ его кормить и довольствовать его кофїемъ и табакомъ, надлежало еще мнѣ договориться съ нимъ проводить меня до Орощука за сто десять пїястровъ, изъ коихъ оставалось только тритцать для него, а остальное на раздачу его товарищамъ.

Консулъ удостоилъ насъ проводить до берегу, а его Секретарь и служитель, послѣдовали за нами до самаго судна. Я съ сожалѣнїемъ разстался съ симъ снисходительнымъ и услужливымъ Консуломъ, не примѣтя въ немъ ни какого другаго порока, какъ только одного, сроднаго его народу, то есть, что былъ весьма корыстолюбивъ.

ГЛАВА II.

Путешествїе изъ Бѣлграда въ новую Килїю.

Поѣхавъ изъ Бѣлграда, мореплаванїе наше было безопасное и скорое: корабельщики на суднѣ сдѣлали перемѣну, которая

казалась

казалась имъ весьма выгодною, учредивъ на ономъ по Турецкому обыкновенїю. Они напереди судна поставили не большїе веслы, а назади руль.

Въ ночь проѣхали мы мимо Саменарїи, которую осмотрѣть препятствовала мнѣ темнота.

Горы и холмы лежащїе по ту сторону Бѣлграда, и пространные Дунайскїе берега весьма прїятны и увеселительны, осматривая съ великимъ удовольствїемъ долины и лѣса Венгерскїе. 30 Октября проѣхали мы чрезвычайно опасное мѣсто, гдѣ находилось шесть водоворотовъ, которые Турки называютъ *Далила*: Они дали названїе двумъ камнямъ у края берега имѣющимся *Варма*. Два изъ тѣхъ водоворотовъ весьма опасны и гораздо ужаснѣе нежели *скачекъ*, который находится по теченїю рѣки Дуная, ниже города *Анина*; ибо волны ударяли о наше судно съ великимъ стремленїемъ. Сїи водовороты происходятъ отъ камней, подъ водою сокрывающихся, которые проходятъ рѣку чрезъ всю ея широту; тутъ она весьма стремительна, вода пѣнистая и дѣлающая ужасный шумъ: она раздѣляется у подошвы тѣхъ горъ на два рукава, составляющїе два острова: другой поворотъ гораздо обширный, находится въ далекомъ разстоянїи, причиняющїй страшный шумъ и трудный проходъ. Корабельщики въ семъ случаѣ употребили всѣ свои силы, дабы воспрепятствовать быстринѣ, несущей наше судно въ сей большой рукавъ, и съ великимъ трудомъ вошли мы въ малый рукавъ. На конецъ пристали

стали мы къ Турецкой деревнѣ весьма знатной, называемой *Буроаша*, лежащей на высокомъ островѣ, на которомъ обитали Мусульманы, Жиды и Волохи; а какъ вѣтеръ сдѣлался весьма сильный, то и принуждены были остаться тамъ три дни.

Въ вечеру прогуливаясь я по берегу, услышалъ голосъ, называющїй меня своимъ землякомъ. Я обоpотясь увидѣлъ идущаго къ себѣ человѣка худовиднаго, одѣтаго въ раздранное Венгерское платье. Онъ объявлялъ о себѣ, что онъ на семъ островѣ былъ Факторомъ ихъ Императорскаго Величества, на которомъ управлялъ, какъ домомъ, такъ и садомъ имъ принадлежащимъ, и показавъ мнѣ оный, звалъ меня туда; но какъ оный въ далекомъ былъ разстоянии, то я и отговорился отъ своего посѣщенїя, которое почиталъ я опаснымъ.

Какъ въ семъ округѣ было весьма хорошее вино, то мы запасясь онымъ, оставили островъ 2 числа Ноября.

Въ недалекомъ разстоянїи отъ сего острова течетъ весьма тихо изъ Дуная черезъ каменную гору рукавъ. Турки называютъ оный *Емикъ*, и недалеко отъ середи дороги въ каменной горѣ находится гротъ, про который увѣряли меня, что оный сдѣланъ былъ двумя корабельщиками, коихъ лодку занесло въ то мѣсто льдомъ. Сїи нещастные люди цѣлые два мѣсяца претерпѣли тамъ все то, что только голодъ можетъ имѣть ужаснѣе После обѣда проѣхали мы весьма знатный городъ, называемый *Орзава*

обитаемый

(*) обитаемый Турками и Волохами: на ружейный выстрѣлъ отъ сего города видѣнъ знакъ крѣпости ихъ Императорскихъ Величествъ и Великаго Султана, означающійся двумя вѣтхими домами на горахъ состроенными.

Три Янычары, пришедшие въ наше судно, не подали мнѣ ни какого добраго мнѣнія, въ разсужденіи своей политичности: ибо они послѣдуя обычаю Турковъ, начали пощупывать и изслѣдовать все то, что они видѣли, и одинъ изъ нихъ взявъ бутылку Ликеру, спрашивалъ меня, не продамъ ли я ему? Я отвѣчалъ, что онымъ не торгую, и наливъ стаканъ, ему поднесъ; а онъ выпивъ, посмотрѣлъ сколько еще въ бутылкѣ Ликеры осталось; но Янычаръ, находившійся при насъ оберегателемъ, вошедъ, и увидя сіи непорядки, разсердился, и отошедъ въ сторону много говорилъ о обидѣ, и на конецъ три его товарища, оставя добычу, вышли изъ судна. Они приносили жалобу Комменданту того мѣста, и нашъ Янычаръ, послѣдуя за ними, разсказалъ тому Офицеру по самой справедливости все то, что ни происходило, и онъ здѣлавъ имъ сильный выговоръ, запретилъ подъ жестокимъ наказаніемъ приходить на берегъ, и мы чрезъ сіе отъ нихъ избавились. На двѣ мили отъ *Орзавы* находится мѣсто, называемое

(*) ОРЗАВА во время еще Римлянъ, было крѣпкое мѣсто, и много претерпѣло въ послѣднюю войну; а нынѣ не иное есть что, какъ замокъ и стѣна до половины разозренная.

емое *Портъ де-Феръ*. (*) Какъ рѣка Дунай была весьма мѣлка, то совѣтовали намъ ожидать возвращенія нѣкоторыхъ корабельщиковъ, примѣтившихъ Турецкое судно.

3 Ноября былъ тотъ день для меня весьма страшенъ, и мы поѣхавъ въ 8 часовъ утра при всей своей отважности не зная, довольноль будетъ воды для поднятія нашего судна. Имѣніе наше находилось на четырехъ Турецкихъ суднахъ, которымъ сей проѣздъ довольно былъ извѣстенъ, и они во первыхъ осмотрѣвъ прилѣжно судно, сдѣлали наономъ много хорошихъ весельъ кои они весьма укрѣпили.

На одну милю отъ *Орзавы* есть островъ, на которомъ построена знатная крѣпость, называемая Турками великій *Китабъ*. (**) На супротивъ есть зáмокъ, находящійся на Дунаѣ; уже отъ того мѣста начинался слышенъ быть шумъ, который производила вода, протекая *Портъ де-Феръ*; и я съ однимъ Армяниномъ и Янычаромъ вознамѣрились выйтти изъ судна, и итти пѣшкомъ, но намѣреніе свое вскорѣ отложили, и остались въ суднѣ, будучи обнадежены однимъ Янычаромъ, что онъ переѣздъ сей часто имѣлъ, не предвидя ни малѣйшей опасности.

 Валы

(*) Турки называютъ ДЕ-МИРЪ КАПУ, которая значитъ то же самое, а нѣкоторые Географы, называютъ оное порогами Дунайскими, которое имя вообще даютъ въ сей части той рѣки, текущей между твердо соединенными камнями.

(**) Сія крѣпость порядочная; но Турки ее раззорили: оная нѣкогда называлась СИППАЛАНКА, ЕЛИЗАБЕТЕНЪ ШАТЦЕНЪ и ОРЗАВА.

Библиотека ... Архива

Валы начинали дѣлаться весьма великими и біющими, хотя и не показались еще груды камней, однакожъ причиняли столь великій шумъ, что не возможно было слышать крику корабельщиковъ, которые принуждены говорить знаками. Я былъ напереди судна, и смотрѣлъ на ужасныя груды камней и на чрезвычайнотѣсные между ими проходы, чрезъ которые вода съ стремленіемъ вытекала и кипѣла. Судно лѣтело, какъ стрѣла, иногда прямо, а иногда криво, и валы входили въ оное со всѣхъ сторонъ. Едва только миновали мы заливъ, какъ увидѣли новую опасность, которой намъ никакъ избѣжать не возможно было. Мы съ четверть часа находились въ семъ трудномъ положеніи, и во все то время ничего не слыхалъ я, кромѣ реву волнъ и безпрестанныхъ призываній *Аллага* (*). Одинъ изъ корабельщиковъ намъ много пособилъ, крича, что опасность миновалась и бояться намъ не чего. Намъ осталось еще нѣкоторые проѣхать камни; но сравнивая ихъ съ прежними, коихъ мы миновали, весьма мало уже боялись. Мы вышли на сухой путь, дабы намъ отдохнуть и пообѣдать въ деревнѣ, лежащей въ сосѣдствѣ отъ сего малаго, но ужаснаго переѣзда. Тамъ я расплатился и отпустилъ корабельщиковъ, взятыхъ нами въ *Орзавѣ*, коимъ, каждый изъ насъ, сверьхъ платы, далъ по небольшему подарку.

По любопытству своему сошелъ я на берегъ, дабы узнать, сколько мнѣ возможно было,

(*) АЛЛАГЪ Богъ, Турки обыкновенно призываютъ себѣ въ помощь онаго, когда они видятъ себя въ опасности.

было, опасный путь, который мы имѣли, и осмотрѣть развалины славнаго моста(*), состроеннаго Императоромъ Траяномъ и раззореннаго наслѣдникомъ его Адріаномъ. Сіи развалины сдѣлали ту часть рѣки весьма опасною; но въ водѣ не иное что видны были, какъ нѣкоторые обломки, которые болѣе походили на камни, нежели на столбы каменные; и я на берегу нашелъ кусокъ, составленной изъ кирпичей и кремней, смѣшенныхъ съ пескомъ, столь же крѣпкой, какъ и самый камень. Когда я разсуждалъ о сей рѣкѣ, то съ трудомъ понять могъ, какимъ образомъ судно наше могло пройти чрезъ столь узкій и опасный проходъ. Корабельщики увѣряли насъ, что сіе мѣсто бываетъ весьма опасно тогда, когда вода убудетъ, а естьли оная прибудетъ, то легко избѣжать можно, держась берегу.

Турки не зная совсѣмъ древней исторіи, называютъ тѣ два прохода, лежащіе между горами

(*) Древніе Писатели упоминаютъ о семъ мостѣ весьма много, и считаютъ оный за седьмое чудо въ свѣтѣ. Императоръ Траянъ состроилъ его для того, дабы учинить нападеніе на Деребала, Короля Дакійскаго.

Бишингъ упоминаетъ въ своей Географіи о проѣздѣ Г. Графа Марсилія, что рѣка въ томъ мѣстѣ не болѣе имѣетъ въ ширину, какъ тысячу шаговъ, и что два первые столба моста, были разстояніемъ другъ отъ друга на седьмнадцать съ половиною аршина, по чему и заключалъ, что надлежало быть тому мѣсту на двадцать три, а широтѣ всего моста на четыреста сорокъ три аршина. Я думаю такъ же, какъ и онъ, что каменные столбы сдѣланы изъ кирпичей. Императоръ Адріанъ не только раззорилъ верьхнюю часть моста, но даже и все то, что въ водѣ было.

горами *Сило Паланкасо* и *Теко Паланкасо*, объявляя, что они сдѣлались отъ развалинъ старыхъ монастырей и раззоренныхъ замковъ.

Послѣ обѣда продолжали мы свое путешествїе и по прошествїи получаса услышали мы шумъ отъ волнъ.

Мы около трехъ часовъ находились въ каютѣ съ Янычаромъ, который гораздо лутче имѣлъ понятїе о Дунаѣ, нежели корабельщики, какъ вдругъ услышали, что затрещалъ полъ, и въ то же время произносимъ былъ ужасный крикъ. Мы съ торопливостїю выскочили и усмотрѣли, что всѣ люди приведены были въ ужасъ и судно стало на мѣль. Два корабельщика занимались законапачивать отверстїе, между тѣмъ какъ другїе выливали воду со всѣхъ сторонъ текущую. Когда прилагали всевозможное старанїе оную остановить, то мы всѣ бросились въ рѣку, дабы судно содвинуть съ мѣли. Какъ работа продолжалась болѣе часа безъ всякаго успѣху, то я будучи вспомоществуемъ *Гаджїей Муссесъ*, прилагалъ все свое старанїе, узнать откуда происходитъ течь воды.

Мы отправили корабельщика въ маломъ суднѣ для сысканїя помощи, и уговорить людей на берегу стоящихъ, дабы они намъ помогли; однакожъ они отъ того отказались, говоря, чтобъ мы довольны были и тѣмъ, когда и издали на насъ посмотрятъ. Янычаръ и Штурманъ вознамѣрились итти сами въ сосѣдственныя деревни для сысканїя мужиковъ; по чему и надлежало въ сїе время взять терпѣнїе. Наконецъ увидѣли

мы

мы вдали два судна, ободрившїя всю нашу надежду, и какъ возможно было слышать голосъ, то мы со слезами почти просили ихъ помощи. Одно изъ оныхъ будучи не въ состоянїи противиться вѣтру, проѣхало, какъ другое напротивъ того шло къ намъ прямо; и сїе было малое судно, въ коемъ не болѣе было трехъ человѣкъ. Я тотчасъ приказалъ, хотя мои толмачи тому и противились, и хотѣли ожидать большей помощи, чтобъ въ то судно перенести весьма тяжелыя вещи, дабы тѣмъ облегчить свое. Когда мы было о семъ стараться начали, какъ увидѣли своего Янычара съ двумя шлюпками, наполненными Волохами. Сїя помощь состояла въ двадцати четырехъ работникахъ, которые посредствомъ рычаговъ и силы своей, менѣе нежели въ четверть часа судно наше спустили на воду.

Во время той работы, я съ *Гаджїей Муссеесъ* пошли на Турецкое судно для обереженїя самыхъ лутчихъ товаровъ и денегъ, которые я туда перенесть велѣлъ, опасаяся, дабы грузъ нашего судна не воспрепятствовалъ старанїямъ его освобожденїю.

Во время продолженїя нашего пути, когда ночь весьма была темная, то мы приказали, дабы Турецкое судно шло на передъ, чтобъ въ безопасности пристать можно было къ берегу. Остальную часть ночи и на другой день утра, препроводили мы въ конопаченїи отверстїй, и не прежде достичь могли *Видрена*, крѣпкаго Болгарскаго мѣста, какъ 9 числа, по причинѣ вели-

великихъ тумановъ и противныхъ вѣтровъ. Въ сей городъ мы пробыли весьма малое время.

Турки часто посѣщали насъ, коими мы весьма не довольны были; по чему для избѣжанія того впредь вознамѣрились плыть день и ночь, и во время темноты всячески беречься, по елику отъ сихъ мѣстъ не можно быть въ безопасности. Въ *Шистабѣ* запасся я съѣстными припасами и за два дни мы претерпѣвали весьма малый въ провизіи недостатокъ. Сей городъ великъ и положеніемъ своимъ весьма прекрасенъ. *Орощукъ*, также представляетъ вдали весьма пріятную преспективу, по тому, что всѣ домы одинъ другаго возвышаетъ, обороняемы будучи крѣпостью. Оная крѣпость весьма пространна и многолюдна: въ ней находятся многія фабрики, какъ то, штофныя, суконныя, полотняныя и кисейныя. Обитающіе тамъ Турки, составляютъ едва треть ея жителей, а прочіе почти всѣ Армяне, Греки и Жиды.

Тутъ разлучился я съ моимъ Янычаромъ, называемымъ Гассомъ Баша, который не охотно хотѣлъ возвратиться въ Бѣлъ-градъ. Я имъ былъ весьма доволенъ; ибо онъ былъ человѣкъ честный и разумный, и хотя и впадалъ въ нѣкоторыя преступленія, но оныя были весьма маловажны.

Я съ удовольствіемъ увѣдалъ, что Коммендантъ Орощукскій былъ человѣкъ разсудительный и Полицію содержалъ въ хорошемъ порядкѣ; однако жъ не смотря на его старанія и предпринимаемыя въ безопасности города осторожности, не могъ воспре-

пятство-

пятствовать, что бЪ не было каждый день воровства и убійства, такЪ, что вЪ 5 часу вечера не отваживался ни кто показаться на улицу. Легко можно по сему разсудить о честности этого мѣста и о пріязни, которую я имѣлЪ во время моего у нихЪ пребыванія.

КакЪ война сЪ Россіянами была объявлена, то отнимали у ХристіанЪ всѣ у нихЪ оружія, за которыя платили третью долю цѣны, чего они стоили.

Между тѣмЪ имѣлЪ удовольствіе по крайней мѣрѣ вЪ томЪ, что нашелЪ многихЪ людей, знающихЪ Нѣмецкій языкЪ, между коими одного Турку и Греческаго купца, коихЪ часто видалЪ я вЪ Вѣнѣ; по чему я и весьма радЪ былЪ, что вЪ сей землѣ, гдѣ честные люди весьма рѣдки, нашолЪ двоихЪ, коихЪ честность мнѣ весьма довольно была извѣстна, и они много уговаривали меня, чтобЪ я отложилЪ свое намѣреніе ѣхать вЪ КрымЪ, представляя, что сіе путешествіе для меня весьма опасное, и что во всѣхЪ провинціяхЪ, кои бы я ни проѣзжалЪ, могу встретиться сЪ корпусомЪ войскЪ, возвращающихся вЪ армію, что города были оными наполнены, и многіе деташементы, бѣгая по большимЪ дорогамЪ, воруютЪ и грабятЪ всѣхЪ на встрѣчу имЪ попадающихся, и что они не посмотрятЪ ни на проѣзжіе листы, ни на пашпорты мнѣ данные, и на конецЪ естьли меня не умертвятЪ, то по крайней мѣрѣ лишатЪ всего того, что у меня есть; а ежели и пощадятЪ, то принудятЪ тотчасЪ дать имЪ денегЪ, или что изЪ товаровЪ. Они разказывая мнѣ многіе страшные примѣры такихЪ ихЪ поступокЪ,

говорили, что не за долго предъ симъ ограбили они близь *Орощука* коляску, принадлежащую Султану, везущую въ армїю денежную казну, умертвивъ всѣхъ бывшихъ при ней провожатыхъ. Всѣ сїи разсказы приводили меня въ безпокойство, и уже началъ я колебаться, между тѣмъ, какъ Толмача моего ни чемъ устрашить не могло, презирая изъ единственной зависти самыя большїя опасности. Я принялъ намѣренїе оставить свои товары въ Волохїи, или Молдавїи, а судно свое на нѣсколько времени въ *Орощукѣ*; самому жъ возвратиться въ *Букорестъ*, съ тѣмъ, дабы посмотрѣть, не могу ли я отправлять тамъ какое ни будь купечество.

Грекъ и Турокъ похвалили сїе мое намѣренїе; но Толмачь мой со всемъ опровергалъ, представляя съ своей стороны другое. Желанїе его было, чтобъ намъ ѣхать до *Измаила*, по елику онъ узналъ, что Ханъ Татарскїй и Баронъ Тортъ, Консулъ Французскїй, прибудутъ изъ Константинополя туда чрезъ два, или три дни, и что тогда удобно будетъ отъ того мѣста, ежели ни какой не предвидится опасности, плыть далѣе, объявляя, что все то, что онъ намъ сказалъ, послѣ почтутъ за справедливое.

Хотя поѣздка сїя и противна была моему желанїю, однако жъ совѣтовали мнѣ послѣдовать; по чему я и согласился, но съ тѣмъ единственно, что ежели въ томъ окажется хотя малѣйшее затрудненїе, то держаться буду перьваго моего намѣренїя; и ежели жъ дорога къ *Измаилу* будетъ безопасная, то послѣдовать буду. Во время

моего

моего пребыванїя въ *Орощукѣ*, посѣщалъ я всѣ Манифактуры, и познакомился со многими первостепенными купцами, которые дали мнѣ наставленїе, какимъ образомъ отправлять торгъ въ тѣхъ земляхъ надобно, снабдивъ меня одобрительными письмами къ своимъ Корреспондентамъ, находящимся въ купеческихъ городахъ Европейской Турцїи. Товары изъ иностранныхъ фабрикъ, которые я тамъ видѣлъ, по большей части состоятъ изъ суконъ и полусуконъ Французскихъ, и хотя оные въ сей землѣ дѣлаютъ, но грубы и толсты; равномѣрно въ атласѣ, камкѣ, бархатѣ, золотомъ и серебреномъ штофѣ, крашеномъ драгетѣ, Бразильскомъ деревѣ, сахарѣ, кофїѣ, хлопчатой бумагѣ, пищей бумагѣ, пряныхъ кореньяхъ, сухихъ плодахъ, желѣзной Ниренбергской мѣлочи, оловѣ, желѣзѣ, стали, ртути, мѣди и протчемъ.

Изобилїи въ той землѣ состоятъ въ кожѣ, сафьянѣ, воскѣ, курительномъ табакѣ, шерстяныхъ матерїяхъ, кисеѣ, пряденой хлопчатой бумагѣ, шелку, шерсти, сырцу и протчаго.

У насъ былъ великїй споръ съ таможенными служителями, которые хотѣли, чтобъ мы заплатили двести пїястровъ пошлинъ съ нашихъ товаровъ; однако жъ по усильнымъ представленїямъ *Гаджи Муссесъ* доказалъ имъ, что ихъ требованїе не справедливо, и они довольны были пошлиною такою, на которой договорились, и нѣкоторыми малыми подарками имъ нами данными. Какъ судно наше было не въ состоянїи продолжать пути, то мы перенесли свои товары на Турецкое судно, договорясь о цѣнѣ,

 чтобъ

чтобѣ довесть насѣ кѣ *Измаилу*. Я продалѣ судно, получа за оное едва тѣ деньги, коихѣ мнѣ оно стоило.

Армянинѣ *Гаджи Муссесѣ* насѣ оставилѣ, и простясь сѣ нами, поѣхалѣ вѣ Константинополь. Я отдалѣ ему всѣ товары, назначенные для той Оттоманской Имперїи столицы, давѣ ему наставленїе, сѣ удобностїю продать оные, куда онѣ для проѣзду себѣ исходатайствовалѣ отѣ Орощукскаго Коммендanта проѣзжїй листѣ. Я сѣ прискорбностью сѣ нимѣ разстался: ибо онѣ былѣ человѣкѣ честный и любезный, лишенїе коего столь было для меня чувствительно, что мнѣ оставалось только имѣть сообщество сѣ однимѣ моимѣ Толмачемѣ, который былѣ нраву весьма грубаго, за что я и терпѣть его не могѣ.

Я думаю, что Читатель не осердится прочесть, хотя вѣ кратцѣ, исторїю о *Гаджи Муссесѣ*. Онѣ сѣ молодыхѣ своихѣ лѣтѣ былѣ повѣреннымѣ у Посланника Голландскаго вѣ Константинополѣ, гдѣ онѣ довольно зналѣ славнаго Пашу Бонневала. Онѣ вступилѣ вѣ торги и дѣла его начинали было имѣть хорошїй успѣхѣ, какѣ отѣ приключившагося пожара згорѣлѣ его магазинѣ, вѣ коемѣ имѣлѣ онѣ на знатную сумму товаровѣ, такѣ, что изѣ оныхѣ ничего спасти не могѣ. Не много спустя послѣ того времени, одинѣ изѣ его родственниковѣ здѣлался банкрутомѣ, который ему долженѣ былѣ десятью тысячью пїястровѣ, и онѣ получилѣ отѣ него одну шубу, которую и старался всячески беречь, вѣ разсуж-

денїи цѣны, чего она стоила: при всемъ томъ онъ хорошїй економъ, и желаетъ совершенно отправлять купечество; по чему я и надѣюсь, что со временемъ возвратитъ свои убытки, зная хорошо по Французски, Италїански, Турецки, Армянски, Гречески и нѣсколько по Нѣмецки.

Изъ *Орощука* отправился я 18 Ноября; но какъ каюта занята была Турками, то и принуждены были сдѣлать для себя на переди судна изъ досокъ на подобїе полатки, которая и служила намъ вмѣсто покоя. Съ нами жилъ Армянинъ изъ Килiи Новой, называемый Маркаръ, честностїю котораго мы можемъ весьма похвалиться; а при томъ также довольны мы были Рейсомъ (*) и всѣми его людьми. Турецкїй слѣсарь, коему мы давали по малой мѣркѣ вина и остатки отъ нашего стола, служилъ намъ во время путешествїя вмѣсто повара; другїе жъ Турки страстно любящїе пить Ликеръ, съ особливою ревностью помогали намъ истощать нашу провизїю; а какъ уже оной не стало, то послѣ собрали свою ватагу.

При благополучномъ вѣтрѣ прибыли мы 20 Ноября въ *Силистрїю.* Сей городъ (**) лежитъ по правую сторону рѣки Дуная, и хотя не весьма великъ, но довольно

(*) Рейсами называютъ начальниками малыхъ купеческихъ кораблей, а Рейсъ Пашами тѣхъ, кои управляютъ большими или военными кораблями.

(**) Оный городъ лежитъ не далеко отъ развалинъ каменной стѣны, которую Греческїе Императоры состроили для воспрепятствованїя набѣгамъ непрїятельскимъ.

довольно укрѣпленъ , и жителей онаго , которые состоятъ почти всѣ изъ Турковъ, боятся по причинѣ строгаго ихъ наблюденія. Рейсъ не могъ къ тому городу пристать, не избѣжавъ платежа пошлины за брошеніе въ выгодномъ мѣстѣ якоря , и мы остановились на супротивъ приморскаго мѣста. Таможенные служители переѣхали рѣку и мы весьма скоро съ ними расплатились , дабы продолжать намъ свой путь.

Многіе дни сряду время было весьма худое , вѣтеръ противный и столь сильный шелъ дождь , что не смотря на всѣ мои предосторожности , вся моя постеля была покрыта водою.

22 Ноября, проѣхали мы небольшій городъ , называемый *Горзава*, лежащій по правую сторону рѣки *Дуная*. Я весьма радъ былъ, что избавился отъ своего судна, которое бы конечно не могло воспротивиться сильному вѣтру нами чувствуемому. Въ семъ мѣстѣ, хотя рѣка и весьма широка и валы были великіе , однако Турецкое судно легко то сносило , и мы часто принуждены были бороться съ противнымъ вѣтромъ.

23 Ноября, весь день и часть ночи разъѣзжали мы по рукаву *Дуная*, узкому и кривому мѣсту ; и какъ сей путь казался намъ весьма опаснымъ , то мы всячески остерегались.

24 Ноября въ ночи, увидѣли мы *Ибраилъ* (*), а нѣсколько часовъ спустя и *Галазъ* (**) въ *Молдавіи*. Сей городъ лежитъ весьма на пріятномъ мѣстѣ, и мы видѣли великое множество Христіанскихъ церьквей, не примѣтя при всемъ томъ ни одной мечети. Въ двухъ онаго гаваняхъ находилось много о двухъ мачтахъ судовъ, наполненныхъ хлѣбомъ, назначенныхъ для Константинополя, а при томъ заложено было много и другихъ.

Того же дня пристали мы къ *Сагчу* (***) Сей городъ не столь знатный, и защищается только одною старою крѣпостью, лежащею на берегу Дуная. Тамъ есть большая дорога, ведущая отъ Сагчи въ Константинополь, и всѣ жители *Молдавіи*, *Безсарабіи* и другихъ провинцій по ту сторону Дуная лежащихъ, обыкновенно берутъ сію

(*) ИБРАИЛЪ, БРАИЛОНЪ, БРАИЛА, есть небольшій городъ, на берегу Дуная, съ укрѣпленнымъ замкомъ, на коемъ поставлены 7 башенъ, и 1711 году взятъ былъ Россійскимъ Генераломъ Рейномъ, и спустя послѣ того нѣсколько времени, выведенъ оттуда и гарнизонъ. Онъ много разъ въ послѣднюю войну находился во власти Россіянъ.

(**) ГАЛА, ГОЛАДИСЪ, есть великій городъ хорошо выстроенный, около котораго обнесена худая каменная стѣна. Всѣ почти жители онаго Греческаго закона, отправляющіе купечество: они тамъ пользуются большею вольностію такъ, какъ и всѣ прочіе, которые находятся во власти Оттоманской Порты.

(***) Великій Визирь Алибей ушелъ въ САГЧУ или ИСАКЦІО съ остальнымъ своимъ войскомъ послѣ баталіи, которую онъ проигралъ противъ Россіянъ, 1 числа Августа 1771 года.

сію дорогу, которая содержитъ въ себѣ ѣзды около 6 дней, или 60 миль Нѣмецкихъ.

Ночью возставъ сильный вѣтеръ, принудилъ насъ стать на якорь; а какъ на другой день оный уменьшаться началъ, то мы около вечера будучи въ состояніи поднять паруса, отправились уже въ десять часовъ, и 26 числа по утру прибыли мы въ *Измаилъ*. (*) Сей городъ весьма великъ, въ которомъ отправляется знатный торгъ, отъ пріѣзжающихъ изъ *Леванта* съ товарами.

Я весьма соболѣзновалъ, какъ услышалъ, что Ханъ Татарскій два дни какъ уѣхалъ оттуда съ Консуломъ Французскимъ, для возвращенія въ *Кожшанъ*; по чему и не иное что оставалось, какъ предпріять путь свой въ *Килію*, увѣдавъ, что слухъ о опасности ужъ началъ распространяться. Рейсъ былъ весьма корыстолюбивый Турокъ, который принудилъ меня запереѣздъ сей заплатить такую сумму, которая, ежели сравнить плату, требуемую имъ до того за наемъ корабля, была чрезвычайно великая. Хотя

(*) ИЗМАИЛЪ досталася Россіянамъ вскорѣ после побѣды, одержанной ими при устьѣ рѣки АЛАГАЛЫ 1 числа Августа 1771 года; которого жители, при приближеніи Генерала Поручика Князя Репнина, отворили ворота. Россіяне нашли въ Арсеналахъ великое множество разныхъ военныхъ снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ. Человѣколюбіе Начальника Россійскаго, будучи извѣстно жителямъ ИЗМАИЛА, ни въ малѣйшей не привело ихъ страхъ. На другой день при вступленіи Россіянъ въ городъ открыты были лавки и начался торгъ по прежнему.

Хотя отъ *Измаила* до *Килїи* не болѣе 8 или 9 миль разстоянїя было; однако мы не менѣе, какъ въ два дни поспѣть туда могли. Возставшая въ ночь буря, принудила искать себѣ безопаснаго мѣста, и ожидать окончанїя оной, и сїя буря стоила мнѣ жизни: ибо ходя по борту корабельному, имѣя на ногахъ новые туфли, нога моя поскользнулась, и я головою упалъ въ рѣку; волны нѣсколько времени меня въ водѣ поддерживали, и къ щастїю моему, что я съ малолѣтства обучился плавать, что мнѣ не мало въ семъ случаѣ помогло, и я приближась къ судну, за него ухватился; но дыханїе, здѣлавшееся короткимъ, не дозволяло мнѣ кричать и призывать на помощь. Какъ я пробылъ нѣсколько минутъ въ семъ плачевномъ состоянїи, то корабельщики наконецъ меня увидѣли; они мнѣ протянули руки и вытащили меня изъ воды, и я не причинивъ себѣ никакого вреда, могу смѣло сказать, нимало не испугался. Толмачь мой находился весьма подлѣ меня близко при вступленїи моемъ въ судно, который не учинивъ мнѣ ни малѣйшаго вспоможенїя, былъ спокоенъ и смотрѣлъ на меня съ холоднымъ видомъ. А какъ примѣтилъ, что я еще живъ и въ добромъ нахожусь здравїи, не претерпѣвъ ни малѣйшей опасности отъ сего приключенїя, то онъ подойдя, сталъ мнѣ помогать одѣваться. Сїе съ его стороны дѣйствїе увѣрило меня еще и болѣе въ худыхъ о немъ моихъ мысляхъ, которыя я прежде имѣлъ, и ясно видѣть могъ, что онъ ни мало бы не былъ тронутъ, естьли бы Дунай здѣлался моею гробницею. Весьма я былъ щастливъ, что

голова

голова моя осталась цѣла: ибо то самое мѣсто, куды я упалъ, болѣе 8 саженъ было глубиною, и теченіе весьма быстрое.

Когда вѣтеръ нѣсколько утихъ, то Рейсъ поднялъ паруса. Хотя до *Киліи Новой* не болѣе было разстоянія, какъ на одну милю; однако жъ мы ѣхали 4 часа, и не прежде пристали къ берегу, какъ 30 Ноября, въ 9 часовъ утра. Сіе наше кораблеплаваніе, въ сей городъ по Дунаю, продолжалось отъ Вѣны 56 дней.

Килія Новая (*) лежитъ по лѣвую руку отъ пяти устьевъ Дуная, (**) въ трехъ миляхъ отъ Чернаго моря. И какъ сія часть, такъ и правый рукавъ рѣки столь обширный, что по оному самые большіе корабли о трехъ мачтахъ, могутъ проходить въ Черное море. Сей городъ отъ стороны Дуная имѣетъ весьма хорошій видъ, и положеніемъ своимъ для мореплавателей весьма способенъ. Строеніе его довольно нарочитое, и содержитъ въ себѣ, какъ великое множество мече-

(*) КИЛІЮ называютъ, КИЛІЯ НОВАЯ для различія отъ другаго города того же имени, лежащаго на сосѣдственномъ островѣ; а въ старину назывался онъ ЛИКОСТОМОНЪ.

Городъ КИЛІЯ сдался Россіянамъ на капитуляціи 30 Августа 1771 года. Согласилось, чтобъ гарнизонъ Турецкій, около 4 тысячь человѣкъ состоящій, переведенъ былъ на судахъ въ ТУЛЧУ по другую сторону Дуная, что и учинено было.

(**) Многіе Географы, да и самый Бишингъ, говорятъ, что Дунай входитъ въ Черное море семью устьями: однако жъ я съ возможнымъ моимъ попеченіемъ старался освидѣтельствовать, и нашелъ только 5: ибо не считаютъ малыхъ рукавовъ, составляющихъ острова и соединяющихся наконецъ съ большими.

мечетей, такъ и двѣ церькви Армянскія. Онъ хотя и окруженъ худою каменною стѣною; однакожъ на берегу Дуная находится великій замокъ, довольно укрѣпленный.

Армянинъ, житель *Киліи Новой*, пріѣхавши съ нами изъ *Орсщуха*, предложилъ намъ свой домъ, въ который онъ хотѣлъ перенесть всѣ наши пожитки; однакожъ оныя Таможня одержавъ, осматривала съ великимъ тщаніемъ, что намъ и не показалось хорошимъ предзнаменованіемъ, болѣе по тому, какъ я увидѣлъ двухъ Янычаръ, бѣгающихъ безпрестанно около судна, и съ великимъ раченіемъ насъ наблюдающихъ. Мы требовали позволенія выложить товары свои въ магазинъ; но въ томъ намъ отказали, а хотѣли, что бъ всѣ оные были въ Таможнѣ, дабы вольнее осмотрѣть ихъ можно было. Мы великую приносили жалобу на такіе поступки, но оные были тщетны: ибо сказали намъ, что они хотятъ увѣриться, не привезлиль мы чего съ собой запрещеннаго, особливо огнестрѣльнаго оружія для отвозу Россіянамъ. Они также хотѣли осмотрѣть наши пасорты, которые они почитали не менѣе важности достойными.

Толмачь меня оставилъ, и я одинъ спорилъ съ таможеннымъ Приставомъ Турецкимъ, находившемся же по случаю тамъ жидъ, служилъ мнѣ вмѣсто Толмача. Я представлялъ всѣ причины, которыя мнѣ казались быть похвальными и способными къ ихъ убѣжденію: особливо просилъ я Гумрукчи-

Агу, (Таможеннаго Директора) позволить, что бЪ всѣ сіи товары остались вЪ Таможнѣ до того времени, пока я не исходатайствую отЪ самого Хана Татарскаго свидѣтельства, что оные назначены для его земли; но усиленія и прозьбы мои были безполезны. Мнѣ угрожали, что вЪ отсутствіе мое, посѣтятЪ мои ящики, присовокупя, что сіе посѣщеніе подастЪ причину, ежели я послѣдую поступкѣ Армянина и удалюсь. Сіи угрозы не воспрепятствовали мнѣ послѣдовать его примѣру, и едва только я отошелЪ на 20 шаговЪ, какЪ двое изЪ посѣтителей приближались кЪ моимЪ ящикамЪ, и начали осматривать; по чему и принужденЪ былЪ возвратиться назадЪ, дабы воспрепятствовать покражѣ чего отЪ множества людей, особливо отЪ ребятЪ при томЪ находившихся. ОдинЪ бралЪ то, другой иное, дабы судить по своему вкусу и удовольствовать любопытство, свойственное ТуркамЪ. ВЪ семЪ безпорядкѣ просилЪ я Коммисара, который казался мнѣ гораздо разсудительнымЪ, чтобЪ отогнать народЪ, по тому, что ежели что нибудь изЪ моихЪ товаровЪ пропадетЪ, или повредятЪ, то я пойду вЪ Таможню; по чему онЪ и приказалЪ нѣкоторымЪ ЯнычарамЪ стеречь, и какЪ возможно препятствовать не подходить народу. Приставы такЪ же принуждены были оставить свой осмотрЪ, и товары мои понесли вЪ Таможню, гдѣ тотчасЪ и начали опять осматривать. ТамЪ вЪ присудствіи нѣкоторыхЪ любопытныхЪ МузульмановЪ каждая вещь была осма-

осматриваема, выхваляема, оцѣняема и описываема, что и продолжалось весь день. Мы принуждены были препроводить часть ночи въ приведенiи въ порядокъ вещей и разобранiи оныхъ.

На другой день прислали ко мнѣ Таможеннаго плута, который требовалъ многихъ вещей для своихъ господъ, сказывая, что они купятъ хотя оныя. Я въ сихъ обстоятельствахъ довольно догадался, и зналъ по опыту такого сорту людей, которые желаютъ какого нибудь отъ меня себѣ подарка; по чему я и послалъ имъ одну вещь изъ моихъ товаровъ; но на другой день оную мнѣ назадъ отослали, прося отпустить тѣ, которыя они у меня просили. Толмачь мой совѣтовалъ мнѣ въ прозьбѣ ихъ не отказывать, по чему я и отдалъ оныя нашему хозяину отнести въ Таможню. Сей человѣкъ по возвращенiи своемъ принесъ намъ такую вѣсть, что на тѣ вещи взирали такъ, какъ на подарокъ, превозвышающiй пошлину, которыя цѣною доходили до триста пiястровъ, и что намъ не прежде возвратятъ наши проѣзжiе листы, ежели въ щетъ не поставятъ сей суммы, и что велятъ мнѣ притти въ Таможню для платежа оной. Я не могу довольно изъяснить, сколько я былъ встревоженъ симъ требованiемъ; но къ чему могъ послужить мой гнѣвъ? дабы помѣшкать въ платежѣ сей суммы, то я притворился больнымъ, обвертѣвъ свою голову платкомъ; но меня вторично спрашивали, заплачуль я имъ тѣ деньги. Я отвѣчалъ имъ, что не можно отъ меня требовать въ земляхъ,

 при-

принадлежащихъ Султану двойной пошлины, и что мой паспортъ, который я требовалъ, чтобъ они вскорѣ возратили, довольно доказать можетъ, что уже въ Бѣлградѣ оная получена, и что въ другомъ мѣстѣ платить денегъ не имѣю.

Наконецъ прислали мнѣ пашпортъ, съ которымъ Толмачу моему свободно было безъ замедлѣнія возвратиться въ *Ковшанъ*, дабы принесть жалобу Хану и получить фирманъ для продолженія нашего пути въ земли ему принадлежащія. Я снабдилъ его для удобнаго отправленія торгу рекомендательнымъ письмомъ къ Консулу Французскому. Я услышалъ, что онъ возвратился въ *Килію*, и когда Таможенный приставъ спросилъ меня объ отсутствіи Толмача, то я ему отвѣчалъ, что послалъ его въ *Бендеры* для взысканія нѣкоторой суммы по вексѣлю, объявляя о себѣ всегда, что болѣнъ.

Въ продолженіи сего времени, знакомый мнѣ жидъ и который казался быть услужливымъ, привелъ ко мнѣ невольника, родомъ изъ *Кобленца*, по имени *Ернеста Мозера*, обращеніе съ которымъ, почиталъ онъ, что меня увеселитъ: ибо онъ былъ еще человѣкъ молодой, и сказывалъ мнѣ, что онъ былъ слесарнаго дѣла мастеръ. Онъ говорилъ по Французски, Италіански и по Арнаутски. Путешествуя по Франціи для отправленія своего ремесла, отдали его силою въ рекруты, и принудили служить. Близъ года будучи онъ въ полку, изъ онаго убѣжалъ, и находясь въ свободѣ вступилъ въ Венеціанскую службу, и посланъ въ Далматскій гарнизонъ,

гдѣ

гдѣ онъ и жилъ весьма бѣдно. 28 человѣкъ солдатъ, въ числѣ коихъ находился и онъ, учиня общій заговоръ, благополучно спаслись съ своимъ оружіемъ и платьемъ изъ крѣпости. Имъ необходимо надобно было итти въ Турецкія земли; но будучи атакованы многими Греками, защищались, палили и многихъ изъ нихъ убили. Наконецъ Греки получа себѣ въ помощь до двухъ или до трехъ сотъ человѣкъ, учинили на нихъ новое нападеніе, которые будучи окружены множествомъ, двадцать пять человѣкъ изъ нихъ взяты въ полонъ, а остальные троя лишены жизни. Греки ихъ продали Туркамъ. *Мозеръ* съ шестью другими отведенъ былъ въ *Морею*, четверо старались уйтить, но были пойманы; а трое изъ нихъ отъ побоевъ умерли, въ наказаніи коихъ, какъ *Мозеръ*, такъ и его товарищи принуждены были помогать; оставшейся же изъ ушедшихъ съ нами, объявилъ, что онъ охотнѣе соглашается сдѣлаться Музульманомъ, нежели подвергнуть себя равному истязанію.

Мозеръ во время своей неволи, въ которой онъ былъ 13 мѣсяцовъ, продаваемъ былъ седмь разъ, и господинъ, коему онъ тогда принадлежалъ, былъ богатый Турокъ, содержа его довольно хорошо, и его должность была въ *Киліи* продавать воду и смотрѣть за лошадьми. Онъ увѣрялъ меня, что онъ въ *Кобленцѣ* и *Олмуцѣ* имѣлъ весьма богатыхъ родителей, и что въ послѣднемъ изъ тѣхъ городовъ должны ему были до нѣсколько сотъ флориновъ. Я его спросилъ; развѣ онъ не желаетъ изъ неволи

выти? Онъ отвѣтствовалъ мнѣ: что онъ весьма о томъ старается и не умѣдлитъ о изысканіи средствъ освободиться: ибо у господина его есть весьма хорошая лошадь, которая ему поможетъ спастись; но только то его нещастіе, что онъ не знаетъ со всѣмъ дороги. Я ему совѣтовалъ не предпринимать такого намѣренія; а какъ онъ имѣетъ довольно имѣнія и богатыхъ родителей, то удобнѣе ему выкупиться, представляя ему, что я постараюсь по возвращеніи своемъ, хотя чрезъ письма, или самому употребить прозьбу, къ кому надобно, для исходатайствованія ему вольности; а онъ между тѣмъ бы спросилъ у своего господина, сколько онъ требуетъ за него выкупу. Онъ поблагодаря за мой совѣтъ, которому онъ охотно послѣдовать желалъ, тогожъ вечера спросилъ у своего господина: чего онъ за него требуетъ? сказывая, что находящейся въ семъ городѣ Нѣмецкій купецъ, дастъ ему денегъ столько, сколько ему надобно. Турка не довольно того, что отказалъ ему въ свободѣ, но и запретилъ никогда не ходить ко мнѣ.

Сей Музульманъ навѣстилъ меня тогожъ вечера съ однимъ изъ своихъ приятелей и пробылъ около двухъ часовъ. Какъ я пилъ кофій, то я имъ онаго поднесъ и подалъ по трубкѣ табаку. Я показалъ имъ нѣкоторые свои товары; но они давали мнѣ весьма малыя за нихъ цѣны. И хотя имъ все нравилось, но ни чего не купили, и оставивъ меня, казались быть весьма довольными.

нѣ-

Нѣсколько дней спустя, невольникъ опять пришелъ; но я просилъ его, чтобъ онъ меня не посѣщалъ, опасаясь, чтобъ въ такомъ случаѣ не имѣть ни какого съ господиномъ его дѣла, подаривъ ему табакерку, нюхательнаго табаку и нѣсколько денегъ. Нещастный пошелъ отъ меня со слезами; Туркажъ, который конечно былъ шпіонъ, на другой день пришелъ ко мнѣ съ угрозами, дабы я не имѣлъ ни какого съ его невольникомъ сообщенія. Сія неучтивая поступка весьма мнѣ не понравилась, и я отвѣчалъ ему, что онъ можетъ своего невольника посадить въ оковы, и тѣмъ самымъ воспрепятствовать ему ко мнѣ приходить. Съ того времени болѣе ужъ онъ не появлялся, и по возвращеніи моемъ услышалъ я, что онъ не умешкалъ здержать свое слово въ побѣгѣ и съ лошадью своего господина.

Нѣсколько дней чрезъ сей городъ проходили многіе Байрахи (*) Янычаръ, назначенные въ Бендеры. Какъ непорядокъ и худая военная экзерциція находилась въ семъ войскѣ, то оное не зная за что приняться, разсѣялось по улицамъ, стрѣляли изъ ружей и пистолетъ, грабя все что имъ ни попадалось: они унесли изъ магазиновъ, которые въ скорости заперетъ не успѣли, все то, что имъ надобно было, бросивъ помѣщикамъ деньги, которыя едва превозвышали половину тѣхъ, коихъ унесенное ими стоило. Я издали видѣлъ всю жидовскую лавку разграбленную,

 такъ,

(*) Байрахъ или рота, составленная изъ шестидесяти и до ста человѣкъ. Сіе имя даютъ также флагу Турецкаго корабля.

такъ, что бѣдному дьяволу ни одгой полушки за поварьі не дали. Яньічарьі съ нещастньіхъ двухъ Армянъ, вышедшихъ изъ своей церькви, снявъ шубьі, не мѣдленно убѣжали.

Какъ я носилъ Нѣмецкое платье, то и почитали меня за Россіянина, и долженъ былъ пашпортъ мой носить на пуговицѣ, для избѣжанія худыхъ встрѣчь, отъ коихъ все-возможно я и остерегался, выходя рѣдко на улицу.

Нѣкогда вошедъ я въ цырюльну, дабы мнѣ выбриться, имѣлъ щастіе встрѣтиться съ однимъ Яньічаромъ, который хотѣлъ присвоить къ себѣ мою епанчу. Ежели бы сей военный человѣкъ былъ хорошій Логикъ, тобъ сіе покушеніе произвело не мало спору. Онъ настоялъ, а я не зналъ что дѣлать; братъ моего хозяина и цырюльникъ, прилагали много трудовъ отвратить его отъ сей обиды, и мнѣ надлежало взять терпѣніе, дабы не подвергнуть себя чрезъ то худымъ слѣдствіямъ; а хотябъ я имѣлъ право жаловаться, но ни какогобъ удовлетворенія получить себѣ не могъ.

Наконецъ Толмачь мой возвратился изъ *Ковшана* 12 Декабря, гдѣ онъ получилъ все то отъ Хана и Консула, чего я желалъ; и все сіе сдѣлано помощію подарковъ. Онъ принесъ два повелѣнія, подписанныя Ханомъ въ Таможню сего города, также *Менсильтескиръ* (*) для проѣзду обѣимъ намъ отсюда въ *Ковшанъ*.

Во

(*) МЕНСИЛЬТЕСКИРЪ, называется повелѣніе Почтмейстерамъ. Въ Турціи и Татаріи Владѣтель, или Мини-

Во первыхъ Цолнеру приказано было свободно проѣзжать съ нашими товарами, не требуя за оные пошлины; однакожъ Цолнеръ учинить оное отказался, объявляя, что все то зависитъ отъ Султана, а не отъ Хана, котораго сии и просить должны; однакожъ по прошествіи нѣсколько дней удовольствовался онъ тѣмъ, чтобъ посмотрѣть наши вещи, которыя у него въ рукахъ были, и едва согласился вмѣсто трехъ сотъ піястровъ прежде отъ насъ требуемыхъ, взять шестьдесятъ.

Мы не теряя времяни, прилагали всевозможное стараніе отправиться въ *Ковшанъ*, для принесенія жалобы Хану; однакожъ Консулъ совѣтовалъ намъ ни чего того не дѣлать, и мы совѣту его послѣдовали.

Какъ Консулъ въ отвѣтъ на мое письмо совѣтовалъ мнѣ одѣться въ Армянское платье, не нося Нѣмецкаго, какъ въ разсужденіи опасности, такъ и медлѣнности въ моемъ путешествіи, то я послѣдуя его желанію, сдѣлавъ себѣ въ *Килїи* платье такое, которое походило болѣе на Турецкое, нежели на Армянское, и оно мнѣ очень пристало.

Не смотря на всѣ наши попеченія, не возможно было намъ во время нашего сдѣсь пребыванія достать себѣ тѣлегъ для перевозу

стры даютъ оныя по особливой милости, иногда даромъ, а чаще за подарки. Въ ономъ повелѣвается Губернаторамъ и Коммендантамъ мѣстъ не дѣлать ни какой отсрочки, и путешествующимъ чинить всякое вспоможеніе въ безопасномъ ихъ проѣздѣ до назначеннаго мѣста. Сіе въ самомъ дѣлѣ путешественникамъ весьма выгодно.

возу нашихъ товаровъ, по причинѣ худаго пути и безпрестанныхъ дождей. Наконецъ по многимъ трудамъ, нашли мы три, на которыя наклавъ часть нашихъ товаровъ, приказали ѣхать въ передъ, въ провожанїи одного Янычара.

ГЛАВА III.

Путешествїе изъ Килїи Новой въ Ковшанъ въ Буджатскую Татарїю.

20. Декабря пустились мы въ путь, хотя намъ и отказано было въ *Килїи Новой* въ почтовыхъ лошадяхъ, въ наемной тѣлегѣ, взятой нами изъ плачевнаго сего города. Какъ мы прибыли въ Татарскую деревню, на двѣ мили разстоянїемъ, то мы изыскали средство безпрепятственно продолжать наше путешествїе, показавъ только свои пашпорты. Сїи почты походили весьма на установленныя указомъ, гдѣ крестьяне и мѣщане принуждены во время войны ставить лошадей даромъ. Отъ деревни до деревни давалась намъ небольшая Татарская тѣлега, которой переднїе колесы укрѣплялись не желѣзнымъ, а деревяннымъ гвоздемъ. Въ оную впрегались двѣ лошади, и Татаринъ садясь на третью, велъ двѣ другихъ. Когда время хорошее, то поѣздка сїя весьма спокойная и скорая; а естьли дорога чрезвычайно худая, и когда войско поберетъ всѣхъ лошадей, то мы часто принуждены

нуждены были въ каждой деревнѣ останавливаться по два или по три часа, ожидая ихъ возращенія.

Въ нѣкоторыхъ земляхъ, не смотря на всѣ старанія нашего провожатаго, принуждены мы были спорить съ Татарами, дабы принудить ихъ дать намъ лошадей, и иногда получали оныя съ великимъ трудомъ, а иногда принуждены были продолжать путь нашъ на тѣхъ, которыя у насъ были, а въ иныхъ округахъ давали намъ охотно, и часто два Татарина служили намъ вмѣсто проводниковъ. Сіи деревни, обитаемы были Татарами, извѣстными подъ именемъ Буджадскихъ, которые по большей части казались мнѣ быть усердными.

На другой день въ 10 часу въ вечеру, изломалось у насъ колесо, что и принудило нашего Татарина бѣжать въ первую деревню, которая отъ насъ по крайней мѣрѣ на двѣ мили была разстояніемъ, и мы принуждены были ожидать около 4 часовъ, въ которое время лилъ сильный и безпрестанный дождь до самаго того времени, какъ привезли намъ новую тѣлегу и свѣжихъ лошадей. На другой день по утру упали мы съ нашею тѣлегою въ весьма глубокую яму, покрытою снѣгомъ, откудова съ великимъ трудомъ могли освободиться.

Въ ночь приѣхали мы въ деревню, за двѣ мили отъ *Ковшана*; но по прибытіи моемъ никто не хотѣлъ пустить меня на ночлегъ: ибо Татарки почли меня за Турку, коихъ они весьма боятся. Наконецъ одинъ человѣколюбивый Татаринъ надъ нами

жи сжалился, и какъ онъ, такъ и жена его оказывали намъ всевозможныя услуги, и разложивъ огонь сушили наше платье. Послѣ я буду говорить съ похвалою о сихъ Татарахъ, хотя и сказываютъ о нихъ, какъ о варварахъ; однако жъ показались они мнѣ во всѣхъ случаяхъ гораздо превосходнѣе Турокъ. По трехъ суточномъ путешествіи прибыли мы 23 Декабря около полудни въ *Ковшанъ* (*). Сей не большей городъ, лежитъ между двумя холмами, на 20 миль Татарскихъ (**) разстояніемъ отъ *Килїи*, а на 4 отъ *Бендерь.* И какъ оный городъ наполненъ былъ Турками и Татарами, то и принуждены мы были пойти къ Персіянину, у котораго былъ покой малый, темный и сырой, и не было ни камину и ни какого выгоднаго для насъ мѣста; но къ щастію нашему было, по крайней мѣрѣ то, что мы могли запереть наши товары и никого кромѣ насъ постороннихъ не было.

Консулъ находился въ отсутствіи, и я увѣдалъ, что онъ поѣхалъ въ Польшу; по чему и не воспрепятствовало мнѣ послать къ его Секретарю, дабы онъ объявилъ о моемъ къ нему послушаніи. Секретарь тотчасъ прислалъ ко мнѣ лошадь, весьма учтивымъ образомъ, прося меня пріѣхать

(*) **КОВШАНЪ** рѣдко видѣть можно на картѣ, хотя сей городъ нарочито великъ, и есть Резиденціею Хана Татарскаго, когда Султанъ имѣетъ войну съ Европейскимъ Государемъ.

(**) Миля Татарская, равна милѣ Нѣмецкой. Татары, которые ѣздятъ всегда на лошади, щитаютъ разстояніе миля часъ ровной лошадиной рыси.

ѣхать на оной въ его квартиру, по елику тогда по причинѣ грязнаго времени пѣшкомъ притти не льзя было. По прибытіи моемъ я нашелъ у него Нѣмецкаго жида, котораго онъ призвалъ для того, чтобъ быть ему между нами вмѣсто толмача; но какъ я ему сказалъ, что я говорю по Латынѣ, то онъ его отослалъ тотчасъ назадъ. Я ему разсказалъ о нашихъ выгодахъ, и онъ обѣщалъ оказать свои услуги и исходатайствовать покровительства отъ Консула. Наконецъ онъ сказалъ мнѣ, что Консулъ возвращаясь изъ Польши, почтенъ былъ Татарами по платью своему Россіяниномъ, и что они остановивъ его, отвели плѣнникомъ къ Хану, который весьма обрадовался, что съ нимъ ничего худаго не приключилось, и Татаръ наградилъ. Я уже весьма поздно ночью пріѣхалъ въ свою квартиру. На другой день увѣдомили меня о прибытіи Консула, къ которому я тотчасъ и пошелъ. Онъ уже садился на лошадь, дабы ѣхать къ Хану, и поднести ему нѣкоторые подарки, привезенные имъ изъ Польши: я разсказалъ, сколько мнѣ возможно было ему о состояніи нашихъ дѣлъ въ *Килгіи*, усильнымъ образомъ прося его о исходатайствованіи намъ благосклоннаго пашпорта. Онъ обнадежилъ меня въ своемъ покровительствѣ, и что онъ употребитъ объ насъ всевозможное свое стараніе, такъ какъ мы были Французы, совѣтуя притомъ не думать о безделицахъ, взятыхъ у меня въ *Килгіи*, а требовать оныя назадъ со временемъ. Что касалось до моей прозьбы,

то

что онъ просилъ меня потерпѣть дни три, въ которые бы ему возможно было исправить весьма важныя при дворѣ дѣла; а послѣ того времени поговорятъ они о всемъ томъ, что только можетъ быть въ пользу и будетъ касаться до продолженія пути, подавъ во всемъ нужномъ помощь. Я оставивъ его, послалъ къ нему подарокъ, который онъ съ великимъ принужденіемъ принялъ.

Когда уже прошло 4 дни, не получивъ ни какого извѣстія, то пошелъ къ нему опять. Я вторично усильнымъ образомъ просилъ его о исходатайствованіи мнѣ отъ Его Свѣтлости Фирмана и повелѣнія о дачѣ лошадей, и онъ снова увѣрялъ меня, что все приготовитъ до отъѣзда Хана. Разговоръ нашъ продолжался около часа, въ которое время я думалъ, что повѣрить не льзя, и что обѣщанія его въ услугѣ были не очень искренные, и легко повѣрилъ, что сей Консулъ, особливо въ разсужденіи Коммерціи его народа съ *Каффою*; мнѣ больше будетъ вредителенъ, нежели благосклоненъ. Въ слѣдствіе чего я ссылался на рекомендательные къ нему письма, увѣряющія, что мои товары состояли по большей части въ желѣзѣ, и что я не иного чего на перемѣну моихъ товаровъ изъ *Крыму* желаю, какъ благовонныхъ вещей, кожъ, воску и другихъ тому подобныхъ. Наконецъ я его оставилъ, не зная, что мнѣ предпріять.

Между тѣмъ тѣлеги наши уже прибыли, находясь 8 дней въ дорогѣ; и мы отвезли сіи товары къ *Гекимъ-Башѣ*, Ханскому Лѣкарю, который съ первыхъ дней казался

къ

жъ намъ быть благопріятнымъ, и мы учи-
и въ хорошее распоряженіе, сдѣлался я
ему пріятелемъ. Онъ назывался Бланшетъ,
родомъ изъ острова Хіо, гдѣ отецъ его
былъ Консуломъ Французскимъ. Онъ учился
въ Римѣ, и тамъ получилъ Докторскую
шапку, и десять лѣтъ тому назадъ на-
ходился въ службѣ у Кримъ Гирея Хана
Крымскаго, послѣдуя за нимъ въ ссылку въ
Родосъ. Какъ я его лутче узналъ, то примѣ-
тилъ, что онъ былъ человѣкъ весьма искус-
тный и великій Ботаникъ, коего лѣкарства,
по обыкновенію Восточному, состояли особ-
ливо въ простыхъ и въ травныхъ. Мы въ немъ
нашли болѣе искренности, нежели во всѣхъ
тѣхъ, у коихъ мы при Дворѣ Татарскомъ
имѣли дѣло, гдѣ, какъ и при протчихъ Евро-
пейскихъ Дворахъ, великое множество льсте-
цовъ, хвастуновъ и обманщиковъ. Придвор-
ные вездѣ почти такіе, и климатъ, въ
разсужденіи тѣхъ людей, ни какой перемѣны
не имѣетъ.

Я принужденъ былъ въ разговорахъ съ
симъ Лѣкаремъ употребить малое мое
знаніе Латинскаго языка; и мы всегда на
ономъ съ нимъ говорили. И какъ наконецъ
онъ хотѣлъ, что бы я у него обѣдалъ, то
и провождалъ съ нимъ цѣлые дни.

Столъ его былъ весьма хорошій; у него
былъ преисскусный поваръ, и я ни чего бо-
лѣе не ѣлъ, какъ пилявъ, (*) который все-
гда и готовили. Я

(*) ПИЛЯВЪ, дѣлается изъ сорочинскаго пшена, и его употребляютъ въ Турціи при всякомъ столѣ, и сіе кушанье сытное, здоровое и вкусное.

Я отнесъ ко Двору, по совѣту господина Бланшета подарки, назначенные Хану. Сей Владѣтель послалъ того жъ вечера Толмача сыскать меня, дабы изъяснить ему о употребленіи разныхъ инструментовъ, мною къ нему посланныхъ, что и подало мнѣ случай, по моему желанію, его увидѣть. Какъ я разбиралъ оные въ особливой комнатѣ, то сей Владѣтель тотчасъ появился, вышедъ изъ потаенныхъ дверей. Толмачь сказалъ мнѣ, что ето его Свѣтлость. Я ему здѣлавъ глубокое почтеніе по Турецкому обычаю, поцѣловалъ край его шубы; а онъ мнѣ подалъ поцѣловать свою руку, что и показалось мнѣ отмѣнною благосклонностію. Онъ ростy былъ обыкновеннаго, нѣсколько дороденъ, весьма смуглаго лица, виду важнаго, и по бородѣ его, начинающей сѣдѣть, догадаться можно было, что былъ пятидесяти лѣтъ. Онъ тотчасъ началъ осматривать мои инструменты (*) о употребленіи коихъ изъяснялъ я ему около часа въ присудствіи многихъ Турокъ и знаменитыхъ Татаръ. Толмачь переводилъ все то, что я ему сказывалъ, и Ханъ вставъ, приписалъ мнѣ нѣкоторыя похвалы на Турецкомъ языкѣ. Я пользуясь симъ случаемъ, просилъ его дать для меня и моего Армянина Фирманъ и повелѣніе для свободнаго въ его областяхъ проѣзда, на что чрезъ Толмача

(*) Сіи машины состояли въ Каморѣ Обскурѣ, въ Магическомъ фонарѣ, въ Електрической машинѣ, въ [illegible] Оптикѣ, представляющей многіе города и Европейскія крѣпости.

Толмача сказалъ мнѣ въ отвѣтъ, что онъ о семъ дѣлѣ посговоритъ съ *Гекимъ Башею*. Я пошелъ домой, будучи исполненъ надеждою и весьма довольный тѣмъ, что сей Владѣтель показалъ свое удовольствїе во всемъ томъ, что я ему показывалъ.

Черезъ два дни послѣ того услышали мы отъ *Гекимъ Баши*, что Ханъ велѣлъ приготовить намъ Фирманъ и повелѣнїе всѣмъ принадлежащимъ его землямъ, и силою перьваго не могутъ требовать во всѣхъ Татарскихъ Таможняхъ, мимо коихъ проѣзжать будемъ, ни полушки пошлинъ съ нашихъ товаровъ, и что на другой день я буду имѣть у Хана Аудїенцїю. Я думалъ, что въ семъ случаѣ должно мнѣ знать обрядъ, какимъ образомъ поступить, и *Гекимъ Баша*, въ разсужденїи того далъ мнѣ всѣ нужныя наставленїя, говоря притомъ, могутъ ли оныя быть для меня полезны, или нѣтъ.

ГЛАВА IV.

Аудїенцїя у Хана.

30 Декабря, передъ полуднемъ *Гекимъ Баша* повелъ меня во Дворецъ: Толмачь принялъ меня въ переднихъ комнатахъ, и посадивъ поднесъ мнѣ кофїю и трубку табаку. По прошествїи получаса предводитель мой, бывши все это время у Хана, пришедъ

пришедъ, сказалъ мнѣ, что я могу войти. Я нашелъ въ покояхъ многихъ служителей и Ханскихъ Чеушевъ (*), которые по большей части всѣ были молодые Дворяне Татарскіе. Они мнѣ дали мѣсто, и многіе при моемъ входѣ въ митъ меня окружили. Какъ скоро я увидѣлъ Хана, подлѣ коего по сторонамъ сидѣли многіе Татарскіе Вельможи, то я павъ на земь и сложивъ крестъ на крестъ руки, наклонилъ до полу свою голову. Я было хотѣлъ еще два раза сіе учинить; но при первомъ моемъ вставаніи, Владѣтель далъ мнѣ знакъ рукою, чтобъ я къ нему подошелъ. По приближеніи къ нему вторично павъ на земь, цѣловалъ полу его шубы; а послѣ того отошедъ отъ него на нѣсколько шаговъ, сдѣлалъ ему глубокое почтеніе, держа крестъ на крестъ руки по Турецкому обыкновенію. Подали мнѣ подушку, чтобъ сѣсть, и сіе сидѣніе весьма трудное: ибо надобно стать на колѣни такъ, чтобъ все тѣло держалось на пятахъ. Я извинялся предъ Толмачомъ, говоря, что я такъ, какъ Нѣмецъ, обыкновенія сего сдѣлать не могу, и сѣлъ, сложивъ крестъ на крестъ ноги, стараясь прикрыть оные *Пинишею* (**). Я говорилъ съ Ханомъ въ короткихъ словахъ, послѣдуя обыкновенію Восточному, благодаря его за милости и благосклонности, кото-

(*) ЧЕУШИ, есть имя общее Офицерамъ гражданскимъ и воинскимъ: сіи послѣдніе имѣютъ чинъ Поручика, и должность ихъ есть, чтобъ оберегать Владѣтеля.

(**) ПИНИШЪ, есть долгая изъ тонкаго сукна Самара, которая, естьли застегнешся, покрываетъ ноги и руки.

которыя онъ мнѣ оказалъ допущенїемъ меня предъ себя, прося при томъ удостоить меня его повелѣнїями. Я приписывалъ ему всегда титулъ Хана *Еффендима* (*), не называя ни когда *Патишею* (**), котораго титула ни его придворные, ни другїе мѣлкїе чины не употребляютъ.

Онъ наложилъ на меня должность достать ему 100 зеркалъ, въ длину 6 четвертей, а въ ширину 3, которыя онъ назначилъ для украшенїя покоевъ, а сверьхъ того полдюжины люстровъ, коимъ висѣть по середи оныхъ, и дюжину по бокамъ. Онъ просилъ, чтобъ привезти все сїе къ нему

по

(*) Ханъ ЕФФЕНДИМЪ, значитъ господинъ Ханъ. Слово Ханъ, называется Владѣтель или великїй Генералъ.

(**) ПАТИШАГИ, ПАТИША, значитъ на Турецкомъ языкѣ, Король, Императоръ, Великїй Государь, сильный Владѣтель и Монархъ. Турки рѣдко приписуютъ сей титулъ другому Государю, кромѣ Султана и когда они ему говорятъ, то обыкновенно изъясняются такимъ образомъ: АЛИ-ОСМАНЪ ПАТИША Императоръ Оттомманскїй. Подданные его приписуютъ слова гораздо еще славнѣе, какъ то: Король Королей Восточныхъ и Западныхъ, Монархъ многихъ Королевствъ, Побѣдитель свѣта, Покровитель Грековъ Прибѣжище смертныхъ, найсильнѣйшїй, непобѣдимѣйшїй, справедливѣйшїй и милостивѣйшїй Государь и Императоръ Мустафа Ханъ, котораго угодно Богу увѣнчать жизнь и царствованїе Своимъ благословенїемъ.

Превысокїй, пресильный, престрашный Императоръ нашъ Государь и Господинъ Мустафа, коего царствованїе пребудетъ навсегда благополучно, не претерпѣвая ни когда ни какого злополучїя, и да продолжится до конца вѣковъ; коего высокїй, щастливый и блистающїй Дворъ да будетъ прибѣжищемъ Королей и Государей и прочая.

по моемъ возвращенiи, постараясь сколько мнѣ возможно, обѣщая заплатить слѣдуемую за нихъ суму безъ замедлѣнiя. Онъ обѣщалъ еще мнѣ для избѣжанiя всякой остановки и для воспрепятствованiя отъ причиняемыхъ безпокойствъ отъ разныхъ Турецкихъ Таможенъ, исходатайствовать въ Царѣ-Градѣ отъ Султана для меня Фирманъ, въ которомъ бы я и люди мои означены были подъ именемъ его Комисаровъ.

Сiе обѣщанiе меня весьма увеселило, и Владѣтель съ своей стороны казался быть весьма довольнымъ засвидѣтельствованiемъ моей къ нему благодарности, и увѣренiемъ, что я повелѣнное имъ исполню съ точностiю.

Послѣ того, еще спросилъ меня, не можно ли мнѣ привезти къ нему 12 музыкантовъ, которые бъ играли на разныхъ инструментахъ. Я отвѣчалъ ему, что сiе будетъ весьма удобно, ежели позволятъ въ нашей землѣ вывозить подданныхъ Иностраннымъ Государямъ. И хотя я и могу получить на то позволенiе, то только, чтобъ Его Свѣтлость уполномочилъ меня договориться съ ними о цѣнѣ, какую имъ ежегодно платить будетъ, и заключить съ ними контрактъ на 3 года; когда же срокъ пройдетъ и захотятъ они возвратиться въ свое отечество, то бъ мнѣ дана власть по желанiю ихъ обратно отправить. Ханъ отвѣтствовалъ мнѣ, что онъ увѣряетъ исходатайствовать имъ дозволенiе во всякое время выѣхать; а что до ихъ жалованья касается, то опредѣляетъ имъ до

3000

3000 піястровЪ вЪ годЪ, давЪ имЪ сверьхЪ того, такія же выгоды, какими и прочіе его домашніе пользуются, а имянно: покои, платье, мясо, пшено, хлѢбЪ, дрова и сѢно, и что заключитЪ сЪ ними контрактЪ на 3 года, и будетЪ стараться, чтобЪ изЪ подданныхЪ его заступили ихЪ мѢста. По окончаніи сего, ХанЪ всталЪ, и вся его свита то же примѢру его послѢдовала. И какЪ окЪ пошелЪ вЪ другіе верхніе покои, то я возобновилЪ мое почтеніе, и тѢ же обряды, которые я по вступленіи кЪ нему дѢлалЪ. Я сѢлЪ опять вЪ переднемЪ покоѢ, гдѢ меня потчивали такЪ, какЪ и вЪ первый разЪ. Придворные около меня сидящіе, спрашивали меня о разныхЪ поведеніяхЪ вЪ нашей землѢ, и просили меня о многихЪ модныхЪ товарахЪ. Толмачь, котораго ХанЪ позвалЪ кЪ себѢ, отходя сказалЪ мнѢ, что ежели я хочу еще о чемЪ просить ВладѢтеля, то могу просить чрезЪ *ГекимЪ-Башу*, который и увѢдомитЪ меня о его волѢ.

По прошествіи двухЪ дней послѢ сей Аудіенціи, служитель *ГекимЪ-Баши* нарочно былЪ отправленЪ вЪ Константинополь сЪ просительнымЪ письмомЪ, увѢряя меня, что сіе отправленіе точно вЪ мою пользу, и что по возвращеніи моемЪ изЪ *Крыму*, хотя бЪ и ХанЪ былЪ вЪ отсутствіи, *ГекимЪ-Баша* вручитЪ мнѢ желаемый ФирманЪ. Хотя бЪ сія и могла быть правда, но сумнѢвался до тѢхЪ порЪ, пока дѢйствительно не получилЪ онаго. ОдинЪ изЪ Толмачей Хана, коего я много разЪ видалЪ у *ГекимЪ-Баши*, воспользовался симЪ случаемЪ,

 подалЪ

подать мнѣ великое мнѣніе о своей силѣ, обѣщавая, что онъ одинъ въ состояніи исполнить мое желаніе. Онъ назывался Мустафа, хитрый Бранденбургецъ и Ренегатъ какъ своего отечества, такъ и закона. Онъ надѣялся вскорѣ быть Посланникомъ ко Двору Вѣнскому, дабы уговорить нашего Императора, объявить снова войну Королю Прусскому; а въ случаѣ прерванія, Ханъ Татарскій обѣщается повелѣть восьмидесяти тысячамъ своимъ подданнымъ проходить чрезъ *Трансильванію*, грабить и раззорять *Пруссію*. Въ семъ случаѣ надлежало, дабы не осердить сего обманщика, похвалить мнимое его Посольство. Въ протчемъ сей бездѣльникъ говорилъ, столь дерзновенно и смѣло о Европейскихъ Государяхъ, что едва слушать можно безъ озлобленія. Когда онъ говорилъ о Ханѣ, то называлъ его всегда Императоромъ или Императорскимъ Величествомъ, который титулъ приписывалъ также, какъ я слышалъ, и Консулъ Французскій, что мнѣ показалось весьма странно. *Гекимъ-Баша* совѣтовалъ мнѣ сего болтуна чѣмъ нибудь подарить, и я его совѣту тотчасъ послѣдовалъ; а онъ послѣ того вскорѣ насъ и оставилъ. Сей нещастный мало зналъ свои выгоды; ему бы удобнѣе было покорыстоваться лутче отъ меня: ибо чего бы я не далъ, лишь бы только мнѣ отъ него освободиться!

Въ то время пользовались мы случаемъ, имѣть нѣкоторыя дѣла съ Турками; но я не охотно смотрѣлъ на ихъ и на Татаръ

поступки.

поступки: ибо обыкновенно они многїе дни проводятъ въ разсмотрѣнїи товаровъ, не обьявляя, купятъ ли ихъ или нѣтъ.

Хотя *Ковшанъ* и небольшей городъ; однако тамъ находится много разныхъ сортовъ товаровъ, коими торгуютъ Армяне и Жиды; а Буджатскїе Татары каждый день туда прїѣзжаютъ для покупки нужныхъ для себя вещей.

1 Генваря, день былъ для меня весьма прискорбѣнъ; ибо неосторожность моего сопутника, притчиною была, что я во весь день ни ѣлъ ни пилъ, и ни онъ ни Армянинъ, которые готовили кушанье, не появились дома; чрезъ деньги жъ достать мнѣ ничего самому не льзя было, по чему и принужденъ быть голодомъ. По приходѣ ихъ я и *Гекимъ-Баша*, сдѣлали имъ сильный выговоръ, представляя что они заслуживали за то строгаго наказанїя.

2 Генваря, поѣхалъ я съ моимъ толмачемъ въ тѣлегѣ, запряженной валами, не могши достать лошадей, дабы ѣхать въ *Бендеры* чрезъ *Днестръ* съ моими товарами. Во время двудневнаго тамъ нашего пребыванїя, продалъ я всѣ мною привезенные товары, и возвратились въ *Ковшанъ*.

Какъ я увѣдомился по прибытии моемъ, что Ханъ скоро отправится, то вторично былъ у Консула и *Гекимъ-Баши*, обьявляя о своей пользѣ: по какъ тотъ, такъ и другой увѣряли меня, что я въ полученїи Фирмана могу надѣяться; а что бъ получить Мансыль, то препятствуетъ тому недостатокъ въ лошадяхъ. Сїе извѣ-

стіе со всемъ уменьшило мою надежду; ибо до того времени, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ меня ласкали. Повелѣніе о дачѣ лошадей, было бы для меня по двумъ причинамъ пріятно, поелику сей родъ почты для меня ничего не стоилъ, а притомъ, что то время было для меня безопаснѣе къ путешествію.

Я думаю, что мнѣ здѣсь надобно остановиться, и прекратить дневныя записки моего путешествія, дабы сдѣлать описаніе о сей Столицѣ, владѣнія Хана Татарскаго.

ГЛАВА V.

Описаніе Ковшана, столичнаго города Татарскаго.

Сераль (*), или Дворецъ Хана Татарскаго въ Ковшанѣ, объ одномъ етажѣ, и подобенъ худымъ и низкимъ жильямъ, которыя въ семъ городѣ находятся; но стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, на концѣ города. Сіе строеніе зрѣнію довольно пріятное, и снаружи выкрашено бѣлою и синею краскою, окруженное весьма высокою стѣною. Издали онъ весьма походитъ на увеселительный

(*) Сераль, по Турецки Сарай, есть названіе, которое даютъ Дворцамъ Султанскимъ, такъ, какъ и домамъ Посланниковъ въ Константинополѣ.

селительный домъ такой, какіе бываютъ въ Нѣмецкой землѣ; Дворецъ нарочито великъ, и внутри покои, какъ я видѣлъ, великолѣпны, покрытые коврами и сдѣланы софы. Сіе строеніе наконецъ такъ, какъ и половина города *Ковшана*, превращено отъ Татаръ Нагайскихъ въ пепѣлъ.

Лошади, верблюды и коляски были разсѣяны по садамъ и по сосѣдственнымъ домамъ. Служители, хотя Татаре; однако показались мнѣ весьма честными и услужливыми людьми; напротивъ того Господа по большей части молодые и пригожіе, и жили въ нѣкоторыхъ домахъ города. Когда кто нибудь изъ Мурзъ (Кавалеровъ), составляющихъ Шляхетство сего народа, прогуливается по городу пѣшковъ, или на лошади, то всегда слѣдовало за нимъ три, или четыре Татарина изъ домашнихъ его служителей, и носили его колчанъ, лукъ и трость (атаякъ). Платье ихъ было изъ тонкаго сукна, весьма чистое, и подбитая долгая епанча, опоясана длиннымъ шелковымъ поясомъ. Сіе одѣяніе, похожее болѣ на платье Польское, нравилось мнѣ лутче Турецкаго: ибо оно придаетъ пріятность стану, и сидитъ весьма хорошо. Они мало имѣютъ сообщенія съ Турками, и сіи Татарскіе дворяне иногда Янычарамъ и Туркамъ не уступаютъ дороги, которые объявляютъ, что они передъ ними должны имѣть сіе право, отъ чего и доходитъ у нихъ до худаго дѣла, и принуждены вынимать свои кинжалы, и стрѣлять другъ въ друга изъ пистолетъ,

стоятъ, и я два раза свидѣтелемъ былъ таковыхъ между ими поединковъ.

Армяня и протчіе купцы, какъ въ сей землѣ, такъ и въ самой Татаріи, охотнѣе имѣютъ дѣло съ Татарами, нежели съ Турками.

Всякой день около ночи военная музыка слышна во Дворцѣ Хана и продолжается цѣлый часъ, и я никогда столь гадкой и разногласной не слыхалъ. 10 человѣкъ играли на инструментахъ, похожихъ на гобои, только въ половину ихъ менѣе, коихъ отверстіе весьма узкое. Трое били въ малые литавры столь запачканные, что съ трудомъ узнать можно, изъ какого металла они здѣланы. Наконецъ у 10 другихъ на шеѣ висѣли большіе барабаны, покрытые краснымъ сукномъ, въ кои они ударяли весьма сильно толстою кривою палкою, а съ другой стороны другою гораздо малою. Сія музыка начинается 10 гобоями, которые нѣсколько минутъ играютъ однимъ тономъ; послѣ чего одинъ изъ нихъ начиная играть, бьетъ тактy, и дѣлаетъ разныя тѣлодвиженія и кривленія лица по тѣхъ поръ, сколько его духа станетъ; на послѣдокъ играютъ они всѣ въ одинъ разъ, и спустя не много времяни за литаврами слышенъ барабанной бой, и все кончится общимъ концертомъ, или лутче сказать, такою музыкою, что слушать гадко.

Когда арія кончится, то первый гобоистъ начинаетъ, а за нимъ послѣдуютъ и протчіе, такъ, какъ я описалъ. Наконецъ одинъ изъ сихъ музыкантовъ, крича

изъ

изъ всей своей силы, дѣлаетъ обѣщанія оберегать Хана, которыя и повторяются крикомъ всей кучи.

6 Генваря Гаремъ (*) или Ханскіе жены прибыли. Какъ скоро они приближились къ городу, то многіе Турки и Татары бѣжали имъ на встрѣчу, чтобъ ихъ проводить, и маршъ продолжался весьма долго. 6 колясокъ, покрыты были половина краснымъ, а половина зеленымъ сукномъ, и походили на коляски, какія бываютъ въ Вѣнѣ. Протчіе были разрисованы разными цвѣтами, и вмѣсто окошекъ, были весьма узкія решетки, и въ оныхъ сидѣли жены, дочери, наложницы Ханскія, и ихъ жены, въ числѣ 48. Они были всѣ подъ покрывалами, и во всякой коляскѣ было по одному евнуху.

Ханъ, какъ мнѣ сказывалъ *Гекимъ-Баша*, въ одинъ годъ лишился 46 своихъ женъ. Сколько людей между нами, принуждены довольствоваться во всю свою жизнь одною только женою; а у сего Владѣтеля вдругъ похитить можетъ смерть толикое множество, какъ будто бы оныхъ и не бывало!

Начальникъ надъ евнухами, сидя верьхомъ на лошади открылъ походъ: оный былъ Муринъ хорошаго стану, и будучи начальникомъ каравана, послѣдуемъ былъ великимъ множествомъ Татаръ, вооруженныхъ копьями.

Коляски

(*) ГАРЕМЪ, Харемъ, есть названіе женамъ, составляющимъ фамилію Султанскую, и чрезъ оную разумѣются не только ихъ жены, но дочери, наложницы и невольницы.

Коляски были запряжены въ шесть, или восемь лошадей; что однакожъ не воспрепятствовало, по причинѣ худой дороги, чтобъ онѣ не вымарались въ грязи, такъ, что по приближенiи ко Дворцу Хана не возможно было имъ подъѣхать, по чему и принуждены были взять лошадей изъ конюшни Ханской, и впречь въ коляски. Оныя останавливались одна послѣ другой передъ потайными дверьми Дворца, а *Мурины* держали широкiя сукна, которыя служили къ прикрытiю женъ, выходящихъ изъ колясокъ: а какъ сiя церемонiя продолжалась до самой ночи, то я и не разсудилъ за благо ждать конца оной, и пошелъ на мою квартиру.

ГЛАВА VI.

Отъѣздъ Хана въ Ковшанъ.

Ханъ поѣхалъ 7 Генваря съ большею частiю своихъ придворныхъ, выключая своихъ женъ. Причина поѣздки сего Владѣтеля, какъ мнѣ сказывали, была та, чтобъ ему покуситься съ собраннымъ своимъ войскомъ подъ *Бендерами и Очаковымъ*, учинить нападенiе на Новороссiйскую губернiю. Я весьма желалъ видѣть его походъ, по чему я пошелъ заранѣе ко Дворцу. По правую сторону несли передъ нимъ 12 штандартовъ, а имянно: бунчукъ съ шелковымъ

знамемъ,

знаменъ, коего полосина была красная, а другая зеленая; два бунчука всѣ зеленые, два не большихъ знамя, изъ коихъ одно зеленое, а другое желтое, весьма похожее на корабельный флюгоръ, три знамя красныя съ широкими зелеными каймами, на коихъ вырѣзанъ полумѣсяцъ, а въ срединѣ изображалась двойная сабля зеленаго цвѣту; два знамя желтыя съ широкими красными каймами, и въ срединѣ тѣ же самые знаки зеленые, и два знамя до половины красныя и половины зеленыя. Всѣ сіи штандарты, были новые, украшенные многими висящими изъ краснаго шелку кистьми.

Великое множество Татаръ и Турецкихъ Начальниковъ, собралось верьхами передъ Дворцомъ. Телѣги, запреженныя верблюдами и дромадарами, ѣхали съ багажемъ на передъ. Около полудня *Ханъ* появился на лошади внутри своего Дворца, и какъ скоро его увидѣли, то зрители, свидѣтельствовали свою радость восклицаніями. На немъ была шуба соболья, покрытая зеленымъ штофомъ. Калпакъ, или Челма Турецкая была такогожъ цвѣта, съ широкою собольею опушкою, и въ рукѣ держалъ жезлъ, означающій верьховное Начальство. Оный жезлъ или палка весьма короткая, оправленная золотомъ, на верьху коей была нарочитая четвероугольная головка съ вострымъ концомъ; при боку имѣлъ короткую саблю съ золотымъ ефесомъ, коей ножны были зеленыя бархатныя, оправленныя такъ же въ золотѣ. Лошадь, на которую онъ садился

была

была гораздо лутче всѣхъ тѣхъ, которыхъ я до того видѣлъ: она была Арабская, росту весьма высокаго, бѣлая съ черными и темножелтыми пятнами; приборъ узды золотый, и наперстъ или нагрудникъ такогожъ металла, чепракъ седла былъ свѣтлоголубой бархатной, съ широкою золотою бахрамою. Передъ симъ Владѣтелемъ, несли четыре штандарта; такъ же на переди и по зади за нимъ шло восемь драбантовъ, высокаго росту, у которыхъ были большїе колпаки, украшеные позолочеными гербами, изображающими Ханское оружїе. Кафтаны на нихъ красные, и опоясаны широкимъ золоченымъ поясомъ, съ бляхою на переди такого же метадла, шировары были тафтяныя желтыя и сапожки сафьянныя такогожъ цвѣта. Оружїе ихъ состояло въ длинной саблѣ, у коей ножны были позолоченыя, и въ большемъ кинжалѣ.

Два Паша послѣдовали верхомъ на лошади за Ханомъ. Позади ихъ шелъ его Секретарь, одѣтый въ Татарское платїе. Многїе изъ Начальниковъ сего народа шли въ безпорядкѣ, а по зади несли прочїя знамена, за коими слѣдовали верьхами музыканты. Свита была заключена другимъ народомъ, составленнымъ изъ многихъ Сотенъ, Татаръ.

Вся сїя свита представляла зрѣлище гораздо великолѣпнѣе, какъ я могъ въ умѣ своемъ представить, чтобъ была такая у Хана Крымскаго, и мы обыкновенно полагаемся на прочихъ Нѣмцовъ, дѣлающихъ, въ разсужденїи семъ, свои описанїя.

Все

Все утро даже до отъѣзда Хана, многїе раздавали даромъ виноградное вино, а особливо, когда онъ поѣхалъ, што двое изъ его служителей, бросали бѣднымъ деньги. Такъ же заколото было сто барановъ, и оставлено для народа. За два дни отъѣзда Хана, получилъ я отъ его Секретаря Фарманъ; но недостатокъ въ лошадяхъ препятствовалъ мнѣ получить Менсиль.

Я понуждалъ каждый день моего Толмача дѣлать приготовленїи къ нашему пути и собирать должныя мнѣ деньги, и прозьба моя на конецъ получила желаемый успѣхъ; почему мы 21 Генваря и назначили отъѣздъ свой изъ *Ковшанъ.*

ГЛАВА VII.
Путешествїе изъ Ковшанъ въ Бендеры и описанїе сей крѣпости.

Мы отправились въ путь, простясь съ Консуломъ и съ Гекимъ Башею, который увѣряя меня въ своей дружбѣ просилъ увѣдомлять меня о моихъ новостяхъ, что я и дѣйствительно исполнялъ и писалъ два раза во время пребыванїя моего въ Крыму. Плѣмянникъ его проводилъ насъ даже до Бендеръ.

Мы писали въ *Новую Килїю*, чтобъ товары наши, оставленные въ *Акерманѣ*, отправлены были въ *Крымъ* чрезъ Черное море.

Мы

Мы не могли сыскать мѣста въ *Бендерахъ* у Армянина, у котораго мы жили. Какъ онъ былъ болѣнъ, то и надлежало намъ расположиться въ Ханѣ. (*) Все тамъ наполнено было *Янычарами* и Спагами, и мы съ трудомъ получить могли, для убѣжища своего уголокъ, которой покой и назвали мы *Ода*, или Карчма, и я былъ тамъ такъ, какъ осужденный въ темницѣ; Толмачь же мой только что весь день бѣгалъ по городу.

Сїе темное убѣжище, не имѣло ни какого отверстїя, которое и уподоблялъ я тьмѣ Египетской. Лампада, которую я засвѣтилъ себѣ для свѣту, дала мнѣ усмотрѣть стѣны, угрожащїя паденїемъ; также многїя разщелины и дыры, чрезъ кои мыши и крысы имѣли свободный входъ. Я много разъ съ Толмачемъ моимъ прогуливался по городу, дабы осмотрѣть славные берега рѣки Днестра. Ежели бы было мнѣ время и

(*) ХАНЪ, постоялый дворъ, сїе названїе дается тѣмъ, которые находятся въ восточныхъ земляхъ, и они весьма многочисленны, состроенные богатыми Музульманами. Сїи Ханы, суть строенїя весьма знатные и нарочито состроенные, и всѣ окошки ко Дворцу, который весьма пространенъ, и находится тамъ обыкновенно колодезь.

Всѣ путешественники имѣютъ тамъ пристанище, и не болѣе платятъ каждый день за покой, какъ пару, или три деньги; чтожъ касается до пищи и питья, то должны доставать сами. Въ Азїи и въ прочихъ Восточныхъ земляхъ сїи Ханы называются КАРАВАНЪ САРАЯМИ. Сїе имя производится отъ Каравановъ туда прїезжающихъ, и сїи Караваны довольствуютъ путешественниковъ всѣми нужными для нихъ вещами,

и способность, тобѣ я пробѣжалъ ту сторону рѣки, дабы узнать достопамятный лагерь, гдѣ *Карлъ* XII имѣлъ свое пребыванїе, и отъ онаго разстоянїя было не болѣе какъ на двѣ мили отъ *Бендеръ*. Сїе то было мѣсто, гдѣ сей Государь осмѣлился покуситься съ нѣсколькимъ числомъ Шведовъ, защищаться противъ всей армїи Турецкой и Татарской; о чемъ мы уже много *Бендерскихъ* описанїй имѣемъ. И такъ довольно для меня будетъ сдѣлать описанїе о *Бендерской* крѣпости, такъ, какъ оная мнѣ снаружи казалась, не могши войтить внутрь оныя.

Сїя крѣпость лежитъ по середи города, окруженная крѣпкими стѣнами, довольно возвышенными, около коей окопаны глубокїе рвы, но не широкїе, и ворота имѣютъ подъемные мосты съ рѣшеткою. А какъ оная находится высоко надъ Днестромъ, то и служитъ свойственнымъ для ея защищенїемъ. Она, по древнему обыкновенїю, укрѣплена двойною оградою изъ крѣпкихъ стѣнъ съ передовыми стѣнами, и четыре угла защищаются четырмя четвероугольными башнями, коихъ стѣны весьма толсты. Въ низу на нѣсколько разстоянїя отъ рѣки, сдѣланъ горнверкъ изъ высѣченнаго камня, котораго передъ покрытъ возвышеннымъ болверкомъ. Валы, хотя земляные, но снабжены по вкусу Турецкому турами, между коими поставлены пушки. Сей горнверкъ укрѣпленъ нѣкоторыми равелинами, и рвы нарочито широкїе; въ верьху жъ и въ низу гласиса, сдѣланы двойные поли-

 садники.

ваяники. Часть города лежитъ на высотѣ, окруженная хорошими стѣнами, покрытыми бастiонами и крѣпостцами, и хорошимъ рвомъ. Та часть, которая находится на ровномъ мѣстѣ, кромѣ ограды, имѣетъ бастiоны, равелины и широкiй ровъ, вороты же весьма толстыя, хорошо сдѣланныя изъ рѣшетокъ. Самый городъ имѣетъ свои предмѣстiя, и когда посмотришь со стороны Днестра, то оный представляетъ фигуру полумѣсяца (*)

Въ то время находились многiе Армянскiе и Греческiе купцы, также и Турки въ *Бендерахъ*, которые приготовлялись ѣхать въ *Крымъ*; но какъ услышали, что съ часу на часъ ожидаютъ *Пашу*, и что онъ приказалъ забрать всѣ коляски, то путешествiе свое принуждены были отложить, и мы съ великимъ трудомъ достать могли одну коляску до *Очакова*.

Я довольно предвидѣлъ, что наше путешествiе изъ *Бендеръ* въ *Крымъ* станетъ намъ весьма дорого; по чему и хотѣлъ купить коляску и лошадей, дабы путь нашъ быть могъ дешевлѣ. Толмачь мой думалъ, что онъ больше моего знаетъ, не хотѣлъ на то согласиться, и мы наконецъ имѣли причину о томъ послѣ соболѣзновать.

Дабы наградить намъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, то принуждены были, не могши никакъ достать въ той землѣ,

(*) БЕНДЕРЫ, по довольно кровопролитной осадѣ, были взяты приступомъ Россiянами 27 Сентября 1770 года. Они обратили въ пепелъ городъ и всѣ ихъ предмѣстiя.

землѣ, которую проѣзжали, купить въ Бендерахъ довольно хлѣба, который весьма былъ хорошій, такожъ небольшее число вина, водки и говядины.

ГЛАВА VIII.

Путешествіе изъ Бендеръ въ Очаковъ, и описаніе Нагайской Татаріи.

Мы поѣхали изъ Бендеръ 26 Генваря, около полудня, имѣя сопутниками себѣ десять другихъ колясокъ. Какъ чрезъ Днестръ не было ни какого моста, кромѣ только одного плота, и рѣка уже замерзла, то и надобно было ѣхать по льду, который не болѣе былъ трехъ дюймовъ въ толщину. Извощики стали осматривать безопасныя мѣста, и сверьхъ моего чаянія, коляска весьма тежелая, принадлежащая одному Турку, была первая, которую выбрали къ открытію пути: путеводитель понуждалъ лошадей въ скачь. И какъ она была посередй рѣки, то ледъ проломился, и половина коляски была въ водѣ, а другая осталась на льду. Какъ я пошелъ пѣшкомъ въ передъ, и былъ уже на другой сторонѣ, то весьма испугался, будучи не въ состояніи усмотрѣть съ берегу, моя ли ето была коляска или чья другая. Я тотчасъ туда побѣжалъ увѣриться, и наконецъ успокоился, увидя, что коляска была не наша. Тогда начали

вынимать тюки, въ которыхъ по большей части былъ табакъ, и помощію веревокъ и рычаговъ, напослѣдокъ коляску изъ воды вытащили, къ чему добрые два часа употребили; за всѣ жъ прилагаемые извощикомъ труды, великодушный *Музульманъ* наградилъ его палочными ударами. Между тѣмъ Толмачь мой перевезъ нашу коляску черезъ рѣку съ великою легкостію. Извощикъ, который былъ испытанный старый весельчакъ, привязалъ за хвостъ лошади къ дышлу, и симъ образомъ весьма живо, и безъ всякаго худаго приключенія переѣхалъ на ту сторону рѣки. Прочіе купцы сдѣлали еще разумнѣе: ибо они товары свои, часть несли на плечахъ, а часть везли на маленькихъ саночкахъ, и я на сію перевозку съ удовольствіемъ взиралъ. Полдни уже протекли, какъ все было въ порядкѣ, такъ, что около вечера не болѣе мы могли отъѣхать отъ *Бендеръ*, какъ на полмили, и ночевали близь одной деревни въ одной мечети.

Какъ въ тогдашнее время былъ Рамазанъ (*), то многіе Турки приходили въ ту мечеть на молитвы; одно окошко въ оной было открыто, и мнѣ удобно было вслѣзъ на коляску, все видѣть, такъ, что *Музульманы*, будучи всѣ заняты въ приношеніи своихъ молитвъ, не могли меня примѣтить; однако жъ любопытство мое мнѣ стало было дорого.

(*) РАМАЗАНЪ. Турецкій постъ, за которымъ послѣдуетъ БАЙРАМЪ, или КАРНАВАЛЪ.

За три часа до свѣту, нашѣ караванѣ собирался уже вѣ путь, и мы прибыли 17 числа кѣ Нагайскимѣ Татарамѣ, вѣ такую землю, гдѣ кромѣ долины и пустаго мѣста ни чего не видно было, равно ни одного дерева и ни какого растѣнія, и гдѣ сѣ трудомѣ встрѣтиться могли вѣ небольшемѣ количествѣ пещаныя мѣстечки. Около полудня остановились мы, дабы пообѣдать, и мы поѣли не много мяса и мерзлаго хлѣба; но кѣ нещастію отѣ холоду всѣ наши бутылки перелопались, и малое что осталось вина. Вѣ вечеру пріѣхали мы кѣ одной деревнѣ, гдѣ мы разклали огонь изѣ Торфу (*) и какѣ мы купили два барана, то мы ихѣ и сварили вѣ пивномѣ Татарскомѣ котлѣ, вѣ которомѣ бы можно сварить и цѣлую лошадь.

Какѣ я цѣлые пять дней ни чего не употреблялѣ горячего, то и ѣлѣ сѣ весьма худымѣ аппетитомѣ. Я принужденѣ былѣ употреблять весьма худую воду, такую, какую вѣ той землѣ употребляютѣ, гдѣ не было рѣки, и все была сушѣ.

Какѣ два дни сряду продолжали свой путь, то вѣ одну ночь не могли найти ни какой деревни. Мы сдѣлали себѣ ретраншементѣ изѣ нашихѣ колясокѣ, разположивѣ ихѣ одну подлѣ другой, пустивѣ лошадей своихѣ на траву. Нѣсколько Та-

(*) ТОРФА, есть земля, смѣшенная сѣ корнями, кою употребляютѣ вѣ Голландіи и вѣ Нидерландахѣ вмѣсто дровѣ. Торфу вынимаютѣ изѣ болота, и на конецѣ оную сушатѣ, и употребляютѣ ее, какѣ надобно.

таръ верьхами разъѣзжали около насъ, и наконецъ подъѣхавъ къ намъ, требовали у насъ курительнаго табаку, который лутче они всякаго товару почитаютъ. Мы имъ онаго дали; но какъ примѣтили, что за ними слѣдовало множество другихъ окружившихъ насъ, то мы зарядили свои ружья, и положили на свои коляски, дабы въ случаѣ нужды воспротивиться какому либо нибудь ихъ предпріятію. Наконецъ увидѣли великую толпу, сокрывающую я позади холма. Мы за лутчее почли не оставаться въ семъ мѣстѣ ночевать, и для того безъ всякаго шуму отправились въ путь, и отъѣхавъ три или четыре мили остановились у одного ручья, во ожиданіи дня. Въ семъ убѣжищѣ лишились мы своихъ съѣстныхъ припасовъ, и всей нашей поваренной посуды.

Караванъ задолго еще до свѣту отправился; а наша коляска, за которою слѣдовала другая, поѣхала въ передъ, и извощики, по причинѣ темноты, збившись съ дороги, ѣхали къ полудню. Мы не прежде то примѣтили, какъ показался свѣтъ, по чему и оборотили на востокъ.

Два извощика принуждены были отпречь своихъ лошадей, и въ округъ бѣгать, дабы найтить большую дорогу, или протчія повозки. Наконецъ мы оныя увидѣли, и по прошествіи нѣсколько часовъ съ нами они соединились.

Послѣ того старался я убѣгать такого случая: ибо весьма опасно, естьли заблудишся, особливо ночью, и должно бродить во весь

день

день по пустымъ мѣстамъ, не зная куды выѣхать.

До того времени я не могъ сомкнуть глазъ, и слѣдующая ночь была первая, въ которую я взялъ нѣсколько отдохновенія въ домѣ, или лутче сказать, въ палаткѣ Татарской, и сіи полатки заслуживаютъ, чтобъ ихъ описать. Они довольно изрядныя и пространныя, круглыя и имѣющія въ діяметрѣ своемъ около 8 футовъ; перегородки, которыя въ вышину близь 4 футовъ, сдѣланы изъ широкихъ столбовъ, которыхъ толщина съ хорошій дюймъ, и ихъ иногда обмазываютъ кровью. Между ими можно все положить, что только угодно, и сверьхъ сей перегородки кладется покрышка, поддерживаемая другими такимиже сваями. Наружи сть той палатки убрана была тросникомъ, и все покрыто темнымъ весьма толстымъ войлокомъ, чрезъ которой ни дождь, ни вѣтеръ проницать не можетъ. Въ серединѣ и въ верьху покрышки сдѣлано отверстіе около 2 футовъ шириною, чрезъ которое продетъ шестъ, а къ оному пришито съ наружи широкое синее и бѣлое знамя, весьма похоже на церковную хоругвь; въ серединѣ палатки, гдѣ кромѣ земли, дощатаго полу нѣтъ, разкладываютъ огонь, которыі дѣлая движеніе знамю, помощію вѣтра, даетъ дыму проходить чрезъ отверстіе, и все сіе немалое причиняетъ безпокойство, особливо когда заперты двери. Оныя всегда почти такогоже цвѣту, какъ и знамя, и столь узки и низки, что съ трудомъ войти можно. Всѣ уборы сего

дома состоятъ изъ соломенной рогожи, посланой на земли, двухъ волосяныхъ тюфяковъ, служащихъ постелею Татарамъ, одного деревяннаго ящика, сабли, фузеи и пистолетъ; а когда оныхъ нѣтъ, то украшаютъ лукомъ и калчаномъ. На нѣсколько шаговъ разстоянїемъ отъ сей первой палатки, находится другая такая же, которая есть жилищемъ жены и дѣтей, и въ ней находится поваренная посуда, какъ то; весьма большой железной котелъ, а другой не много поменьше, со всемъ не луженые, таганъ, и двѣ или три деревянныхъ чашъ. Такую палатку не разбирая, можно перевозить на обыкновенной тѣлегѣ, такъ, что когда мѣстоположенїе не покажется способнымъ, то и удобно перемѣнять оное.

Подлѣ сихъ полатокъ поставлены конюшни и гумны, въ перегородкахъ которыхъ не кладется ни камню, ни кирпичу, а оклеены тростникомъ или другимъ чемъ; снаружи жъ обмазано вмѣсто извѣсти коровьимъ каломъ, вмѣсто покрышки жъ служитъ тростникъ, по которому разкидано сѣно, или навозъ. Сїи дворы окружены изъ тростника сдѣланнымъ плетнемъ, и разстоянїемъ другъ отъ друга на 50 или на 60 шаговъ. По середи деревни есть большее мѣсто круглое, середина котораго усыпана пескомъ, гдѣ молодые Татары дѣлаютъ свои обыкновенные военные упражненїя. Чамми (*) или мечеть стоитъ

(*) ЧАММИ, есть названїе, которое даютъ въ Турцїи и Татарїи мечетямъ.

итъ на особливомъ мѣстѣ, и она обыкновенно весьма небольшая, не имѣя ни какой башни, поставленная изъ четвертой доли камня, фигурою четвероугольная, и всегда покрытая кривою черепицею. Во всѣхъ деревняхъ сіи Чамми такой же величины, и походятъ болѣе на конюшню, нежели на храмъ. Когда прiѣдешь ночью въ такую Татарскую деревню, то вообразить себѣ можно издали, что будто бы она вся въ огнѣ: ибо дымъ и искры выходящiя чрезъ отверстiя, какъ я говорилъ, дѣлаютъ такой видъ, какой обыкновенно приписываютъ аду.

Въ сей *Нагайской Татарiи*, жгутъ вмѣсто дровъ *Торфу*, тростникъ и сѣно. Хлѣба тамъ весьма сыскать можно рѣдко, и Татары, вмѣсто онаго употребляютъ обыкновенно просу, которою, ежели у нихъ нѣтъ ячменю, кормятъ также своихъ лошадей; овса жъ у нихъ ни когда не бываетъ. Нѣкоторые Татары употребляютъ также лошадиное мясо, и головы ихъ втыкаютъ на копья. Я всячески старался узнать о началѣ таковаго обыкновенiя: однако жъ никто изъ нихъ, мною спрашиваемыхъ, объявить причины не могъ.

Я началъ много ручьевъ и четыре рѣки, которыя мы проѣзжали въ Нагайской Татарiи. Нѣтъ ни одной изъ сихъ водъ, которая бы была довольна глубока, выключая *Буга*, чрезъ которую, не далеко отъ большей дороги, каменной мостъ весьма узкой, что ни на суднѣ ни на лошади проѣ-

жать нельзя: Всякой разъ переѣзжая рѣку, первое наше попеченіе было сдѣлать на льду проломъ для доставанія воды; и сія послѣдняя Бугъ была изъ всѣхъ лучшая.

31. Генваря наконецъ пріѣхали мы послѣ полудня въ *Очаковъ*, а иначе *Озсу* (*). Сей городъ лежитъ близъ устья рѣки Днестра. Оная защищается со стороны сухаго пути нарочито крѣпкою цитаделью, а съ моря екатомъ, гдѣ нѣтъ ни какого строенія. На берегу находятся домы или лучше шалаши, по обѣимъ сторонамъ коихъ поставлены двѣ небольшія крѣпостцы, прикрывающія гавань, и съ нихъ можно стрѣлять въ мѣлкое моря мѣсто.

Когда мы достигли части возвышеннаго города, то въ первый разъ увидѣлъ я Черное море; съ самаго начала вода онаго показалась намъ весьма мутная, но перспектива со всѣхъ сторонъ весьма пріятная. Сей городъ наполненъ весь Турками, выключая нѣкотораго числа Армянъ. Мы ночевали у одного Турка въ хлѣбномъ сараѣ, и хотя жилище наше въ *Бендерахъ* было бѣдное, а сіе еще хужѣ. Находящееся съ одной стороны слуховое окошко подавало намъ слабый свѣтъ. Мы съ трудомъ довольно имѣли мѣста спать на хлѣбной кучѣ, и поставить нашъ сундукъ. Нѣкогда сдѣлалась столь великая стужа, что море начинало

(*) ОЧАКОВЪ, называемый Татарами и Турками ОЗСУ, взятъ приступомъ Генв. 1737 года Генераломъ Минихомъ. Россіяне защищали его до слѣдующаго года, въ которое время они потеряли, раззоривъ укрѣпленія. Въ сію войну однако [illegible] взятъ еще былъ,

начинало мерзнуть, хотя вѣтеръ и весьма былъ жестокъ; но въ то время былъ столь проницателенъ, что я такого никогда не чувствовалъ; на другой же день море со всѣмъ замерзло, и не возможно было изъяснить, сколько я претерпѣлъ, днемъ и ночью одѣваясь шубами, и раскладывая изъ угольевъ огонь. Когда нагрѣвался у меня одинъ бокъ, то зябъ другой, и захватывало духъ; а кипящая вода въ шесть минутъ превращалась въ ледъ. Мы хотя и жили у вольноdомца; однако прилагали все свое старанiе доставать себѣ пищи, которую получали мы весьма дурную. Я бы съ охотою желалъ оставить сïе ужасное пребыванiе, и на досугѣ пришли мнѣ на память печальные стихи Овидïевы, чувствуя самъ всѣ тѣже мученiя, которыя испыталъ онъ во своей ссылкѣ.

ГЛАВА IX.

Отъѣздъ изъ Очакова, и прибытiе въ Крымъ.

Ни какой заключенный не оставлялъ съ толикою радостiю своей темницы, съ какою я оставилъ *Очаковъ*, и мы поѣхали изъ онаго 4 Февраля. Въ то самое время, когда я изъискивалъ къ отъѣзду средства, то нечаянно прiѣхали къ воротамъ сани; проводникъ повелъ насъ къ морю, и мы

мои-

пришли туда весьма скоро; но сколько я удивился, когда не видалъ ни коляски и лошади, и увидѣлъ Толмача моего и проводника идущихъ передо мною по льду. Я усмотря, что оный былъ крѣпокъ, за ними послѣдовалъ, проклиная, что не увѣдомили меня о семъ пріятномъ путешествіи, и взялъ предостерожность защищать себя отъ стужи. Товарищь мой сказалъ мнѣ, что въ *Кольбрейнгѣ* не могли достать ни коляски ни лошади. Наконецъ сани прибыли, и я велѣлъ ѣхать имъ передъ нами, разсуждая, ежели ледъ весьма крѣпокъ, и въ состояніи можетъ держать сани, нагруженныя 12 кипами, то можетъ также здержать и насъ. Такимъ образомъ спокойно переѣхалъ я Черное море, вспомнивъ о приключеніи Карла XII, переѣзжающаго Зунтъ, что ледъ подъ его коляскою проломился. Вся трудность, которая между нами была та, что я былъ пѣшкомъ.

Всего досаднѣе было, что сани часто останавливались отъ вѣтру и льдинъ. Въ вечеру потеряли мы изъ глазъ *Очаковъ*, и ничего, кромѣ льду и неба не видали. Къ щастію нашему соединились мы съ нѣкоторыми Турками, ѣдущими въ слѣдъ за нами верьхами, такъ, что по прошествіи пятія часовъ прибыли мы къ *Колбрейнгу* (*), гдѣ сани со всѣмъ остались на берегу, и лошадь

(*) КОЛБРЕЙНГЪ, Колбурнъ, Кинбуръ была нѣкогда крѣпость принадлежащая Туркамъ. Россіане взяли оную въ 1736 году.

лошадь по шею ушла въ снѣгъ. Вытащить сани старанія наши были безполезны, по чему и принуждены изъ оныхъ товары выгрузить, лошадь вытащить и всѣ наши вещи нести на квартиру намъ назначенную, и по щастію, что оная находилась не далеко отъ берегу моря. Домъ принадлежалъ одному Армянину, который далъ намъ посредственный покой, въ которомъ мы тотчасъ разложили огонь, и намъ принесли мяса и пилявъ. Сіе кушанье, какъ по причинѣ моей усталости, такъ и по тому, что я 24 часа ничего не ѣлъ, показалось мнѣ весьма славнымъ.

На другой день посѣтили меня два Таможенные Пристава, требующіе отъ насъ исполнить ихъ должность. Армянинъ мой пошелъ въ Таможню, и какъ показалъ нашъ Фирманъ, то они насъ и оставили, удовольствуясь малымъ подаркомъ имъ отъ насъ даннымъ.

За нѣсколько времяни до насъ пріѣхалъ Ага, для требованія должной съ сего дистрикта подати, дабы оными наградить военные убытки и отвезть наконецъ въ *Константинополь*. Какъ всѣ тѣлеги и лошадей употребляемыхъ въ той землѣ остановили, то мы принуждены были нанять небольшую Татарскую телѣгу, запряженную волами, и похожую болѣе на тѣлежку объ одномъ колесѣ. Мы запасясь новою провизіею, отправились изъ *Колбрейнга* съ симъ хорошимъ экипажемъ въ путь 6 числа, когда караванъ нашъ приумножился пятью прочими тѣлегами.

Сопут-

Сопутникъ мой спалъ подъ пятью мѣхами, и какъ проснулся, то весьма жаловался на стужу. У меня жъ напротивъ того, хотя вѣтеръ былъ жестокъ и проницателенъ, была одна только шуба и епанча.

Мы не останавливаясь продолжали путь свой до другаго дня, и послѣ полудни пріѣхали въ другую деревню, которая едва разстояніемъ была на двѣ мили отъ той, откуда поѣхали. Остановясь передъ Татарскою палаткою, просили, чтобъ намъ позволено было въ оную войти и разложить огонь, въ чемъ намъ отказано не было; и выведя изъ оной корову и двухъ тѣленковъ, вычистили навозъ, разложили огонь, и дали мнѣ большее блюдо просы и ложку. Я все то отдалъ нашему извощику, который и съѣлъ съ великимъ аппетитомъ.

Какъ у нашего хозяина была тѣлега немного нашей побольше, такжеи лошадь, то мы и наняли до *Ора*, и сдѣлавъ покрышку, далъ въ провожатые своего сына; почему пробывъ въ сей деревнѣ до 1 часа пополуночи, весь нашъ караванъ пустился въ дорогу.

10 Февраля пріѣхали мы въ *Оръ* (Перекопь). Сей городъ, такъ, какъ и его крѣпость служила вмѣсто гавани *Крыму*, въ разсужденіи чего Турки и называютъ оный *Оркалсу*. Сей мысъ дѣлаетъ перешеекъ полуострову, и съ одной стороны даже до другой сдѣлана весьма высокая стѣна, защищаемая глубокимъ рвомъ; однако жъ таванъ

ванъ отъ сей стѣны близь *Ора* не показалась мнѣ то—ольно крѣпкою.

Мы стали ночлегомъ въ томъ же *Ганѣ*, гдѣ и наши сопутники, имѣя довольно мрачную комнату. Толмачь мой, не сказавшись мнѣ, побѣжалъ тотчасъ къ своему шурину, живущему въ семъ городѣ, оставя одного меня во всю ночь. Сіе долгое отсудствіе весьма безпокоило; но наконецъ на другой день по утру рано возвратился онъ въ полпьяна, и на силу стоялъ на ногахъ, приведя съ собою и своего шурина; который показался мнѣ Армяниномъ не весьма честнымъ.

По случаю въ нашемъ стану находился извощикъ съ Татарскою тѣлегою и двумя дромадарами, и мы наняли оную до *Кафы* города на 22 мили отъ *Перекопя*.

Во всемъ Крыму почти такія тѣлеги. Они весьма высокія, имѣющія два толстыя и крѣпкія колеса, и задняя часть, какъ и обѣ стороны покрыты тростникомъ и войлокомъ. Сіи тѣлеги просторны, и естьли передъ хорошо покрытъ, то защищаетъ какъ отъ жару, такъ и холоду. Въ семъ то Фіетонѣ, запряженномъ верблюдами, поѣхали мы 12 числа изъ *Ора*; а Толмачь мой всю ночь пилъ съ своимъ шуриномъ и опорожнивалъ Бакчисарайское вино. Караванъ раздѣлился: одинъ взялъ дорогу къ *Бакчисараю*, а другой къ Кафѣ.

Днемъ встрѣчались съ нами многія Татарскія фамиліи, которыя везли съ собою свои палатки на двухъ тѣлегахъ, тако жъ уборы и скотъ, для поселенія въ землѣ гораздо

раздо выгоднѣе той, кою оставили. Въ вечеру остановились мы въ большей деревнѣ и выбрали себѣ жилищемъ одинъ пустой домъ, въ которомъ было два покоя. Грекъ съ своею фамиліею занялъ одинъ, а мы другой.

Какъ я остался въ коляскѣ, ожидая, чтобъ дымъ отъ угольевъ разошелся, то извощикъ имѣлъ время увѣдомить Татаръ, что я Нѣмецъ; по чему молодые и старые окружили мою коляску; а какъ на мнѣ былъ Турецкой колпакъ, то показался имъ особливымъ животнымъ и дѣлали мнѣ многіе вопросы. Я не отвѣтствуя имъ на оные ничего, вошелъ въ домъ, гдѣ и оставили они меня въ покоѣ.

13 Февраля, мы увидѣли передъ собою нѣкоторыя Крымскія горы: оныя представляются зрѣнію довольно изрядными, особливо когда небо чистое и ясное, и видъ оныхъ обыкновенно пріятный.

14 Февраля послѣ полудни показался *Карасу*. Толмачь мой, который имѣлъ тамъ свой домъ, жену и дѣтей, отъ радости кричалъ, и не могши удержатся отъ оной, находился внѣ себя отъ восторгу, и описывая его положеніе, безмѣрныя приписывалъ *Карасу* похвалы, называя его земнымъ раемъ. Сей городъ и его окружность представляютъ на нѣкоторое разстояніе весьма хорошій видъ, и лежитъ между горами въ долинѣ, отдѣляясь небольшею рѣкою *Карасу*, раздѣляющеюся на многіе рукава, по имяни которой и названа сія земля.

Великое

Великое множество садовъ и высокихъ кипарисныхъ деревьевъ всѣ стороны покрывающихъ, должно представлять лѣтомъ зрѣлище довольно прiятное. Большая часть жителей состоитъ изъ Армянъ, Грековъ и Жидовъ, которые по справедливости великiе обманщики во всемъ *Крыму*. Нѣкоторое количество находится тамъ также Татаръ и Турокъ. Въ *Карасу* совершенно выдѣлываютъ кожи, а особливо сафьянъ, который весьма тамъ красивый, и красятъ въ разныя краски бумажныя матерiи. Сей городъ навсегда принадлежитъ Султану Калкѣ, который, во время войны, имѣетъ свою столицу въ *Орѣ*, и есть Начальникомъ армiи Татарской.

ГЛАВА X.

Пребыванiе въ Карасу.

Толмачь мой тутъ присвоилъ себѣ голосъ и обычай Восточный. Какъ онъ былъ у себя, то принялъ важный видъ, и столь величественный, какъ будто бы щитался трехъ бунчужнымъ Пашею. Навстрѣчу ему прибѣжала молодая его жена, которой онъ подалъ свою руку, и она оную съ великимъ почтенiемъ поцѣловала; малинькая дочь и мальчикъ, то же подбѣжавъ къ нему, называли батюшкою. Всѣ сiи обстоятельства меня весьма удивили, что такая молодая женщина,

дира, которой не болѣе щиталъ отъ роду какъ дватцать шесть лѣтъ, была жена сего стараго дурака. Она была совершенная красавица, хотя одѣта и бѣдно; а естли бы имѣла получше платье, то можно бы назвать любви достойною; сверьхъ того немилосердая болтунья и въ разговорахъ весьма вольная.

Въ тотъ же вечеръ для поздравленія пришли многія молодыя и старыя женщины, по томъ и четыре священника Армянскіе, изъ коихъ двое показались мнѣ сущими пьяницами.

Домъ хотя и пространный, но замаранной и бѣдной, и естли бы его чистить, то бъ ни какъ не возможно было. Кирі косъ женѣ своей и родственникамъ, которые по большей части изъ мужиковъ, представилъ знатные подарки, и онъ истощилъ много богатства съ собою и послѣ принесеннаго. Какъ вся сія церемонія производилась на Армянскомъ языкѣ, то мнѣ и понять не возможно было.

На другой день по утру посѣщали многія Армянки, и подходя къ моей хозяйкѣ, поздравляли ее съ возвращеніемъ ея мужа; и сіи женщины, по большей части старыя жуны, показывали важный видъ. Они не оставили описать и меня; одна изъ нихъ близь себя сидящей говорила на ухо, что я былъ Нѣмецъ, и взглядывали на меня: а хозяйка моя будучи еще отъ радости внѣ себя отъ подарковъ, мужемъ ея принесенныхъ, учтивымъ образомъ имъ показывала оные и хвасталась богатствомъ. Въ пер-

вые

вые дни я рѣдко видалъ дома моего Толмача, и должно думать, что онъ дѣлалъ посѣщенія: ибо низкія Армяне весьма соблюдаютъ свою должность и совѣстно исполняютъ по цыдулкѣ. Ежели бы кто не учинилъ сей церемоніи, то бы непростительная была проступка, которую и исправить не можно бъ было.

На другой день онъ и священникъ повели меня по всему городу, и показали торжище, гдѣ священникъ имѣлъ свою лавку. Хозяйка моя представила ко мнѣ молодую дѣвушку около 14 лѣтъ, говоря, что она ее родственница. Сія дѣвица сдѣлала мнѣ почтеніе на Армянскомъ языкѣ, цѣлуя и сжимая мою руку противъ своего лба. Она мнѣ показалась великой красоты, какой я мало видалъ, и прелести ея умножались еще одѣяніемъ, которое было довольно богатое: станъ и поступку имѣла весьма хорошую. Во всемъ другомъ случаѣ я не могъ бы взирать на сію молодую Армянку съ безпристрастіемъ; но поведеніе моего Толмача наполнило мою голову печальными и безпокойными мыслями, такъ, что довольствовался только я ей удивляться, какъ прекрасному предмѣту. Она жила многіе дни у моего Толмача съ своею матерью, которая взглядывая на свою дочь показывала всегда свое удовольствіе улыбкою. Когда она входила въ покой, и родственники дѣлали ей поздравленія, то свидѣтельствовала свою радость толканіемъ ихъ изъ одного конца покоя до другаго, и

оканчивала ударомЪ ногою вЪ задЪ; и сїя учтивость принуждала всѣхЪ смѣяться.

По протествїи 8 дней нашего прибытїя, сдѣланЪ былЪ большей пирЪ, и мясо было варено и жарено за два дни. ВЪ вечеру пришло до 20 человѣкЪ гостей, которые всѣ были ихЪ фамилїи. Чиновнѣе всѣхЪ изЪ нихЪ была духовная особа, протчїе жЪ были крестьяне и художники. Жены и дочери ихЪ сидѣли за особливымЪ столомЪ, поелику за нашимЪ не было довольно мѣста. ВЪ началѣ обѣда, поставили на каждой столЪ, по обыкновенїю АрмянЪ, изрядную величиной бутылку водки, которая переходя изЪ рукЪ вЪ руки, вЪ короткое время была выпорожнена; а женщины сЪ своей стороны также хорошо пили, какЪ и мущины. НаконецЪ подали кушанье, которое довольно хорошо было изготовлено. ДезертЪ состоялЪ изЪ сыру, плодовЪ и сладкаго пирожнаго. По окончанїи стола бакалЪ не переставалЪ ходить кругомЪ, и все сїе продолжалось 4 часа; послѣ чего двое изЪ гостей изЪ цитры и волынки составили намЪ гадкую музыку, подЪ голосЪ которой пѣли и плясали. ВЪ сїе время притожїя Армянки показали то же опытЪ своего искуства. ИхЪ пляска весьма длинна, и обыкновенно состоитЪ вовзглядахЪ и прїятныхЪ минахЪ, за коими слѣдуетЪ шарканїе ногЪ. Хозяйка моя принуждала меня плясать; но я учтивымЪ образомЪ благодаря ее, просилЪ отЪ того освободить. Большая часть изЪ гостей, какЪ изЪ мущинЪ, такЪ и женщинЪ, а особливо Толмачь сЪ своею женою были пьяни, и вмѣсто того, что бы имЪ собѣседовать сЪ

своею

своею компанïею, легли спать, дабы проспать свой хмѣль. Сей праздникъ продолжался во всю ночь; я жъ заранѣе пошелъ на постелю.

Провѣдавъ, что въ *Карасу* есть хорошая баня, то я ее и посѣтилъ; почему и показалось мнѣ, что оная, какъ въ разсужденïи своей Архитектуры, такъ и пользы, заслуживаетъ описанïя. Сïе строенïе весьма высокое изъ высѣченнаго камня и о двухъ крышкахъ, гдѣ находится много скважинъ, чрезъ которыя проходитъ дымъ. При входѣ была большая комната, въ коей находились многïе чаны изъ дикаго камня, откуда текла горячая и холодная вода, и сïю послѣднюю пили. Та комната была мѣстомъ, гдѣ раздѣвались на весьма высокихъ лавкахъ, и многïе сдѣланы перегородки. Когда раздѣнешься, то служитель приноситъ бѣлье, которымъ покрываетъ около поясницы, также пару деревянныхъ туфлей или сандалïй, дабы по обыкновенïю итти въ другой покой, гдѣ люди парятся. Послѣ того прошелъ я покрытую аллею весьма пространную, высокую, но безъ сводовъ, коея стѣны были бѣлаго невысѣченнаго мрамору, поддерживаемыя Дорическими и Iоническими гладкими столбами; по четыремъ сторонамъ было восемь мраморныхъ лавокъ, промежъ коихъ толикое жъ число котловъ, откуда текла горячая вода. Полъ сдѣланъ изъ толстыхъ плоскихъ камней, дикихъ и невытесанныхъ; а по серединѣ бани поставленъ столъ изъ такого жъ камня, вышиною въ два фута, около котораго оставлено боль-

щее пространство. Я сѣлъ, и не мало удивился, когда узналъ, что тотъ столъ столько же горячъ, какъ и печь до половины истопленная. Наконецъ увидѣлъ, что изо всѣхъ протчихъ мѣстъ, мною прикасающихся, изъ разныхъ каналовъ, со всѣхъ сторонъ проведенныхъ, вытекала горячая вода, которая весьма кипѣла изъ подъ полу, и увѣряли меня, что вода и на другой день по утру еще была горяча.

Когда я посидѣлъ нѣсколько часовъ, то банщикъ пришедъ теръ мнѣ рукою голову, плеча и руки, и сіе треніе произвело великой во мнѣ потъ.

Мнѣ подали трубку табаку, но я почувствуя въ себѣ слабость, курить не могъ, далъ знать о томъ моему Толмачу; и какъ по прошествіи получаса хотѣлъ встать, то началъ шататься.

Меня отнесли на лавку, и тотъ, который мнѣ прислуживалъ, взявъ изъ чана воды, обливалъ меня нѣсколько разъ, отъ чего я и опамятовался; послѣ того теръ онъ мнѣ изъ байки сдѣланною перчаткою голову, лицо и протчія члены, что все безпрестанны во мнѣ дѣлало потъ; и онъ не переставалъ ежеминутно обливать тѣло мое теплою водою; а наконецъ принесъ полный стаканъ мыльной пѣны, которою обмазавъ меня, помощію суконки, сказалъ мнѣ, чтобъ я чистился самъ. Когда я въ томъ упражнялся, то онъ вылилъ на меня еще полную шайку воды; а между тѣмъ другой служитель принесъ бѣлье, дабы опоясать мою поясницу, и надѣлъ банную рубашку для прикрытія.

крытія остальной части моего тѣла. Голову обвязали мнѣ салфетками, и черезъ полтора часа вышелъ я въ семъ уборѣ изъ бани въ тотъ покой, гдѣ было мое платье. Тамъ послали для меня коверъ, покрывъ оный бѣлою простынею, на которой я и сѣлъ. Мнѣ подали бумажное бѣлье съ длинными полосами, чтобъ мнѣ обсушиться, а послѣ того началъ я одѣваться. За всю сію услугу, не болѣе потребовали отъ меня платы, какъ двѣ пары (три копѣйки.)

Я разсуждалъ, что сіе великолѣпное и и твердое строеніе бани, состроено не Турками и не Татарами, а какимъ нибудь другимъ народомъ, издревле сооружившимъ. Ежели бы я о семъ вошелъ въ подробность, то ничего бъ дѣйствительно узнать не могъ: ибо въ сей землѣ нимало не думаютъ о древности, и жители оной входятъ только во времена настоящія.

Я ходилъ во многія другія бани, какъ въ Крыму, такъ и въ протчихъ земляхъ; однакожъ ни какой подобной не видалъ, хотя и всѣ были хорошо состроены.

Публичныя бани для женщинъ отдѣлены особо отъ мущинъ, и никто изъ мущинъ войти къ нимъ не смѣетъ, подъ какимъ бы то видомъ ни было. Сіе твердое и ненарушимое запрещеніе иногда причиняетъ великія обманы и крайнія обиды мужьямъ. Женщины столь хитры, что находятъ средство вводить туда любовниковъ для своей услуги, и то столь легко, что нельзя [illegible] быть распознану между одѣяніемъ обоего пола, когда лице и глаза закрыты.

Толмачь мой до самаго Армянскаго поста, дѣлалъ большіе пиры, на которыхъ всегда было отъ сорока до пятидесяти человѣкъ гостей. 5 числа Марта онъ трактовалъ двадцать четыре духовныхъ особъ, столько же бѣдныхъ и до шестидесяти протчихъ знакомыхъ ему персонъ, изъ коихъ нѣкоторые были изъ *Карасу*, а другія изъ сосѣдственныхъ деревень.

Сіе послѣднѣе пиршество продолжалось три дни и три ночи, не болѣе прерывая оное, какъ на два, или на три часа. Съ виномъ бочка, содержащая въ себѣ 160 окъ, стояла въ покояхъ, и всякой вольно пилъ изъ нее столько, сколько хотѣлъ.

Сіи частые непорядки начинали меня безпокоить, и смраднымъ своимъ запахомъ зделались для меня чрезвычайно гадкими. Хотя я и садился съ протчими за столъ, дабы не опечалить хозяина; но рѣдко касался я до какого нибудь кушанья, а довольствовался только быть зрителемъ. Когда мнѣ хотѣлось спать, то надлежало ложиться на дворѣ: ибо домъ столь былъ наполненъ пьяными людьми, что не возможно было терпѣть ихъ буйства. Сіи пиршества въ тысячу разъ были хуже, нежели у древнихъ Скифовъ.

Сколько я радъ былъ, какъ наступившей Армянскій постъ празднество сіе окончилъ. Хотя для меня и готовили мясное кушанье, но оное весьма было худо изготовлено: ибо хозяйка моя была лѣнивѣйшая и неопрятнѣйшая женщина. Наконецъ принужденнымъ я нашелся прибѣгнуть къ ко-

могу, коего я здѣлалъ своимъ поваромъ, избавясь отъ печальнаго зрѣнія сей достойной четы. Я жилъ бѣдно въ одномъ отдаленномъ покоѣ сего непріятнаго для меня дома, и не могъ разсуждать о будущемъ, не причиняя себѣ величайшаго безпокойствія: ибо всякій день получали непріятныя извѣстія отъ войны происходящія. Ввѣренные мнѣ товары, находились еще въ *Киліи* и *Ковшанѣ*. Между тѣмъ Толмачь мой привелъ ко мнѣ одного своего родственника, предлагая послать его съ Ханскою подорожною въ тѣ два города, для взятія и привезенія моихъ товаровъ, увѣря меня, что онъ можетъ привезти ихъ по крайней мѣрѣ черезъ мѣсяцъ. Нужда принудила меня принять его предложеніе, и я для сего человѣка купивъ лошадь и снабдивъ оружіемъ, велѣлъ ѣхать въ *Оръ* вмѣстѣ съ однимъ караваномъ туда отправляющимся.

Въ началѣ Апрѣля мѣсяца разнесся слухъ о смерти *Гирея* Хана Крымскаго, и онъ въ самомъ дѣлѣ былъ справедливый, и что *Ковшанъ*, бунтующими Нагайскими Татарами, превращенъ со всѣмъ въ пепелъ. Легко себѣ вообразить можно, какой быть для меня долженъ ужасъ въ семъ случаѣ, поелику чаялъ я, что мои товары находились еще въ семъ городѣ.

Дни въ сей ненавистной землѣ казались для меня быть чрезвычайно длинными, между тѣмъ какъ мой Толмачь наслаждался увеселеніемъ съ его желаніемъ сходнымъ, провождая оные, или съ своими безпутными товарищами, или въ кабакѣ. Онъ съ

своею фамиліею ѣздилъ также въ *Кафу*, оставляя меня одного, что однако ни мало меня не огорчало: ибо я уединеніе предпочиталъ сей вздорной компаніи.

Хотя я рѣдко имѣлъ съ нимъ сообщенія, однакожъ примѣчалъ во всѣхъ его поведеніяхъ, что онъ весьма ко мнѣ былъ благопріятенъ, и имѣлъ причину поступать такимъ образомъ. Вскорѣ послѣ прибытія нашего въ *Карасу*, щиталъ я въ присудствіи его деньги, бывшіе у меня въ сохраненіи, которые положивъ въ два кошелька, ихъ спряталъ и заперъ въ свой сундукъ.

4 Апрѣля вздумалось мнѣ чего то поискать въ шкафу, сдѣланномъ въ стѣнѣ, гдѣ увидѣлъ, что кошелекъ мой былъ пустъ; я бросился искать другаго, но и того нѣтъ. Не возможно сказать, въ какомъ я находился отчаяніи и гнѣвѣ, увѣдавъ о семъ воровствѣ, и украденное доходило до 504 піястровъ, имѣя у себя золотыхъ не болѣе какъ двенатцать. Я вскорѣ сыскалъ одну Армянку, которая мнѣ казалась довольно быть честною, расказавъ ей о нещастномъ моемъ приключеніи. Она объявила мнѣ, что Толмачь мой въ *Карасу* весьма задолжалъ, и что онъ не давно уплатилъ одному священнику 300 піястровъ. Я съ трудомъ могъ догадаться, какія бы онъ деньги на сіе употребить могъ.

Я сего плута не могъ увидѣть во весь день, но въ вечеру разговаривалъ онъ съ мной весьма ласково. Множество людей бывшихъ тогда въ покоѣ, не дозволило мнѣ вступить съ нимъ въ разговоръ, и выговорить

рить за его плутовство. Я легъ спать; но забота и мое попеченїе воспрепятствовало мнѣ сомкнуть глаза. Между тѣмъ мѣстомъ, гдѣ была моя постель и покой, находилась не большая алея, и двери были отперты. Въ полночь услышалъ я, что отворили сундукъ, отъ котораго у меня былъ ключь, и безчестной мой хозяинъ, щитая деньги, разговаривалъ съ своей женою. Я вскочивъ съ постели тихонько, и ставъ за дверьми, которые, какъ я сказалъ, были отперты, съ удивленїемъ взиралъ на достойную сїю двоицу и на многїе товары около ихъ лежащїе. Я переодѣвшись въ одно дорожное платье, вошелъ въ покой, и они нечаянно увидѣвъ меня смутились. Первый мой вопросъ былъ, что вы здѣсь въ полночь дѣлаете и кому принадлежатъ сїи деньги? Толмачь грубымъ образомъ отвѣчалъ мнѣ: сїи деньги и товары мои. Послѣ того называлъ я его воромъ, приписывая ему всѣ названїя, какїя только мнѣ на умъ всходили; а бездѣльникъ сей хотѣлъ меня бить. Я освободясь изъ его рукъ, схватилъ за голову, и по мерскому его лицу билъ столько, что оное обагрилъ кровью. Между тѣмъ сосѣды, услышавъ крикъ его жены, прибѣжали къ нему на помощь. Они отнявъ его изъ моихъ рукъ и бѣшенства, принудили меня итти на свою постель, и я отъ усталости заснулъ. Бездѣльникъ пользуясь симъ случаемъ, подбѣжалъ къ моей постелѣ, и схвативъ меня за горло, едва не удавилъ, дѣлая мнѣ удары руками и ногами въ животъ.

Варваръ,

Варваръ дѣйствительно бы меня умертвилъ, ежели бы я не схватился за кинжалъ подлѣ моей постели лежащей. Я было хотѣлъ его онымъ ударить, но тайное движенiе отъ того меня удержало, и довольствовался только тѣмъ, что бъ отъ себя отогнать и отъ него освободиться. Сей скаредный человѣкъ не столько былъ силенъ, какъ измѣнчивый и злобный.

Не прошло еще часа, какъ онъ вошелъ съ двумя другими Армянами, требуя у меня подорожной. Какъ я имъ въ оной долгое время отказывалъ, то они всѣ трое бросясь на меня, и схвативъ за руки, вытащили изъ кармана насильно, овладѣвъ Фирманомъ, контрактомъ, инструкцiями, векселями и протчими важными бумагами. Сiе послѣднее насильство не до инаго чего касалось, какъ до того, чтобъ предупредить мои жалобы, и воспрепятствовать какому либо предпрiятiю моему противу сего нечестиваго.

На утро весь день бѣгалъ я по улицамъ въ *Карасу*, будучи въ отчаянiи, что нѣтъ у меня никакого доказательства, ни свидѣтелей, принести жалобу свою Кадiю, а при томъ не было и никого такого, который бы мнѣ служить могъ Толмачемъ.

На другой день попался мнѣ Толмачь на улицѣ. Я съ нимъ говорилъ и требовалъ у него назадъ мои бумаги; но онъ отвѣтствовалъ, что оныя находятся въ рукахъ другихъ Армянъ, Когда же я просилъ у сихъ, то они всѣ съ своей стороны посылали меня къ нему. Наконецъ взявъ съ собою двухъ

Жидовъ,

Жидовъ, пришелъ къ Толмачу въ домъ. Тамъ требовалъ я при нихъ опять отъ него тѣ бумаги; но онъ сказалъ мнѣ, что отдастъ ихъ въ пристойное время.

6 Апрѣля, уѣхалъ онъ тайно въ *Кафу*, и безстыднымъ образомъ увезъ съ собою мою фузею, пули, порохъ, такожъ весь кофей, нужную посуду и всѣ прочіе дорожные мои уборы.

Мнѣ не возможно было оставаться тутъ долгое время и вознамѣрился ѣхать въ *Бакчисарай*; Консулъ же Французской, обнадежилъ меня рекомендовать тому, которому препоручена его должность. Я надѣялся, что онъ не откажетъ мнѣ въ своемъ покровительствѣ, и что по средствомъ его получу правосудіе отъ Каймакана. Хотя я и просилъ всѣхъ Армянъ мною знаемыхъ о исходатайствованіи мнѣ коляски; однако ни кто изъ нихъ не хотѣлъ оказать сей малой для меня услуги, и объявляли, что оной со всемъ нѣтъ: ибо они тѣсно связаны были дружбою другъ съ другомъ и боялись Киріакоса.

Нѣкоторые Жиды, съ коими я познакомился, достали для меня наконецъ коляску, и сынъ одного Лѣкаря Еврейскаго, разумѣющій нѣсколько по Италіански, принялъ намѣреніе путешествовать со мною.

ГЛАВА XI.

Второе путешествіе изъ Карасу въ Бакчисарай.

Я оставилъ Карасу 9 Апрѣля, и первой ночлегъ мой былъ въ вольномъ Татарскомъ домѣ,

домѣ, гдѣ и препроводилѣ ночь. Оный домѣ, довольно хорошо выстроенный, лежалѣ на краю одной деревни, мимо коей протекала небольшая рѣка, а на берегу оной росли кипарисныя деревья. Тамѣ было три покоя весьма чистые, и вотъ оной мецѣ отвелѣ намѣ одинѣ всѣхѣ свѣтлѣе. Вѣ ономѣ нашелѣ я изрядной каминѣ; покой убранѣ коврами и по обѣимѣ сторонамѣ стояли Софы. Пріѣхало еще нѣсколько путешественниковѣ; чрезѣ два часа подали намѣ ужинать, и мы ѣли всѣ вмѣстѣ за однимѣ столомѣ, выключая моего Жида, который на нашемѣ каминѣ изжарилѣ себѣ мяса. Кушанье было вкусное и хорошо изготовленное, и послѣ спалѣ я тутѣ крѣпко и безопасно. Такихѣ вольныхѣ домовѣ находится великое множество вѣ Крыму. Вѣ оныхѣ отѣ путешественниковѣ не требуютѣ ни одной полушки ни за свои издержки ни за лошадей, прилагая во всемѣ всевозможное свое стараніе.

Сіи вольные домы учреждены отѣ нѣкоторыхѣ благородныхѣ фамилій, которыя ихѣ содержатѣ сѣ великимѣ попеченіемѣ, чемѣ самымѣ и доказываютѣ, до какой степени народѣ Татарскій простираетѣ гостепріимство, оказывая оное вообще ко всѣмѣ путешественникамѣ. Сія добродѣтель дѣлаетѣ ихѣ почтенія и несказанной похвалы достойными.

10 Апрѣля прибыли мы вѣ *Бакчисарай*, и я вышелѣ изѣ коляски у воротѣ Консульскихѣ. Всѣ домашніе служители приняли

меня весьма учтиво, особливо его правитель канцелярiи Г. Iеремiй, который предувѣдомленъ уже давно былъ, что я поѣхалъ изъ *Ковшана* въ *Крымъ*. Онъ тотчасъ приказалъ отвести мнѣ покой, изъявляя своими услугами, что прiѣздъ мой дѣлаетъ ему удовольствiе. Я съ своей стороны увѣдомилъ его о томъ, что со мною приключилось въ *Карасу*, такъ, какъ и о плачевномъ моемъ состоянiи. Онъ обѣщалъ показать всѣ свои услуги, какiя только отъ него зависить могутъ и постараться обо мнѣ у Каймакана.

12 Апрѣля, представилъ онъ меня къ сему господину, бывшему въ то же время Муфтiемъ, который имѣя должность Коммендантскую, управлялъ всѣмъ *Крымомъ*. Онъ принялъ насъ весьма учтиво, и выслушавъ мою жалобу, тотчасъ приказалъ написать повелѣнiе, одно въ *Карасу*, а другое въ *Кафу*, и при мнѣ отправилъ оныя съ Янычаромъ для сысканiя Кирiакоса, и за карауломъ привести его въ *Бахчисарай*.

Намъ поднесли кофiю и трубку табаку, что почитается въ сей землѣ за знакъ величайшей отличности, а наконецъ позвали насъ и къ обѣду. Я сидѣлъ за столомъ насупротивъ Каймакана, человѣка уже въ лѣтахъ и важнаго виду, который во время стола дѣлалъ мнѣ многiе вопросы, на кои отвѣчалъ ему худымъ Турецкимъ языкомъ, употребивъ такiя слова, которыя бы ему могли быть прiятны. Онъ часто взглядывалъ на меня съ улыбкою и казался быть весьма довольнымъ моими отвѣтами. Предъ

нами поставлено было около 30 блюдъ съ кушаньемъ, но онаго всякой ѣлъ мало, и столъ не болѣе продолжался получаса. По окончанiи онаго пили мы вторично кофей и курили табакъ. Каймаканъ на послѣдокъ насъ оставилъ и пошелъ въ свой гаремъ, а мы домой.

Прiемомъ и хорошимъ повѣденiемъ перьваго Министра Татарскаго, такъ какъ и милостiю Консульскою, удостоившею меня пристанищемъ въ его домѣ, чрезвычайно былъ обрадованъ, и всѣ живущiе въ немъ были пречестные люди. Капжеилъ, (надзиратель) родомъ Армянинъ, былъ любезный старикъ, оказавшiй мнѣ всякiя учтивости.

15 Апрѣля, возвратясь Янычаръ, увѣдомилъ насъ, что онъ привелъ съ собой Кирiакоса, котораго и оставилъ у Каймакана. Я, и Г. Еремiй, мой стряпчiй, немедлѣнно пошли въ его домъ. Онъ сидѣлъ на возвышенной Софѣ и держалъ въ рукѣ жезлъ, означающiй власть. Я здѣлалъ ему по Турецкому обыкновенiю почтенiе, и послѣ какъ мы сѣли, то въ присудствiи моихъ соучастниковъ, повторилъ я мою жалобу; ему приказано было отвѣчать, и сей нечестивый началъ разсказывать долгое повѣствованiе нашего путешествiя съ самаго отъѣзда изъ Вѣны до прибытiя въ *Крымъ*, и окончилъ тѣмъ, что будто я жестоко его билъ и обнажалъ противъ его свой кинжалъ. Судья нашъ повелѣвъ ему замолчать, спрашивалъ у меня, помириться ль съ нимъ хочу, или оставить правосудiю. Я согласился на перьвое, для того болѣе, что

что я не зналъ, на какихъ договорахъ сей почтенный господинъ поступить съ нимъ хотѣлъ. Судья позвавъ Киріакоса, уличалъ въ его преступленіи, и напослѣдокъ совѣтовалъ ему, чтобъ онъ впредь не впадалъ въ оное, и не подвергнулъ бы себя жесточайшему наказанію, присовокупя при томъ, чтобъ онъ возвратилъ мнѣ украденныя у меня деньги и отнятыя бумаги. Киріакосъ съ великою униженностію обѣщалъ исполнить вѣрно все то, что ему повелѣно, повторивъ также обѣщаніе свое и на дому у Консула, который жестоко выговаривая ему за худыя поступки, увѣщевалъ, чтобъ впредь поступалъ по моей волѣ.

Онъ сдѣлался обходительнымъ и казался мнѣ униженнымъ и раскаивающимся въ своемъ обличеніи. Всѣ Консульскіе люди его знали, и ни одинъ изъ нихъ не говорилъ про него добраго слова, совѣтуя мнѣ отъ него отстать, и на мѣсто его взять другаго. Сильные причины побуждали меня не слѣдовать ихъ разумному совѣту, и я рѣшился оной исполнить и сколько можно ничего не дѣлать безъ него: ибо ежели бы что послѣдовало тому противное, то что бы не было причтено мнѣ въ вину.

Киріакосъ поѣхалъ 16 Апрѣля изъ *Бачиъ-сарая*. Я много разъ съ Г. Ереміею посѣщалъ Каймакана, которой всегда принималъ насъ весьма хорошо. Онъ по прозьбѣ моей далъ мнѣ съ учиненнаго Суднаго приговора, рѣшившаго мою тяжбу, копію, такъ какъ одобри-

тельное письмо (*) ко всѣмъ Кадіямъ Крымскимъ, а собливо къ Назиру, Агѣ Карасуйскому и Пашѣ Кефайскому. Переводъ словесной тяжбы включенъ въ протоколъ Турецкій, который показался мнѣ достойнымъ сохранить, и читатель содержаніе онаго можетъ найти здѣсь въ примѣчаніи.

Про-

(*) КАДІЙ КАРАСУЙСКІЙ оное хранилъ и я забылъ взять у него на задъ.

Содержащее въ семъ письмѣ повелѣніе есть истинное, и писанное бѣдною тварью въ сравненіи Всевышняго Бога: ХАДИРЪ, Судья крѣпости Карасу.

Причина, для которой справедливое письмо сіе отправлено было, слѣдующая:

Купечество принудило Нѣмецкаго купца Клеемана пріѣхать сюда, гдѣ принося жалобу на Киріакоса, живущаго въ КАРАСУ, объявилъ въ судѣ, что бъ вышеписанный Киріакосъ возвратилъ ему 10 бочекъ косъ, коихъ въ каждой было по 1000 и всякая коса стоила 30 паръ, а всѣ цѣною доходили до 7500 піястровъ Греческихъ, также сундукъ назначенный въ ВѢНУ, наполненный товарами, кои стоили 500 піястровъ, и сверхъ того 500 піястровъ не справедливо отнятыя; и когда онъ у него все то требовалъ, то не довольно что отказалъ, но и поступилъ съ нимъ весьма нагло. А какъ помянутаго Киріакоса о семъ спрашивали, то онъ отвѣчалъ, что съ нимъ худо не поступалъ и не обижалъ. Наконецъ признался самъ, что тѣ товары и деньги принадлежали Клееману; по чему и приказано было ему ихъ возвратить; въ разсужденіи чего, все то должно быть отдано непремѣнно истцу, мѣсяца Зельгидши 1182.

Свидѣтели сего спорнаго дѣла были: Ратиббидинъ Еффенди, сынъ Мустафы Еффендія, Абдулъ Самедъ, сынъ Халилы. Горимъ Гаредъ сынъ Оттисія. Сеидъ Ахмедъ, сынъ Асуллага Еффендія, и прочіе другіе.

Пробывъ 9 дней въ *Бакчисараѣ*, отправился я 18 Апрѣля съ моимъ Жидомъ въ худой коляскѣ, запреженной волами для возвращенія въ *Карасу*. Всѣ Консульскіе люди желали мнѣ благополучнаго пути, и около вечера прибылъ я въ *Ахмедшитъ*, посредственный городъ, лежащій въ довольно хорошей землѣ, гдѣ нѣкогда молодый владѣтель Татарскій имѣлъ свою столицу.

Я послалъ моего Жида въ рынокъ для закупки нѣкоторой провизіи, и ожидая его возвращенія, остался въ коляскѣ. Между тѣмъ онъ нашелъ средство, по обыкновенію своего народа, познакомиться съ однимъ Спагою, который обѣщалъ ему дать нѣсколько денегъ, естьли только онъ въ моей коляскѣ свезетъ его въ *Карасу*. Спага безъ всякихъ околичностей вошелъ въ коляску, а Жидъ сѣлъ на лошадь. Я увидѣлъ, что сей нещастный былъ болѣнъ и покрытъ нечистью, за что браня моего Евреинина, говорилъ, чтобъ Турка вышелъ; но многіе Янычары и Спаги прибѣжавшіе на шумъ просили меня дозволить ему остаться, увѣряя, что онъ человѣкъ честный. Я не зналъ, что мнѣ въ семъ случаѣ должно было дѣлать, и ежели мнѣ насильно его согнать, то бъ всѣ его товарищи на меня вооружились; по чему и принужденъ былъ ѣхать съ нимъ до *Карасу*. Въ награду за то мнѣ провожали меня два Спага, которые ежеминутно приносили величайшія клятвы изрубить въ мѣлкія части всѣхъ осмѣлившихся на насъ учинить нападеніе; однако жъ храбрость сія была безполезна; ибо путешествіе наше въ

Крыму было безопасно. Я запрещалъ большому Спагѣ, когда онъ хотѣлъ выходить изъ коляски, чтобъ Жиду не давать болѣе одной Ахсы (*). Жидъ сдѣлалъ печальный видъ, и въ худомъ своемъ поступкѣ весьма соболѣзновалъ.

По прибытіи моемъ въ *Карасу*, Толмачь мой съ своею фамиліею принялъ меня весьма ласково, и наказывалъ своей женѣ угощать меня сколько можно лутче; однакожъ я не смотря на сіи учтивости, имѣлъ довольно причинъ не довѣряться онымъ.

На другой день я требовалъ отъ Киріакоса моей подорожной, и онъ мнѣ обѣщавъ возвратить въ полдень, ушолъ со двора, и увидѣлъ уже его вечеромъ; а какъ я неотступно у него просилъ, то онъ имѣлъ прибѣжище къ другой отговоркѣ. Легко примѣтилъ я, что мнѣ ласковымъ образомъ отъ него получить ни какъ не льзя; по чему и пошелъ 23 Апрѣля къ Кадію, которому подавъ одобрительное письмо отъ Каймакана, просилъ его, чтобъ онъ приказалъ Киріакосу возвратить мои бумаги. Онъ тотчасъ велѣлъ за мной пойти многимъ Офицерамъ, коимъ препоручилъ требовать отъ него оныхъ; но мы его не застали дома, что весьма огорчило Татаръ. Я посылалъ его искать, и наконецъ онъ пришелъ, заставивъ себя ждать около часа. Онъ показался весьма честнымъ, что однакожъ не воспрепятствовало вытерпѣть ему ругательствъ отъ Офицеровъ, огорченныхъ сею ме-

(*) Сія не большая монета, едва стоитъ двухъ полушекъ.

медлѣнностїю. Они приказывали ему именемъ Кадія возвратить мнѣ похищенную имъ подорожную: но Кирїакосъ смѣло отвѣчалъ, что не знаетъ ни какой подорожной и оной не бралъ. Сїе новое безстыдство весьма мнѣ прискорбно было, и я съ однимъ Татариномъ прилагали всевозможное наше старанїе привесть его въ разсудокъ, и совѣтовали не вводить дѣла сего вдаль. Всѣ наши усиленїя были безполезны; по чему и принужденнымъ нашелся отвести сего бездѣльника къ Кадїю, гдѣ онъ до такой же доходилъ подлости отговариваться, и добровольно не отдавать требуемаго. Когда онъ предсталъ передъ Судью, то прибѣгъ къ новымъ отговоркамъ, и окончилъ тѣмъ, что товары принадлежали ему, и что я самъ находился въ его повелѣнїяхъ. Кадїй отвѣчалъ ему, что онъ уже давно въ обществѣ извѣстенъ подъ именемъ плута, и что безполезно такимъ образомъ его обманывать. Ему приказано было тотчасъ принести подорожную, а чтобъ не могъ уйти, то наложили на него желѣза, и понуждали камчишою (*). Сей негодный, видя тогда, что ему не возможно было долгое время отговариваться, и находить другїя извиненїя, согласился итти сыскать подорожную. Съ нимъ пошелъ одинъ Татаринъ, и между тѣмъ принужденъ былъ я съ Кадїемъ

(*) Камчиша, бичь съ не большимъ кнутовищемъ въ полъ аршина. Оный сдѣланъ изъ ремня толщиною въ палецъ, такой же длины какъ и кнутовище, съ привязанымъ изъ веревки концомъ. Оный употребляютъ для наказанїя виноватыхъ, которымъ даютъ удары по подошвамъ.

дїемъ курить табакъ, вступя съ нимъ въ нѣкоторыя подробности о худыхъ повѣденїяхъ моего Толмача, который черезъ часъ принесъ мои и бумаги. Кадїй прочтя мой фирманъ сказалъ: вотъ ясно написано, что товары принадлежатъ сему Нѣмцу, а ты его Толмачь. Жиду велѣно было перевесть одно изъ моихъ рекомендательныхъ писемъ, что въ пользу мою и подало новыя доказательства; по чему рѣшенїе Судьи было слѣдующее: подй тотчасъ домой съ симъ Нѣмцомъ, и отдай ему при Музульманѣ все то, что онъ объявилъ; ежелижъ ты того не учинишь, то увидишь, какъ я съ тобой поступлю: ибо извѣстно, и свидѣтель мнѣ Богъ, что ты человѣкъ негодный. Послѣ того оборотясь ко мнѣ сказалъ, чтобъ я у него не жилъ, а сталъ бы съ товарами моими въ *Хинѣ*, дабы воспрепятствовать, не смотря на всѣ предосторожности, сему бездѣльнику сдѣлать со мною что нибудь худое. Когда мы получили отъ него все, то мы возвратились къ Кадїю, объявя, что повелѣнїи его были исполнены. Онъ выговаривалъ еще Кирїакосу, увѣщевая, чтобъ онъ исправился, и остерегался новыхъ на себя жалобъ. Я отходя съ своей стороны просилъ, дабы онъ велъ себя разумно и честно, обѣщая, что я имѣю хорошїй случай оказать ему добро; но онъ выслушавъ меня, ни мало не показался быть тѣмъ тронутымъ. Когда жъ къ вечеру пришелъ домой, то жена его дѣлала ему большїя упреки, что худо защищалъ себя передъ Судьею, равно и за то, что все мнѣ отдалъ; онъ

же напротивъ того сколько могъ въ томъ извинялся, обѣщая впредь такъ не поступать. Извѣстно, что жена его была главною причиною худыхъ дѣлъ, учинившихъ его виноватымъ. Послѣ того казалось, что онъ во всѣхъ дѣлахъ, которыя онъ съ нами имѣлъ, велъ себя гораздо лутче прежняго.

Между тѣмъ услышали мы, что наши товары прибыли въ *Гозлевъ.* Толмачь мой пошелъ къ той гавани, дабы быть при выгрузкѣ оныхъ; я же поѣхалъ въ *Бакчисарай*, вознамѣрясь пробыть тамъ до ихъ прибытія.

24 Апрѣля, пріѣхали мы въ сей городъ, и въ тотъ же вечеръ служитель привелъ въ мою комнату извощика, который объявилъ намъ, что дѣйствительно товары наши находились въ *Гозлевѣ.* Радость и внутреннее удовольствіе, причинившее мнѣ сіе извѣстіе, было столь чувствительно, что я давно уже подобнаго оному не имѣлъ, и безпокойства, препятствующія мнѣ спать, уничтожились.

Толмачь мой тотчасъ поѣхалъ въ *Гозлевъ*, откуда онъ не прежде возвратился съ своимъ зятемъ, какъ 13 Маія. Когда я выговаривалъ ему о долгомъ отсутствіи, и о нерадѣніи для здачи товаровъ, то онъ извинялся съ великою грубостію, сказавъ, что останавливался въ *Кафѣ* и *Карасу*, для празднованія пасхи.

Зять его по дурачеству своему, оставилъ нѣкоторые товары въ *Килїи, Кавшанахъ* и *Бендерахъ*: по чему и вознамѣрился я послать опять Киріакоса, для требованія пла-

платежа, и для вывозу тѣхъ товаровъ, которые не были проданы. Онъ поѣхалъ 18 Мая изъ *Бахчисарая*, и выгрузился, какъ я послѣ узналъ въ *Ахмедшиттѣ*.

Пребыванїе мое въ семъ городѣ гораздо было долѣ прежняго; почему и имѣлъ время осмотрѣть оный, и думаю, что я въ состоянїи здѣлать о немъ описанїе моимъ читателямъ.

Бахчисарай (*) разстоянїемъ на 10 миль Татарскихъ отъ *Карасу*, а 8 отъ *Гозлевы*. Онъ лежитъ въ пространной долинѣ, окруженный съ одной стороны камнями, а съ другой горами, дѣлая непрїятную преспективу.

Дворецъ Ханскїй, состоитъ изъ многихъ строенїй, вмѣстѣ соединенныхъ, и одного сада, который гораздо обширнѣе и лучше, нежели въ *Кавшанахъ*. По правую руку, при первомъ входѣ конетный дворъ, а по лѣвую конюшни; насупротивъ мечеть, дѣлающая съ наружи довольно хорошїй видъ. На Дворцѣ крышка изъ бѣлой жести, и полумѣсяцъ на верьху поставленный вызолоченъ, и все строенїе обведено стѣною. Прочїе домы въ городѣ весьма худые, и стѣны здѣланы изъ тростника, обмазанныя извѣсткою. Внутреннее раздѣленїе однако въ весьма хорошее, и домы отдѣлены другъ отъ друга на нѣкоторое разстоянїе, что и показываетъ городъ доволь-

но

(*) БАКЧИСАРАЙ происходитъ отъ Турецкихъ словъ БАКЧА, садъ, и САРАЙ, дворецъ. Первое названїе имѣетъ по тому, что около города находится множество садовъ, простирающихся по крайнѣй мѣрѣ на двѣ мили; а другое для того, что Ханъ обыкновенно тамъ имѣетъ свою резиденцїю.

но великимъ. Примѣчанія достоинъ также домъ Консульскій, недавно выстроенный, который пространствомъ и красотою уподобляяся Дворцу. Сей городъ наполненъ частію первостепенныхъ Татаръ, великимъ множествомъ Армянъ, нѣсколькимъ числомъ Жидовъ и весьма не многими Турками; а при томъ обитаютъ многія фамиліи, исповѣдающія Римско-Католическую вѣру. Когда Ханъ на войнѣ, или по какой нибудь другой причинѣ, принужденъ находится въ отсутствіи изъ *Бакчисарая*, то *Каймаканъ* или Губернаторъ Крымскій, имѣютъ тамъ свое пребываніе. Въ другое жъ время жительство онъ имѣетъ въ загородномъ домѣ. Въ разное время отправляютъ тамъ торги въ лошадяхъ, привозя всякихъ сортовъ, между протчими и Черкаскихъ, которыя весьма продаются дорогою цѣною.

На горѣ на полмилю отъ сего города, есть деревня, составляющаяся изъ 120 домовъ, окруженныхъ вѣтхою стѣною съ башнями, гдѣ обыкновенно живутъ Жиды, которые полезнѣе всѣхъ обитающихъ въ Крыму.

Сіе мѣсто, называемое Кало (крѣпость) Музульманами не было бы, въ разсужденіи прелѣстнаго его положенія, оставлено, еже-ли бы только не имѣли недостатка въ водѣ; а какъ оной совсѣмъ нѣтъ, то и должны искать у подошвы горы, откуда и возятъ ее на ослахъ.

Сіи Жиды названы *Караи Яоды*, или Жидами Черными, коихъ ни гдѣ, кромѣ *Крыма* не обитаетъ. Настоящіе Жиды ихъ ненавидятъ, по тому, что они не подражаютъ *Талмуду*, а управляются То-

рою. Они различествуютъ отъ нихъ во многомъ, такъ, какъ и въ самыхъ постахъ, *Карай Яхудовъ* весьма отличить легко можно: ибо они обриваютъ себѣ всю голову, напротивъ того протчіе Жиды Турецкіе, какъ въ провинціи сего Королевства, такъ и Татаріи, носятъ на головѣ густыя волосы, которые висятъ на переди, и похожіе весьма оными на хохлатыхъ собакъ.

На четверть мили отъ *Бакчисарая* съ Сѣверной стороны видны нѣкоторыя старинныя сіяющія зданія, разными фигурами изъ камней сооруженныя. Наипространнѣйшее изъ оныхъ еще и по нынѣ цѣло, и походитъ на Храмъ: оное круглое, имѣющее въ окружности 12 шаговъ, состроено изъ дикаго толстаго высѣченнаго камня съ 8 окошками въ сводахъ, здѣланныхъ изъ кирпичей и обмазанныхъ извѣстью, и между каждымъ окошкомъ поставлены столбы. Крышка здѣлана изъ такого жъ камня, и казалась столь еще крѣпкою, что въ состояніи еще простоять долгое время. Татары сказываютъ, что тамъ положены святыя мощи, а Армяне думаютъ, что въ семъ мѣстѣ находятся гробницы прежнихъ Хановъ.

Я не могъ получить прибывшіе въ *Гозлевѣ* товары, по тому, что не заплатилъ за нихъ пошлинъ въ Таможню. Фирманъ, исходатайствованный отъ Хана Крымскаго Гирея, не былъ уже дѣйствителенъ: ибо смерть сего Владѣтеля учинила его безполезнымъ.

Я всевозможное прилагалъ стараніе упросить Каймакана вступиться въ пользу

нашу

нашу у Таможеннаго Директора, представляя ему, что я во время моего путешествія принужденъ былъ платить многимъ Таможнямъ пошлины, давая знатные подарки покойному Хану, который бы запретилъ въ своихъ областяхъ Таможнямъ брать оныя. Сей Министръ столько старался, что склонилъ главнаго Директора *Гозлевскаго*, въ семъ городѣ тогда находившагося, довольну быть тремя процентами за сто, которые Французскіе купцы, въ сходствіе и х ъ трактата (артикула 16) между Портою и Ханомъ платить обязаны. Сей послѣдній требуетъ четырехъ процентовъ за сто отъ Турокъ, и шесть за сто жъ отъ его подданныхъ,

Каймаканъ вспомнивъ, что Толмачь мой взялъ всѣ мои деньги, то и исходатайствовалъ еще, чтобъ я платилъ ту сумму не вдругъ, а чтобъ положили къ платежу оной сроки; однакожъ сверьхъ моего чаянія черезъ два дни послѣ сего разположенія, вступилъ новый Каймаканъ, назначенный Владѣющимъ Ханомъ Гримлетъ Гиреемъ. Онъ назначилъ получать ему жалованье изъ Таможни *Гозлевской*. Надобно думать, что сей Министръ имѣлъ весьма мало денегъ: ибо въ тотъ же часъ послалъ ко мнѣ на квартиру, чтобъ я отдалъ ему тѣ деньги, которыя получить съ меня надлежало.

Все мое богатство состояло въ нѣсколькихъ піястрахъ, по чему и принужденъ я былъ занять у Жидовъ и Христіанъ.

Какъ я заплатилъ свой долгъ, то вскорѣ послѣ того пошелъ съ Вице-Консуломъ,

ломъ, для отданія своего поклона новому *Каймакану*. Онъ хотя и показался мнѣ человѣкомъ добрымъ, но по старости лѣтъ своихъ казался не способнымъ исправлять порученную ему важную должность, и ему данъ былъ Муфти, для подаванія совѣтовъ. Мы сѣвъ верьхомъ, поѣхали къ нему въ загородный домъ. Я благодаря за его покровительсство, и прося быть ко мнѣ благосклоннымъ, поднесъ ему подарокъ изъ нѣкоторыхъ моихъ товаровъ. Сей разумный Музульманъ отказываясь прежде отъ онаго, наконецъ принялъ его съ удовольствіемъ, особливо какъ все сїе было для него новое. Какъ мы пили кофей и курили табакъ, то Муфти, приказавъ всѣмъ выйти своимъ служителямъ, разговаривалъ съ нами два часа, и разговоръ нашъ содержался о войнѣ и о разныхъ областяхъ Европейскихъ. Онъ многїя ихъ зналъ названїя, записывая какъ оныя, такъ и Владѣтелей ими управляющихъ. Мы отвѣтствовали на его вопросы, такъ, чтобъ не могло быть предосудительнымъ его народу; по чему и казался быть отвѣтами нашими доволенъ.

Онъ откровенно говорилъ намъ о причинахъ побудившихъ его просить Хана къ наложенію сей трудной должности, увѣряя, что многїе дни проводилъ безъ сна, и что сїя безсонница, учинила ему труды и попеченїя; а Муфти Татарскїй приноситъ ему столько денегъ, сколько ему надобно по своему чину жить честно и спокойно. Жалованья и доходовъ Каймакану приходитъ ежегодно около 3000

пїастровъ

піастровъ Турецкихъ. Онъ принужденъ всякій день имѣть открытый столъ, и потчивать кофеемъ и табакомъ всѣхъ къ нему приходящихъ.

28 Маія день моего отъѣзда, былъ послѣднимъ въ моей жизни; дороги были наполнены Турками въ *Кафу* идущими, чинившими часто великіе непорядки, и нещастный мой жребій, сверьхъ моего чаянія, ввергнулъ меня въ руки сихъ людей. Какъ я былъ на площади, и волосы мои не хорошо прикрыты были колпакомъ, то троя Янычаръ, примѣтивъ меня, по обыкновенію своему осыпали меня ругательствами, называя собакою, Москалемъ, шпіономъ и прочее. Я отвѣчалъ имъ, что я Нѣмецкій купецъ, требующій себѣ помощи. Они вынули свои кинжалы, и дѣйствительно бы меня умертвили, или бы потащили какъ шпіона въ темницу, ежелибы по щастію многіе Татарскіе купцы и Жиды, вышедъ изъ своихъ лавокъ, ко мнѣ не прибѣжали, увѣряя ихъ, что я Нѣмецкій купецъ и торгую въ Турціи по Султанскому и Ханскому Фирману. По симъ увѣреніямъ предохраненъ я былъ отъ рукъ сихъ варваровъ, которые хотя и отпустили меня, но непрестовали ругать.

Я тотчасъ пошелъ съ жалобою къ Муфтію, находящемуся въ то время въ городѣ. Но какое мнѣ можно было въ томъ получить удовольствіе, когда онъ самъ боялся насильства и безчестія отъ Турецкихъ солдатъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ остричь свои волосы, для избѣжанія впредь ху-

дыхѣ со мною поступокѣ. Я весьма о нихѣ сожалѣлѣ, по тому, что они были хорошїе, и старался всячески беречь; однакожѣ принужденѣ былѣ принести на жертву и ночью выбрить.

Не смотря на великое множество Турецкаго войска, вышедшаго вѣ *Полухлавѣ* и *Гозлевѣ*, идущее по сухому пути вѣ *Кафу*, и причиняющее на большихѣ дорогахѣ опасности, поѣхалѣ я одинѣ сѣ моимѣ извощикомѣ по полудни вѣ *Карасу*. Я прибылѣ туда на другїй день, не имѣя никакой худой встрѣчи, возвратившись опять, такѣ, какѣ вѣ мѣсто моей ссылки.

На другой день по утру услышалѣ я, что по отсутствїи моемѣ пришли товары, которые и положены вѣ Ханѣ, имѣющемся на площади, и я большую часть моего времени препроводилѣ вѣ разпоряженїи и продажѣ оныхѣ. Кромѣ зятя, моего Толмача, принужденѣ я былѣ взять вѣ помощь другихѣ двухѣ Армянѣ, которые казались мнѣ мало знающими вѣ семѣ купечествѣ, и товары продавались всѣ обтомѣ.

Нѣкогда случилось, что множество Нагайскихѣ Татарѣ пришло для покупки товаровѣ, и хотя платили хорошо, однакожѣ надобно было смотрѣть, чтобѣ нѣкоторыя вещи не были покрадены. Какѣ оные были Турецкїе солдаты, то не возможно намѣ было, вѣ разсужденїи причиняемаго ими непорядка, быть на площади; но какѣ скоро отѣ нихѣ избавились, то Татары и многїе другїе купцы показались, и начали со мною торгѣ. Монета

моя,

моя, состоящая по большей части въ Башлыкахъ Татарскихъ, коихъ 150 составляютъ одинъ піястръ, требовала часто, чтобъ оную носить двоимъ или троимъ человѣкамъ на мою квартиру, отъ чего и разнесся великой слухъ, почитая меня во всемъ *Крыму* за наибогатѣйшаго купца; другіе жъ щитали за разнощика съ мѣлочными товарами.

Товарищи мои, вмѣсто того, чтобъ мнѣ помочь въ вечеру щитать вырученныя мною деньги, просили отъ того ихъ освободить, говоря, что они весь день находясь въ трудахъ, устали, и просили пить и ѣсть; а при томъ, чтобъ еще было для нихъ лучшее и вино.

Я принужденъ былъ щитать мои Башлыки одинъ, а при томъ ночь къ тому не была способна: ибо покой мой былъ въ отдаленіи, и чтобъ не вдаться мнѣ въ опасность, совѣтовали всячески въ томъ остерегаться.

Во весь сей мѣсяцъ, ежедневно приходили изъ *Гозлевы* и *Балуклавъ* Турецкіе солдаты, возвращающіеся изъ арміи изъ *Кафы*, откуда много ихъ сбѣжало, по тому, что симъ нещастнымъ не производилось ни какого жалованья и не находили средства чемъ жить, и оставаясь для отдохновенія тутъ по 4 или по 5 дней, продавали украденные ими съѣстные припасы, и изыскивали средства получить что добровольно, или силою.

Сіи храбрецы поселились по середи торжища съ долгими трубками и продавали

съѣст

съѣстные припасы, какъ то, сыръ, масло и прочее тому подобное, принуждал всѣхъ мимо идущихъ у себя покупать оные.

Мое состоянїе весьма было безпокойное, и деньги свои сыскалъ способъ положить въ Армянскую церьковь; а какъ послѣ того священники говорили, чтобъ я ихъ взялъ, для избѣжанїя какой либо для нихъ опасности, то я и отнесъ въ пространный и хорошо выстроенный Ганъ, гдѣ и отдалъ оныя одному купцу при двухъ свидѣтеляхъ.

Я отваживался временемъ приходить тайнымъ образомъ разными закоулками въ мой Ганъ, для продажи тамъ нѣкоторыхъ товаровъ. Оный былъ обыкновенно наполненъ Турками, и вскорѣ входъ воротъ перемѣненъ въ лавку, и я имѣлъ сихъ гостей по зади себя, которые высматривая всѣ мои товары, что то, то другое уносили, безъ всякаго платежа.

Въ самомъ дѣлѣ прїѣхали изъ *Карасу* Армяне, съ коими я имѣлъ нѣкоторыя дѣла; но какъ сталъ требовать отъ нихъ платежа, то они мнѣ сказали: пиши на щетъ, и когда мы продадимъ сїи товары, то отдадимъ всю сумму. Мнѣ наскучилъ сей непрїятный постъ, и я заперевъ лавку, оставался дома; но и тутъ новыми удрученъ былъ безпокойствами. Толпа Байраковъ изъ *Кафы*, соединившаяся съ прочими бѣглецами, наполнила городъ, грабя и убивая себѣ противящихся, и останавливая, такъ какъ шпїоновъ, многихъ

тихъ невинныхъ людей, ихъ убивали, или тащили за собою, пока не принудятъ отдать имъ свои деньги. Такимъ образомъ не находя ни покоя ни безопасности въ домѣ моего Толмача, не смѣлъ изъ онаго выдти, боясь при томъ чтобъ жена его мнѣ не измѣнила и деньги бы и товары похищены не были; вознамѣрился, посовѣтовавъ съ своими друзьями, оставить *Карасу* и ѣхать въ *Бакчисарай*, гдѣ надѣялся быть съ покоемъ.

Я давно уже зналъ, что то средство было лучшее, но принять оное препятствовалъ мнѣ страхъ отдать товары въ другія руки, кои хотѣлъ распродать поскорѣе; видя жъ, что мнѣ и оставаться нѣтъ ни какой безопасности, то и рѣшился предпріять сіе путешествіе. Отдавъ зятю моего Толмача ключъ отъ магазина, и объявивъ цѣну всѣмъ оставленнымъ товарамъ, поѣхалъ въ прежнее мое мѣсто 8 Іюня въ коляскѣ, запряженной валами. Я пріѣхалъ туда не претерпѣвъ ни какого нещастія и получилъ тамъ вскорѣ платежъ по большей части за товары, мною туда посланные, и съ великимъ барышемъ проданные. Изъ *Бакчисарая* поѣхалъ я въ провожаніи шести вѣрныхъ Татаръ, данныхъ мнѣ отъ *Каймакана* въ *Гозлевъ*, дабы отыскать оставленные тамъ деньги, также и остальные товары, которые не могли вскорѣ распродаться. Хотя по дорогамъ и не очень было безопасно, однакожъ прибыли благополучно.

Сей городъ не очень великъ, но мѣстоположенiемъ своимъ для мореплаванiя весьма изрядный. Онъ имѣетъ рейду и небольшую гавань, гдѣ большiя корабли ходить не могутъ. Близь онаго находится старый замокъ со всѣмъ раззоренный.

Въ томъ городѣ жительство имѣютъ, болѣе Христiяне, нежели Турки. Я пробывъ въ ономъ 82 дни, благополучно возвратился съ моими Татарами въ *Бакчисарай*, гдѣ жилъ 15 дней, не доставъ себѣ коляски: ибо страшились всѣ отправляться въ путь, будучи весьма напуганы бѣглыми Турками. Они скрывались въ войскѣ *Кафайскомъ*; грабили всѣ деревни, убивали тѣхъ, кои имъ попадались навстрѣчу, лишая малаго ихъ имущества, и наконецъ отнимали коляски, и все то, что въ нихъ находилось; ежели же какiя вещи имъ были безполезны, то кидали на дорогахъ, бѣгая по такимъ мѣстамъ, гдѣ имъ угодно. Въ *Крымскихъ* гаваняхъ, учинялись они Начальниками кораблей, на оные садились, и принуждали Реевъ (Капитановъ) возить себя въ *Ромелiю*, Европейскую Турцiю, или меньшую Азiю.

Въ *Гозлевѣ* жители составя изъ себя корпусъ, прогнали изъ своего города находившихся тамъ солдатъ. *Бакчисарай*, столичный городъ, наслаждаясь до того спокойствiемъ, учинился въ то время наиопаснѣйшимъ. Они кучами бѣгали днемъ и ночью по всѣмъ улицамъ, стрѣляли изъ пистолетъ и фузей, насильно входили въ домы, и принуждали жителей снабжать

ихъ

ихъ деньгами и съѣстными припасами. Самый домъ Консульскій не былъ въ почтеніи, и шайка сихъ безпутныхъ, требовала; чтобы отворили имъ ворота, а въ случаѣ отказу стрѣляли изъ фузей въ окошки. Одинъ живущій тамъ купецъ, бросилъ въ средину ихъ мешокъ съ башлыками, который они собравъ, ушли. Каймаканъ и прочіе Офицеры судебные, тщетное прилагали стараніе укротить ихъ буйство: ласковый поступокъ не помагалъ ничего, а строгость умножала только оное; по чему Татары и не имѣли довольно храбрости покуситься въ семъ послѣднемъ предпріятіи. Каймаканъ и многіе другіе господа, удалились въ свои деревни, дабы обезопасить себя отъ сихъ неспокойныхъ плутовъ.

Сколько наше состояніе ни было горестно, однако жителей *Кефайскихъ* еще хуже, и сей городъ хотя не весьма великій, но съ давняго времени имѣлъ въ своихъ стѣнахъ болѣе 10000 Турокъ. Сія армія назначена была оберегать *Крымъ*, и покуситься вторичное имѣть нападеніе на Новороссійскую губернію. Сколько числомъ прибывало туда Байраковъ, столько нѣкоторыхъ убывало. Въ *Кафѣ* не было ни денегъ, ни хлѣба, ни полатокъ и ни какихъ другихъ нужныхъ вещей; и во ожиданіи кораблей, которые должны привести провизію, деньги, военные припасы и прочее изъ *Константинополя*, извѣстились наконецъ, что оные потонули во время бури.

Купцы принуждены были опрастывать своя магазины, для уступленія Туркамъ; однакожъ не смотря на то, не были они со всѣмъ въ безопасности въ домахъ, постигаемы явныхъ и тайныхъ ихъ нападеній, будучи какъ въ оныхъ, такъ и на улицахъ ими умерщвляемы, и наконецъ возмущеніе учинилось общимъ. Турецкіе солдаты объявляли, что нерадѣніе было ихъ Начальниковъ, какъ въ непроизвожденіи имъ жалованья, такъ и недостаткѣ хлѣба. Они напали на ихъ домы, и грабя все, умертвили своего Начальника, бывшаго первостепеннымъ Пашею и Агою. Что жъ касается до *Ехметчи* Паши изъ Армянъ, то сковали его они въ желѣзы.

Дабы проводить сію армію изъ *Кафы* въ Оръ, которая давно уже должна вступить въ боевой порядокъ войска, то собрали со всего *Крыма* многія тысячи тѣлегъ съ ихъ упряжками, и все то, что къ тому ни принадлежало. Народъ представляя свою бѣдность и неспособность снабжать нужнымъ въ семъ случаѣ, имѣли прибѣжище къ своимъ Султанамъ и Губернаторамъ, и просили позволить имъ платить четвертую часть. Оные были отъ того освобождены, и исполненіе сего приказанія отложено до другаго времени, требуя ихъ послушанія, чтобъ изъ всѣхъ мѣстъ перевесть въ *Кафу* съѣстные припасы: по чему симъ средствомъ и возстановлено было спокойствіе.

19 Іюня Толмачь мой пріѣхалъ, чего я никакъ ожидать не могъ. Онъ въ сей разъ по

по обыкновенію своему перебѣжалъ вокругъ всѣ мѣста, и вторично самъ переѣздилъ домъ даже до *Измаила.* Я весьма не доволенъ былъ симъ его дѣйствіемъ, которое весьма худо было произведено, какъ я себѣ воображалъ. Онъ былъ столько несносенъ всѣмъ Консульскимъ людямъ, что не позволили ему и спать въ его домѣ, по чему и принужденъ остаться въ своемъ Ганѣ. Въ слѣдующій день я со всѣмъ его не видалъ, и когда спрашивалъ его о причинѣ, то онъ мнѣ отвѣчалъ, что былъ боленъ.

ГЛАВА XII.

Нападеніе Россіянъ на Нагайскихъ Татаръ, близь Перекопа.

Іюня 20, передъ полуднемъ, одинъ Жидъ, съ коимъ имѣлъ я знакомство, съ великою скоростію прибѣжалъ къ дому Консульскому. Какъ я увидѣлъ его въ окошке, то спрашивалъ, что скажетъ новаго? Ни чего нѣтъ добраго! отвѣчалъ онъ мнѣ, и дѣло до худаго доходитъ; Россіяне не далеко отъ сюда. ... Гдѣ они? ... Не извѣстно, а сказываютъ за двѣ или за три мили. Я думалъ, онъ шутитъ, и выспрашивая его усмотрѣлъ, что дѣйствительно находился въ стражѣ. Не много спустя послѣ того услышалъ барабанный бой и крикъ. Я по-

бѣжалъ на площадь, дабы узнать о всемъ томъ обстоятельнѣе, но все было въ великомъ замѣшательствѣ. Купцы заперли тотчасъ свои лавки; а Судьи совѣтовали торгующимъ Туркамъ и Татарамъ, бѣгающимъ по всѣмъ сторонамъ, безъ замедлѣнія удаляться отъ непріятеля. Послѣ того увидѣли мы прибѣжавшимъ многихъ людей, иныхъ пѣшкомъ, а другихъ верьхами, имѣющихъ у себя разныхъ сортовъ оружія; у многихъ же были съ собою только палки. Когда пришелъ я домой, то застаЛъ всѣхъ въ великомъ замѣшательствѣ, и ни кто не зналъ, что дѣлать надобно; а хотя совѣты были разные, и многія предпринимали намѣренія, но ни одному не послѣдовали. Послали искать колясокъ, дабы скрыться въ горахъ, но достать оныхъ не возможно было: ибо всѣ отобраны силою и посланы въ *Кафу*, для того, чтобъ армія Турецкая могла скорѣе подоспѣть выгнать Россіянъ. А какъ по случаю нѣкоторыя и нашлись, коихъ не увидѣли, то мущины перевозили своихъ женъ въ отдаленныя мѣста; многія жъ изъ сихъ послѣднихъ спасались пѣшкомъ, съ крикомъ и съ плачемъ отъ непріятеля, и *Бахчисарай* черезъ два часа былъ оставленъ и сдѣлался пустъ; что жъ касается до насъ, то мы ждали всего того, что съ нами ни приключится; деньги мы спрятали свои въ погреба и снявъ колпаки зеленые, надѣли бѣлые, дабы не почли за Татаръ. Между симъ времянемъ слухи, такъ какъ обыкновенно, были разные. Нѣкоторые увѣряли, будто

будто бы непріятель сожигалъ уже деревни, представляя, яко бы сами видѣли издали пламя; иные жъ сказывали, что это былъ корпусъ Калмыцкой и Казацкой. Наконецъ другіе утверждали, что весьма знатная армія, находящаяся дѣйствительно передъ Перекопомъ съ многочисленною артиллеріею. Мы послали къ Каймакану для обстоятельнаго свѣденія, но не могли однакожъ ни чего достовѣрнаго услышать, и я было велѣлъ поискать моего Толмача съ нимъ поговорить, а онъ уже уѣхалъ въ *Карасу*. Болѣе всего безпокоило меня то, что я оставилъ свои деньги у купца, коего имяни не зналъ. Я хотѣлъ было кого нибудь послать его сыскать, но ни кто отважиться на то не смѣлъ, будучи увѣрены, что большія дороги, наполненныя Турками и Татарами, были не очень безопасны. Наконецъ я нашелъ одного человѣка, который и обѣщалъ, за нѣкоторое награжденіе, предпринять сіе путешествіе; мнѣ жъ на сей случай не возможно было получить отъ Каймакана провожатыхъ: ибо солдаты ему въ сихъ обстоятельствахъ были весьма надобны; по чему и надлежало опробовать помощію денегъ то, что жребій мнѣ позволитъ.

Сидя за ужиномъ, единственный вопросъ въ томъ только у насъ и состоялъ, остаться ль намъ, или искать спасенія, и куда пойдемъ, ежели предпріимемъ сіе послѣднее намѣреніе.

Всѣ единогласно совѣтовали бѣжать въ горы, и запасясь съѣстными припасами,

ѣхать на другїй день. Мое намѣренїе было совсѣмъ тому противное: я хотѣлъ ѣхать въ *Гозлевъ*, и какъ морская гавань была не далеко, то бы мы могли удобно сѣсть на судно. Я представлялъ мои причины, которыя были похваляемы; но въ тотъ же часъ, когда мы хотѣли предприняшь сїе путешествїе, вошелъ сынъ Муфтїя, и увѣдомилъ насъ, что по утру прїѣхалъ изъ Ора курьеръ, привезя съ собою извѣстїе, что весьма знатная Россїйская армїя находилась отъ сего мѣста на пять, или на шесть миль, и къ 1 Іюлю приступитъ къ осадѣ, и что границы были защищаемы тридцатью тысячами человѣкъ, къ укрѣпленїю коихъ большая армїя уже была въ готовности изъ Кафы выступить въ походъ. Служитель его привелъ двухъ лошадей, чтобъ Г. Еренїю и мнѣ ѣхать къ его отцу. Такимъ образомъ мы опровергнувъ къ путешествїю наше предпрїятїе, поѣхали во Дворецъ Ханскїй, гдѣ нашли и Муфтїя у Каймакана.

Сей Начальникъ Крымскїй казался быть еще въ страхѣ и унынїи, спрашивая насъ съ ужасомъ, куда мы поѣдемъ, когда Россїяне подступятъ? Мы съ своей стороны увѣдомили его о нашемъ намѣренїи. Очень хорошо сказалъ Муфтїй: Каймаканъ, Султаньша *Угла* [сестра Ханская] и я поѣдемъ также въ *Гозлевъ*, и пристанемъ къ *Акерману*; вы можете также съ нами ѣхать; и какъ скоро по первому извѣстїю опасность настоять будетъ болѣе, то мы поѣдемъ; вы же будьте готовы, и чтобъ

все

все сїе оставалось между нами въ тайнѣ. Наконецъ отвелъ онъ Г. Еремїя въ сторону, и сказалъ ему, какъ въ семъ печальномъ обстоятельствѣ нѣтъ у него денегъ, чтобъ попросилъ онъ меня ссудить его тысячью пїастрами Татарскими, за которые дастъ онъ мнѣ закладъ, или вексель. Прїятель мой не приминулъ на дорогѣ о прозьбѣ Муфтїя меня увѣдомить. Я зналъ, что мои деньги въ его рукахъ будутъ безопасны, и что дѣйствительно онъ мнѣ оныя заплатитъ, а при томъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ опасался, чтобъ даромъ и всѣхъ не лишиться; по чему не имѣя нужды долго о томъ размышлять, на другой же день отчелъ ту сумму, не требуя векселя; за что Г. Еремїй меня весьма и благодарилъ.

Черезъ шесть мѣсяцовъ по моемъ возвращенїи въ *Вѣну*, Муфтїй назначилъ платежъ сей суммы въ Константинополѣ. Опытъ честности сего Музульмана, который ежели бы захотѣлъ, могъ оныя легко себѣ присвоить, такъ, чтобъ мнѣ не возможно было принудить его и заплатить.

Четыре дни прошло, что мы не имѣли ни какого извѣстїя изъ *Ора*, и въ *Крыму* многїе распространились ужасные слухи о приближенїи Россїянъ. Нѣкоторые вскорѣ послѣ того говорили, что будто слышали пальбу изъ пушекъ, разбивающихъ стѣны *Орскїя*; а не много спустя другїе увѣряли, яко бы Турецкая армїя имѣла маршъ за границами, и была побита, и всякїй день говорили что нибудь новое. По правдѣ

 сказать,

оказать, я опасался меньше Россїянъ, нежели Турокъ и Нагайскихъ Татаръ: ибо сїи предупредили въ 1737 году Россїйскую армїю нашествїемъ своимъ въ *Крымъ*, жестоко ограбя оную. Въ то время и надлежало опасаться, чтобъ они въ семъ случаѣ то же не учинили съ областью, лишенною тогда жителей. Дабы обезопасить себя во всѣхъ приключенїяхъ, купилъ двѣ лошади, кои бы я могъ употребить въ случаѣ мятежа, и какъ себя, такъ и свои товары привести въ безопасность. Лутчая была лошадь Турецкая, весьма легкая и въ бѣгу несравненная.

25 Іюня, наконецъ прибылъ Курьеръ изъ *Ора*, который привезъ благополучное извѣстїе, что корпусъ, составленный изъ 6000 Казаковъ и Калмыковъ, приближился къ землѣ Нагайскихъ Татаръ на 4 мили отъ *Ора*, грабя и сожигая деревни, и что *Калка* Султанъ гнался за онымъ съ 10000 войска. Мы еще извѣстились, что намъ нечего было сомнѣваться, поелику вся армїя Турецкая выступила въ походъ изъ *Кафы*, и приближалась къ *Ору*.

Два дни спустя послѣ того, одѣвшись по обыкновенїю той земли, и довольно вооружась, въ провожанїи четырехъ Татаръ, поѣхали мы опять въ *Карасу*; а какъ мы ѣхали холмами, лежащими около 3 миль отъ *Бакчисарая*, то увидѣли толпу дезертировъ Турецкихъ до 50 человѣкъ, изъ коихъ нѣкоторые были верьхами. Они тотчасъ перерѣзали намъ дорогу, и Татары мои испужавшись того начали отъ страху дрожать. Я старался внушить въ нихъ бодрость, но

видя

видя, что было безполезно спастись, то я прямо ѣхалъ на нихъ, крича изъ всѣхъ своихъ силъ: Курьеръ! дайте мѣсто. Тотъ, который находился изъ нихъ впереди, спрашивалъ меня: какое я везу извѣстіе, и куда ѣду? По щастію моему вспомнилъ я часто произносимыя на площади рѣчи, отвѣчалъ ему, что три Россійскія арміи въ конецъ истреблены, одна подъ *Бендерами*, другая подъ *Хотиномъ*, а послѣдняя подъ *Балдою*, и что везу сіе щастливое извѣстіе въ *Кафу*.

Они послѣ того желая намъ добраго пути, и за симъ желаніемъ произнося радостный крикъ, дали намъ мѣсто; а мы пользуясь симъ случаемъ, и представляя, какъ будто истиннаго Курьера, тотчасъ потеряли мы изъ виду сихъ бездѣльниковъ. Въ самомъ дѣлѣ моя отважность была полезна Туркамъ, и принудила сихъ бѣглецовъ присоединиться къ своей арміи.

Въ тотъ же день прибыли мы въ *Карасу*, и сталъ въ домѣ моего Толмача, гдѣ не нашелъ я ни кого, и вся его фамилія обратилась въ бѣгство. Я не теряя времени сыскалъ того купца, у котораго положилъ свои деньги; и онъ показавъ мѣсто, куда ихъ спряталъ, просилъ неотступно меня взять къ себѣ оныя. Я обѣщалъ, что ихъ возьму немѣдленно тогда, когда возвращаться буду въ *Бахчирасай*. Татары разсказали, что съ нами случилось на дорогѣ, такъ, какъ о опасности и моей отважности, что все весьма удивило Консула и Каймакана.

Хотя

Хотя съ отбытія Турецкой арміи, правленіе приняло всевозможныя предосторожности, дабы учинить дороги безопасными; однакожъ казались не весьма быть довольными: ибо надлежало, чтобъ Мурзы, Дворяне той области, послѣдуя за своими людьми, били ихъ безпрестанно, и объѣзжали землю, для истребленія воровъ.

Пріятель мой Еремій, хотѣлъ ѣхать въ *Кафу*. Видимыя мною опасности, и тѣ, кои еще видѣть надобно, побудили меня принять намѣреніе ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, дабы изъ *Кафы* отправиться мнѣ въ Константинополь.

Я здраво разсуждалъ, что ежели останусь въ *Крыму*, то новаго нападенія отъ Россіянъ бояться надлежитъ, или Турки ставъ по зимнимъ квартирамъ, равнымъ образомъ новыя мнѣ причинятъ опасности. Какъ *Молдавія* и *Волохія* была совершенно занята Турками, то казалось, что чрезъ сіи провинціи не очень отважно мнѣ будетъ предпріять свое путешествіе въ *Трансильванію* (Седмиградскую землю), и ежели взять дорогу изъ *Гозлева* въ *Килію* и проѣхавъ Дунай до *Овощука*, или *Виддина*, то путь будетъ весьма длиненъ; по чему и не оставалось мнѣ, какъ ѣхать другимъ путемъ, то есть: изъ *Кафы* въ Константинополь. Какъ я былъ увѣренъ напередъ, что мой любезный сопутешественникъ, въ сей разъ, и впредь не согласится ни когда ѣхать со мною въ *Вѣну*, то и показалось мнѣ разумнѣе ѣхать одному изъ Константинополя. Я за благо также разсудилъ

склонить

склонить одного Жида, знающаго Нѣмецкій языкъ, ѣхать со мною. Онъ былъ еще человѣкъ молодый и довольно честный, коего мнѣ весьма хвалили.

Мы здѣлали разпоряженіе въ суммѣ 70 піястрахъ: но ни кто не хотѣлъ за сію цѣну плыть съ нами по Черному морю. Я много разъ еще передъ отъѣздомъ своимъ съ Г. Еремїею былъ въ загородномъ домѣ у Муфтія, который насъ принималъ и угощалъ съ удовольствїемъ. Я воспользовался въ семъ случаѣ узнать отъ сего человѣка, рожденнаго въ *Крыму*, и совершенно имѣющаго понятїе о землѣ оной, сколько возможно нѣкоторыя свѣденія. Онъ съ охотою удовольствовалъ мое любопытство; а я съ своей стороны читателямъ сообщаю здѣсь въ дополненіи дневныхъ моихъ записокъ достопамятности до онаго полуострова касающїяся.

ГЛАВА XIII.

Послѣднѣе пребыванїе въ Карасу.

Мы поѣхали изъ *Бакчисарая* 3 Августа, и не найдя ночлегу, препроводили ночь на дорогѣ при свѣтлой звѣздѣ въ *Агметшитѣ*.

По прибытїи въ *Карасу*, Г. Еремїй явился къ Назиръ Агѣ, который назначилъ ему квартиру у одного Армянина; я жъ пошелъ

къ моему Толмачу съ тѣмъ, ежели онъ не уступитъ мнѣ своего покоя, то бъ возможно было сыскать оный въ Ганѣ. Тамъ мѣста со всемъ не было, и Толмачь мой, по желанію своему удержалъ меня у себя. Какъ я увѣдалъ, что въ Ганѣ не весьма было безопасно, то согласясь у него стать, велѣлъ перевезти свои пожитки. Я увѣдомилъ его безъ утайки, что я намѣренъ ѣхать въ Константинополь, и требовалъ, чтобъ онъ со мной расчелся. Толмачь старался отъ сего путешествія меня отвратить, обѣщая, что онъ неукоснительно распорядитъ наши дѣла.

Извѣстіе, полученное мною изъ *Кафы*, было для меня мало благопріятно: ибо еще тамъ находилось много военныхъ людей, и дороги, для возвращенія туда всегда оставались опасны. Всѣ старались отвлечь меня отъ сего путешествія, и совѣтовали ѣхать лутче въ *Гозлевъ*.

Пріятель мой казался быть въ нерѣшимости. Я послалъ моего Толмача въ *Кафу*, и онъ навсегда готовъ былъ предпринять сіе путешествіе, которое онъ лутче всего любилъ. Во время пребыванія нашего въ *Крыму*, въ сей поѣздкѣ былъ онъ десять разъ, не дѣлая мнѣ ни когда предложенія ему сотовариществовать; по чему и желалось мнѣ весьма еще узнать сей городъ, такъ, какъ столицу и купечество *Крымское*. Между симъ временемъ, я былъ весьма щастливъ въ *Карасу* имѣть обхожденіе съ моимъ другомъ, коимъ и пользовался по своему желанію. Я извѣстился о томъ, что говорили во время моего отсутствія, и весьма обстоятельно

безъ всякаго сумнѣнія узѣдалъ, что живущіе тамъ Жиды, такъ какъ и нѣкоторые родственники моего Толмача, дали знать обо мнѣ, будто бы я шпіонъ, о чемъ Кадій и Назиръ Ага, имѣли совершенное уже свѣденіе. Я вознамѣрился съ Г. Еремѣею итти къ симъ двумъ Офицерамъ, дабы мнѣ оправдаться, коимъ показавъ свой пашпортъ, объявилъ о моемъ путешествіи, угрожая явиться къ Хану и его Министрамъ въ *Бакчисараѣ*, и просить правосудія на тѣхъ, кои впредь осмѣлятся разсѣвать такія на меня клеветы.

Въ семъ случаѣ воспользовался я пріобрѣсть дружбу Кадія, который казался молодымъ и ученымъ Татариномъ. Онъ часто меня и пріятеля моего звалъ къ себѣ, и иногда удерживая насъ за полночь, не иначе отпускалъ отъ себя домой, какъ давая въ провожатые Татаръ.

Между тѣмъ Толмачь мой возвратился съ своимъ искреннимъ другомъ Екметши Пашею изъ *Кафы*. Онъ принялъ его съ своими людьми сколько возможно великолѣпно: пріѣздъ его ночью довольно надѣлалъ въ домѣ шуму, который едва ли причинить можетъ столько прибытіе великаго Владѣтеля въ малый городъ, сколько моего Толмача.

Сей человѣкъ былъ Армяниномъ и главнымъ хлѣбникомъ въ *Кафѣ* у Янычаръ; Турки долгое время содержали его въ темницѣ, и на волю выпустили тогда, когда ему вдѣлали въ спину крѣпкіе палочные удары, отъ

коихъ

коихъ и понынѣ ходитъ сгорбившись; а послѣ того хотѣлъ онъ поселиться въ *Оръ*.

Мы получили обстоятельное свѣденіе о выступленіи всей арміи изъ *Кафы*; почему пріятель мой и я, вознамѣрились туда опять отправиться. Хитрый мой Толмачь ни какъ не думалъ росчестся, и я принужденъ былъ принудить къ тому силою и угрозами; но три дни еще протекли, что онъ и зять его, хотѣли дать мнѣ подробной отчетъ въ разныхъ своихъ дѣлахъ и пріобрѣтенныхъ прибыляхъ. Сіи путешествія сдѣлались довольно дорогими для Армянъ такого рода. Они ѣздили съ сильными провожатыми по всѣмъ городамъ и жили весьма роскошно, хотя въ то время и было все весьма дорого. Я въ разсужденіи сего не могъ съ ними спорить, и щастливымъ бы себя почелъ, естьли бъ могъ отъ нихъ со всѣмъ освободиться.

Я сдѣлавъ роспись всѣмъ непроданнымъ и оставленнымъ товарамъ, велѣлъ взнесть у Кадія въ реестръ, дабы мнѣ во всякихъ случаяхъ имѣть можно было противъ Толмача прибѣжище.

Множество дѣлъ, коими я занимался, въ разсужденіи отъѣзда моего, не давали мнѣ охоты обѣдать, надѣясь, что хозяева мои наградятъ то ужиномъ; но они дѣлая со мною до конца худые поступки, когда я требовалъ ужинать, давали только мнѣ кусокъ жареной баранины и воды. Я за сей худый столъ платилъ, и съ Жидомъ моимъ до полуночи упражнялся въ разобраніи товаровъ, имѣвшихся въ домѣ. Поведеніе моего Толмача въ сей послѣдній день казалось

мнѣ

мнѣ весьма отмѣннымъ. Я примѣтилъ, что онъ и жена его имѣли тайные разговоры съ однимъ Армяниномъ, по сосѣдству живущимъ, что добраго ничего не предвозвѣщало, и со стороны его ожидалъ новыхъ насильствъ. Нѣсколько ночей я съ Жидомъ своимъ спалъ въ саду, поелику домъ наполненъ былъ блохами и вшами. Я увѣдомя его о моихъ подозрѣніяхъ, положилъ подлѣ своей постѣли охотничій ножъ, твердо вознамѣрясь со всемъ не спать. Около полуночи услышалъ шумъ, увидѣлъ весьма близко отъ себя нѣчто карабкающееся по садовой стѣнѣ, коея вышина не болѣе была, какъ въ обыкновенный человѣческій ростъ. Я тотчасъ вставъ, кричалъ, кто тамъ? и прибѣжалъ къ той сторонѣ, въ которой мнѣ показалось. Усмотрѣнный мною тогда человѣкъ немѣдленно соскочилъ на другую сторону стѣны; а я крича, разбойники, воры, довольно надѣлалъ шуму, дабы разбудить всѣхъ людей въ домѣ, однако на оный ни кто не появился. Спустя нѣсколько времени увидѣлъ Киріакоса, вошедшаго въ потайные двѣри и приближившагося къ стѣнѣ: что мнѣ показалось весьма странно, поелику притворялся нѣсколько дней больнымъ. Возвращаяся онъ остановился, и осматривая кругъ себя, началъ кашлять не обыкновеннымъ образомъ, и на сей знакъ на другой сторонѣ стѣны отвѣтствовали ему равнымъ образомъ. Я разбудивъ моего Жида, въ короткихъ словахъ далъ ему знать, что опасаюсь какой нибудь измѣны. Спрятавъ охотничій свой ножъ подъ шубу подошелъ я къ Киріакосу,

ріакосу, и говоря прямо ему, что я примѣтилъ, угрожалъ срубить голову перьвому, осмѣлившемуся сдѣлать мнѣ хотя малѣйшее озлобленіе, показавъ въ то же время мой ножъ. Киріакосъ отвѣчалъ, что онъ со всемъ не знаетъ, о чемъ я ему говорю, и пошедъ отъ меня, показывалъ знаки величайшей своей болѣзни. По отходѣ его объявилъ я Жиду мои страхи, равно и то, что видѣлъ и слышалъ. Сей Жидъ будучи трусъ, не устыдился сказать мнѣ, что онъ въ случаѣ опасности не можетъ подать помощи, не подвергнувъ себя мщенію Армянъ.

Остатокъ ночи прогуливался я по саду, и какъ начало разсвѣтать, то сѣвъ на лошадь поѣхалъ къ Г. Еремію, которому и разсказалъ, что со мной случилось въ ночь. Онъ весьма тому удивился, и когда мы были у Кадія, то приносилъ ему жалобу. Кадій спросилъ меня, были ль при томъ свидѣтели, и ежели были, то учинитъ строгій допросъ. Какъ оныхъ у меня не было, и одного Жида въ свидѣтели поставить мало, и притомъ, что онъ тогда спалъ, то Кадій обѣщалъ о семъ дѣлѣ не забыть, и при перьвомъ случаѣ припомнить Киріакосу.

Сей честный Судья отдалъ мнѣ судебную роспись (*) товарамъ, оставленнымъ

(*) Переводъ росписи товарамъ, оставленнымъ въ Крыму.

Богъ намъ помощникъ!

Что Нѣмецкій купецъ Николай, сынъ Клесмана явился передъ почтенный судъ, въ присудствіи Ки-

нїемъ въ рукахъ моего Толмача. Я поднесъ ему подарокъ, а онъ съ своей стороны желалъ мнѣ щастливаго путешествїя.

рїакоса (урожденнаго въ городѣ ЕГИНѢ, лежащемъ въ НАТОЛИИ, живущаго въ улицѣ, называемой ДШУРУМѢ города КАРАСУ) сына Хадшедуры Христїанина, который признался, что между вышепомянутымъ Кирїакосомъ и мною въ нижеписанныхъ товарахъ сдѣлались запрещенїя и жалобы; многїе изъ товаровъ, которые будутъ впредь описаны, уже разрѣшены Салахїетъ Судьею назначеннымъ для 82 году, и что оныя принадлежали мнѣ по двумъ свидѣтельствамъ, такъ, какъ обыкновенному праву доказательства; что согласились между нами, по причинѣ возвращенїя моего въ отечество оставить въ сохраненїе товары у Кирїакоса, сына Хадшедура, съ тѣмъ чтобъ ихъ беречь, отдавъ ему реестръ онымъ, и въ благодарность ясно объявилъ, что подарокъ написанъ, который будетъ утвержденъ свидѣтелями, (какъ скоро приведется все въ порядокъ) и что назначу помянутому Кирїакосу каждый изъ товаровъ, кои послѣ назначены будутъ. Какъ всѣ сїи товары отданы мнѣ подъ именемъ поклажи, и что означенный Николай со мною о немъ говорилъ, что я поручилъ одному изъ людей Консула Французскаго, называемому Еремїи, продажу и обмѣнъ моихъ товаровъ. Я также желалъ, чтобъ подарокъ вписанъ былъ въ сохранный протоколъ, въ которомъ бы точно означенъ былъ каждый изъ тѣхъ товаровъ, такъ, какъ и то, что въ послѣдствїи сего видѣть можно.

Писано 10 дня, въ половинѣ мѣсяца Ребуйлахи 1183.

Содержанїе вышесказаннаго писано бѣднымъ въ разсужденїи Бога, отмѣнною особою Абдулъ Ронакомъ, Судьею города КАРАСУ.

Свидѣтели тому слѣдующїе:

Мустафа Еффенди.
Зеферъ Молла.
Аксентъ Шлеба.
Ханинмиркай и другїе.

Назначенїе товаровъ и проч.

Всѣ мои товары были складены въ коляску, и я вошелъ съ моимъ Жидомъ въ покой къ Киріакосу, чтобъ вторично проститься, и наши прощанія были весьма холодны. Выходя давалъ я нѣкоторые малые подарки его дѣтямъ, и всѣ тѣ, которые, по обыкновенію той земли, просили помощи, получили отъ меня деньги.

Какъ скоро сѣлъ я на лошадь, то хозяйка просила моего Жида, чтобъ онъ сказалъ мнѣ, что она требуетъ за прилагаемые труды шубы, или нѣсколько червонныхъ. Я отвѣчалъ коротко и съ отказомъ на сіе безразсудное требованіе, отправясь въ путь 20 Августа съ моимъ пріятелемъ, радуясь, что оставилъ наконецъ сей ненавистный для меня городъ *Карасу*.

ГЛАВА XIV.

Путешествіе изъ Карасу въ Кафу.

Для большей безопасности взяли мы съ собой провожатыхъ. Препроводя ночь на вольномъ воздухѣ, на другій день въ 10 часовъ прибыли мы въ *Кафу*. Я сталъ въ Ганѣ у Дервиша, который былъ изъ лутчихъ вольнодомцевъ города. Въ немъ находились многіе Турки, которые мнѣ во время тамъ моего пребыванія не очень пріятны были; а при томъ невольники, подлѣ моего покоя живущіе, много меня обезпокоивали. Они принадлежали одному Жиду,

и

и состояли изъ 6 Калмыкъ и одного Россіянина, и будучи въ оковахъ, дѣлали оными во всю ночь страшный шумъ.

Дабы избавиться мнѣ отъ сего печальнаго сосѣдства, то я велѣлъ Жиду выпросить покой въ низу, который былъ гораздо пространный и пустый. Тогда освободился я тутъ отъ общаго безпокойства въ *Крыму*, который наполненъ былъ блохами и мышами, и ни одна земля въ свѣтѣ столько не изобильна сею гадиною, какъ оная.

Въ *Кафѣ* находились еще многія тысячи Турокъ, которые изъ лагеря состоящаго близъ Оча, пришли туда для продажи, по своему обыкновенію, всякихъ товаровъ. Какъ непристойно было намъ имѣть съ ними обхожденіе, то пріятель мой старался сколько возможно отъ онаго удаляться, и заранѣе итти къ своему магазину, для осмотрѣнія и расположенія своихъ товаровъ. Во время его трехъ недѣльнаго пребыванія была хорошая продажа и великая покупка. Я посредствомъ нашей дружбы, старался помогать ему въ большей части его дѣйствія, давая наставленіе такое, какое должно имѣть въ торговлѣ съ купцами Кефайскими. Съ моей стороны мнѣ удобно также было расположить въ короткое время мои товары такъ, что мнѣ мало оставалось дѣла, коимъ бы мнѣ напослѣдокъ въ столицѣ Турецкой заниматься должно.

Первое извѣстіе, полученное нами въ *Кафѣ*, было такое, что моровое повѣтрі-

рїе причиняло много раззоренїя въ Константинополѣ, и великое множество пожищало жителей.

Едва только пробылъ я въ семъ городѣ два дни, какъ къ великому моему сожалѣнїю узналъ, что негодный Кирїакосъ, не удовольствуясь обезкоивать меня до того времени, искалъ еще сыграть со мною новую шутку. Онъ имѣлъ наглость писать къ одному изъ первостепенныхъ Кефайскихъ купцовъ, что я воровски уѣхалъ изъ Карасу со всѣми деньгами, не розочтясь съ нимъ, прося его немѣдленно посадить меня въ темницу. Какъ скоро я о семъ увѣдомился, то тотчасъ пошелъ къ тому купцу, но не нашелъ его ни въ лавкѣ ни дома. На другой день поутру пришелъ онъ ко мнѣ съ другимъ купцомъ хорошимъ моимъ прїятелемъ, и смѣючись обявилъ мнѣ о покушенїяхъ Кирїакоса, показавъ его письмо

Хотя онъ уже и зналъ о худой совѣсти сего человѣка, однакожъ за должность почелъ я дать прочесть свой пашпортъ и протчїя бумаги, которыя довольно доказать могли мою невинность.

Нѣсколько дней спустя, Кирїакосъ прибылъ въ *Кафу*, ласкаясь надеждою найтить тамъ меня подъ стражею, и тѣмъ торжествовать надо мною; но послѣ, какъ онъ увѣрился, что я еще былъ на волѣ, то меня сыскалъ. Я былъ въ магазинѣ Г. Еремїя, и сидѣлъ на его подушкахъ, какъ сей бездѣльникъ появился, чего мы ни какъ ожидать не могли. Онъ насъ поздравлялъ: а мы

не

не разсудили за благо, чтобъ онъ заслуживалъ у него отъ насъ хорошаго прїему, и присутствїе его намъ обѣимъ было весьма непрїятно. Г. Еремій приказывалъ ему немѣдленно выдти изъ своего магазина, и онъ вышелъ съ ворчанїемъ и съ угрозами. Не много спустя, какъ я провожалъ моего друга въ его домъ, то услышали мы въ сосѣдствѣ великій шумъ, и увидѣли, что Кирїаковъ передъ лавкою мнимаго своего прїятеля, коему онъ писалъ письмо, окруженъ былъ многими купцами, поступающими съ нимъ по мѣрѣ его заслугъ. Нѣкоторые изъ нихъ попрекали его многими бездѣльничествами, которыя до того мнѣ были еще не извѣстны, чинимыми имъ разнымъ купцамъ, особливо нѣкоторому Греку; а при томъ не преминули описать его всю жизнь, сколько любопытную, столько и душеспасительную. На конецъ я продрался сквозь кучу, и отходя, угрожалъ сему бездѣльнику, что ежели онъ останется до завтрешняго дня въ *Кафѣ*, то найду средство выгнать его такъ, какъ самъ увидитъ. По чему онъ съ великимъ стыдомъ ушелъ въ Ханъ, и на другой же день по утру уѣхалъ въ *Карасу*. Ежели бы сїе приключенїе здѣлалось за 10 дней позже, тобъ мнѣ удобно было осудить его на галеру.

7. Сентября флотъ прибывъ изъ *Янгиколя* сталъ на якорѣ въ сей гаванѣ. Я тотчасъ побѣжалъ одинъ на берегъ, дабы посмотрѣть сїе зрѣлище, для меня со всемъ новое, и увидѣлъ 60, или 70 большихъ военныхъ кораблей, фрегатовъ, галеръ и проч-

чихъ судовъ, ѣдущихъ для вступленія на гору. Они поздравляли городъ одинъ послѣ другаго многою пальбою изъ пушекъ, который отвѣчалъ имъ съ своей стороны также великимъ числомъ выстрѣловъ. Сей флотъ все лѣто ѣздилъ по Азовскому морю, не учинивъ ни какого предпріятія. Сія праздность причиною была, что Капитанъ Паша (Адмиралъ) по возвращеніи своемъ въ Константинополь посаженъ былъ въ темницу.

6. Августа сей флотъ, состоящій тогда въ 200 корабляхъ, претерпѣлъ величайшую бурю въ то время, когда онъ стоялъ на якорѣ въ каналѣ, между *Даработомъ* и *Янниколемъ*. Бывшіе на томъ флотѣ увѣряли меня, что менѣе получаса, 60 галеръ, фрегатъ и прочихъ небольшихъ судовъ, силою вѣтра ударило о камни и разбило. Болѣе 6000 человѣкъ тамъ погибло, и нѣкоторые, кои были прибиты къ берегу, потонули. Поврежденные корабли оставлены частію въ *Янниколѣ*, и частію въ *Каффѣ*, для починки.

Какъ я препровождалъ большую часть времени съ моимъ пріятелемъ, и многіе морскіе Офицеры ему знакомые, приходили въ его магазинъ, то мы часто приглашаемы были на ихъ корабли, гдѣ они насъ принимали весьма учтиво, и невольники ихъ Мальтійцы забавляли своею музыкою, играя на разныхъ инструментахъ, особливо между ими находился одинъ такой, который весьма хорошо игралъ на волторнѣ. Я тогда познакомился съ Чоушемъ, имѣющимъ

чинъ

чинЪ Порутчичей, сЪ человѢкомЪ достойнымЪ, о коемЪ прiятель мой говорилЪ довольно добраго. ОнЪ обѢщалЪ свезть меня вЪ Константинополь на своемЪ галiонѢ [большемЪ военномЪ кораблѢ] немѢдленно отправляющемся; на что я охотно и согласился, поелику безЪ того принужденЪ бы былЪ ожидать отправленiя перьвого туда судна. ВскорѢ послѢ того познакомился я еще сЪ двумя ЛѢкарями Капитана и Сераскира Паши, которые были оба Французы, и они старались другЪ передЪ другомЪ взять меня на свои корабли. На другой день ЛѢкарь Капитана Паши пришедЪ ко мнѢ, тщетно уговаривалЪ меня Ѣхать сЪ его господиномЪ, коему уже онЪ о томЪ и говорилЪ, представляя, что товары мои, деньги и протчiя вещи ни гдѢ лутче не могутЪ быть вЪ безопасности, какЪ на его кораблѢ. Дабы честнымЪ образомЪ отговориться отЪ его вторичныхЪ обѢщанiй, отвѢчалЪ ему, что у меня мало осталось товаровЪ, и что не имѢю при себѢ столько денегЪ, сколько мнѣ надобно для проѢзду вЪ Константинополь, отЪ куда надѢялся я получить вексѢли, по коимЪ бы получить можно мнѢ было деньги отЪ того, который оными мнѢ здѢсь остался долженЪ; сверьхЪ же того не возможно мнѢ ни на чемЪ рѢшиться, по тому, что ожидалЪ я еще отЪ туда товаровЪ, и не знаю пребудутЪ ли они прежде отЪѢзда флота. ОтказЪ мой казался уничтожить все его предпрiятiе, и онЪ не много подумавЪ просилЪ меня послѢдо-

хать за нимъ въ его галветъ, который по крайней мѣрѣ хотѣлъ мнѣ показать.

Сей военный корабль въ самомъ дѣлѣ былъ хорошій, хотя и не изъ большихъ былъ во флотѣ. На немъ было 60 пушекъ, на носу находился вызолоченный левъ, а корма была украшена гирляндами и цвѣтами, которые мнѣ показались весьма живо и хорошо нарисованными. Тутъ же находилось еще три вызолоченныхъ большихъ фонаря, кои обыкновенно у Турокъ были главнѣйшими знаками, и по коимъ узнавали Адмираловъ. Четвероугольный флюгоръ краснаго, зеленаго и бѣлаго цвѣту, былъ поставленъ на великой мачтѣ; а главный флагъ былъ зеленый и красный. Лѣстница была весьма широкая и перилы вызолоченныя. Около корабля было множество шлюпокъ и фелюковъ весьма украшенныхъ, ожидающихъ Начальниковъ протчихъ кораблей, и два раза пріѣзжающихъ въ день для полученія повелѣній отъ Капитана Паши. Меня повели на галеру и на мостъ, кои я нашелъ весьма подобные тѣмъ, которые я послѣ того видѣлъ.

Въ низу покоя Капитана Паши, въ коемъ былъ потайный кабинетъ и совершенно убранъ и раскрашенъ, находился покой для его женъ. Въ немъ сидѣло молодыхъ 7 особъ и Офицеръ сей сошелъ туда потайною лѣстницею. Путеводитель мой представилъ меня своему командиру, который принялъ меня весьма ласково, и сверьхъ кофію велѣлъ подать мнѣ трубку табаку, что для Офице-

ра сего чина было отличною милостію, и оная казался съ всѣмъ находящимся тамъ знакомъ большаго ихъ удивленія. Онъ дѣлая мнѣ многіе вопросы, честнымъ образомъ представлялъ мнѣ, что онъ охотно беретъ меня съ собою въ Константинополь. Я напередъ предвидѣлъ къ чему всѣ сіи учтивости клонились, зная что у Капитана Паши не было ни денегъ ни довѣренности. Я разсуждалъ, что онъ хочетъ воспользоваться симъ случаемъ въ чемъ нибудь меня обмануть, и подозрѣнія мои были не напрасны: ибо я по прибытіи моемъ въ Константинополь узналъ, что Аѣкарь его плутовствомъ и хитростію своею, обѣщалъ своему господину найти средство достать отъ меня нѣсколько тысячь піястровъ. Но какъ я увѣрилъ его, такъ, какъ уже здѣлалъ прежде, что деньги свои отдалъ на вексели Кефайскимъ купцамъ, то сей Адмиралъ сказалъ своему Аѣкарю, что меня ему не надобно. Напротивъ того предложеніе отъ Сераскира Паши было гораздо для меня лутче, когда я по случаю познакомился съ симъ человѣкомъ, называемымъ Мегеметъ Пашею. Онъ равнымъ образомъ предлагалъ свою галеру гораздо лутчую, состоящую изъ 300 пушекъ и 300 человѣкъ, присовокупя къ тому, что сохраненіе денегъ и моихъ вещей беретъ собственно на свой отчетъ. Я увѣрилъ его, что я имѣлъ при себѣ нѣсколько піястровъ, которыхъ я надѣялся, что для проѣзду въ Константинополь мнѣ довольно будетъ, остальныя жъ деньги отдалъ купцамъ, каза-

[illegible]

шимъ мнѣ на оныя вексѣль. Онъ меня въ благоразумїи моемъ похвалилъ, обѣщая въ случаѣ нужды ссудить своими деньгами. Я признаюсь, что симъ весьма былъ восхищенъ; сверьхъ того онъ былъ человѣколюбивый, всегда хорошаго нраву и говорилъ о всемъ съ приличностїю, объявляя, что онъ былъ во Францїи и Ливорнѣ; а оказывая ко мнѣ любовь увѣрялъ меня, что любилъ всѣхъ Французовъ, меня жъ больше всѣхъ другихъ. Онъ много разъ зывалъ меня на свою галеру, или на свою квартиру, и обхожденїе наше въ Иностранной землѣ было постоянно. Какъ онъ жаловался, что не можетъ найти хорошаго тобаку, кромѣ худаго рапе, а мой весьма хвалилъ, то я подарилъ ему онаго фунтъ, также и трубку оправленную въ серебрѣ, и сїи малые подарки показались ему весьма прїятными. Между тѣмъ Жидъ мой постарался продать одну мою лошадь, а другую вознамѣрился я везти съ собою въ Константинополь.

7 Сентября, ночью здѣлался страшный въ Кафѣ шумъ; мы слышали многїе выстрѣлы изъ фузей и пистолетъ и крикъ призывающїй помощь! Похищаютъ нашихъ женъ и дочерей! сей шумъ продолжался близь 3 часовъ, и въ нашемъ ганѣ, который былъ запертъ, не возможно было узнать, что бы значилъ сей крикъ и ни кто вытти не смѣлъ. На другой день узналъ я, что двѣ Турчанки, которыя довольно здѣсь наглы, ночью имѣли свиданїе съ своими любовниками, двумя Янычарами. Они для большей безопасности, будучи провожаемы нѣкоторыми

рыми своими пріятелями, поставили ихъ на караулѣ передъ домами, въ коихъ они находились. Но сіи послѣднія желая съ своей стороны раздѣлить щастіе съ своими товарищами, соединились съ ними и вошли въ домъ. Мужья пробудясь призывали на помощь, и на сей шумъ многіе Турецкіе солдаты збѣжавшись бѣгали по улицамъ, и вошедъ прямо въ домы Турецкіе и Армянскіе насильничали всѣхъ женщинъ себѣ встрѣчающихся, и грабили все то, что имъ въ руки ни попадалось. Въ семъ особливомъ возмущеніи одинъ солдатъ, троя Армянъ и одна Турчанка 30 лѣтъ лишились жизни. Капитанъ Паша далъ наистрожайшій приказъ для пресѣченія впредь сему подобнаго, разставивъ по всѣмъ улицамъ морскихъ солдатъ, которые были гораздо искуснѣе другаго войска. Въ сіе время Жидъ мой увѣдомился, что въ городѣ былъ Армянинъ, который продавалъ двухъ невольницъ Черкашенокъ и одну Георгіянку. Дабы удовольвовать свое любопытство, то я притворясь, будто бы имѣю желаніе ихъ купить, пошелъ къ нему. Знакомые мнѣ два Кефайскіе Армяна по случаю тутъ находившіеся увѣрили его, что я былъ купецъ богатый, и что онъ не имѣетъ ни какой трудности ихъ мнѣ показать; они были заперты въ неболь шемъ покоѣ, изъ котораго Армянинъ и вывелъ ко мнѣ одну. Она была собою весьма статная, лицо ее, по обыкновенію восточному было закрыто, и поцѣловавъ мою руку, по приказанію своего господина прохаживалась взадъ и впередъ, дабы мнѣ возможно было

было примѣтить ее тонкій и складный станъ. У ней была прелѣстная маленькая кругленькая ножка и выступка пріятная. Но какъ она открыла свое покрывало, то представилась моимъ глазамъ красоты прелѣстной; волосы у ней были бѣлокурые, большіе голубые глаза, носъ не много продолговатый, а ротъ маленькій. Складъ тѣла ея былъ порядочный, лицо бѣлое, нѣжное, щеки покрытыя прекраснымъ румянцомъ, шея была нѣсколько продолговатая, которая складнымъ своимъ положеніемъ придавала новыя прелѣсти сей невольницы. Она утирала свое лицо бѣлою салфеткою, доказывая чрезъ то, что она не бѣлилась, а послѣ того показала мнѣ свои зубы, которые были бѣлые и хорошо разположенные. Я потребовалъ позволенія пощупать у нее пульсъ, дабы узнать о хорошемъ ея сложеніи, и ей на послѣдокъ должно было уйти. Армянинъ увѣрялъ меня, что ей неболѣе отъ роду 18 лѣтъ, и была еще дѣвица, и послѣдняя ея цѣна состояла въ четырехъ тысячахъ піастрахъ (*). Надобно было, чтобъ показать и другихъ. Другая была нѣсколько поменьше, гораздо потолще, волосы имѣла рыжія, видъ любострастный и привлекающій, и отъ роду было ей 24 года. Третія 32 лѣтъ была Георгіянка, которая имѣла еще остатки красоты, и мнѣ купецъ сказывалъ, что свойственна была

(*) Четыре тысячи піястровъ составляютъ четыре тысящи пять сотъ флориновъ Вѣнскихъ.

была въ исправленіи должности комнатной женщины: они обѣ принуждены были дѣлать тоже самое, что и первая. Я притворился будто хочу купить всѣхъ трехъ и просилъ сказать послѣднюю цѣну. Онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что ихъ не отдаетъ ниже семи тысячъ піастровъ. Я на передъ зналъ, что одинъ знатный Турокъ Кефанскій давалъ ему за трехъ шесть тысячъ піястровъ, то и не хотѣлъ отойти отъ него такъ, чтобъ не посулить ему четыре тысячи піястровъ, половину деньгами, а половину товарами. Сей послѣдній договоръ, хотя и довольно былъ по его вкусу, но цѣна тому не соотвѣтствовала. Я прибавилъ нѣсколько еще, будучи увѣренъ, что я съ нимъ не сторгуюсь, и отъ него вышелъ, увидя самъ, какимъ образомъ отправляется торгъ въ невольникахъ, который по большей части есть главнымъ мѣстомъ въ *Кафѣ*.

12 Сентября Г. Еремій отправился въ *Бакчисорай*. Я чувствительно тронутъ былъ лишеніемъ сего вѣрнаго и искренняго друга, оказавшаго мнѣ столько услугъ.

Нѣсколько дней на морѣ была весьма великая буря и вѣтръ пресильный. Я часто прогуливался вдоль по гавани, удивляясь, съ какою легкостію сердитые валы ударялись съ обѣихъ сторонъ о большіе корабли, стоящіе хотя и на якорѣ.

Не смотря на сію погоду, корабельщики не оставляли по своему обыкновенію ѣздить на своихъ фелюкахъ и шлюпкахъ на берегъ, и хотя многія опрокидывало, однако никто не потонулъ. Напослѣдокъ Адмиралъ запре-

запретилъ, чтобъ не ѣздили на Рейду. Между тѣмъ разнеслись многіе слухи, что будто флотъ будетъ зимовать здѣсь и въ Богуславѣ. Самые даже морскіе Офицеры не знали, чему должно вѣрить.

Я видѣлъ себя принужденнымъ готовиться къ отъѣзду, и дабы не остаться въ Кафѣ, хотѣлъ договориться съ хозяиномъ корабля, купцомъ, находящимся въ сей гаванѣ, чтобъ онъ мнѣ далъ покой, который однакожъ походилъ болѣе на кануру. Сіе судно было весьма малое, о двухъ только мачтахъ; по чему оное мнѣ никакъ не понравилось, особливо для того, что я зналъ всѣ опасности, какія оно претерпѣть можетъ, проѣзжая Черное море. Рейсъ (Капитанъ) появился ко мнѣ рано поутру, и хотя онъ имѣлъ и чинъ, но не смѣлъ выттти изъ гавани прежде отправленія флота безъ дозволенія Капитана Паши. Принужденъ будучи довольствоваться симъ отчаяніемъ, хотѣлъ было уже съ нимъ договориться, какъ къ щастію услышалъ два дни послѣ того спустя, что фрегаты и галеры должны дѣйствительно возвратиться въ Константинополь. Я не теряя времени пошелъ къ Сераскиръ Пашѣ, дабы о томъ обстоятельнѣе увѣдомиться. Онъ былъ окруженъ великимъ множествомъ Офицеровъ, и какъ скоро меня увидѣлъ, то вскричалъ: мы сего дня въ вечеру ѣдемъ, спрашивая меня, намѣренъ ли я отправиться съ нимъ? Я увѣрилъ его о моемъ желаніи, а онъ сказалъ, чтобъ немѣдленно приходилъ на корабль. Въ сіе время было такое замѣшательство, что я не

могши

могшій съ нимъ говорить, пошелъ отъ него, дабы разсудить о томъ, что мнѣ должно дѣлать. Хотя я и желалъ товары нагрузить тайнымъ образомъ, но необходимо надлежало мнѣ везти оные мимо Таможни, лежащей у гавани. Переѣздъ по Черному морю на галерѣ былъ опасенъ, и испытанныя мною толикія въ путешествіи моемъ опасности меня устрашили, и я наконецъ, разсудя о всемъ томъ, рѣшился остаться.

Чоушъ Гаши Якобъ увѣрилъ меня тогда по сущей справедливости, что Галіоны отправятся скоро, предлагая мнѣ опять свой Галіонъ. Онъ былъ о шестидесяти пушкахъ и болѣе всѣхъ имѣя у себя шесть сотъ человѣкъ. Я сему Музульману далъ свое слово, и хотя почиталъ, что обѣщаніе его было небезкорыстно, однако въ томъ обманулся: ибо сей честный человѣкъ открылся мнѣ вовсемъ чистосердечно, чего онъ требовалъ за каюту и для своего Капитана, отдавъ мнѣ на волю, какой я заблагоразсужу дать ему подарокъ, обѣщая, что симъ средствомъ избавитъ онъ меня отъ всѣхъ Таможенныхъ пошлинъ, какъ въ *Кафѣ*, такъ и въ Константинополѣ. Сей платежъ хотя нѣсколько для меня былъ дорогъ, однако принялъ предложеніе Чоуша, которое наконецъ могу и похвалить.

Мой Чоушъ назначилъ мнѣ жилище въ покоѣ плотнишнаго дѣла мастера; оный былъ довольно спокойный, и плотники, состоящіе всѣ изъ Грековъ, были весьма люди услужливые.

ГЛАВА XV.

Описаніе города Кафы.

Пятинедѣльное пребываніе въ *Кафѣ*, подало мнѣ случай узнать сей городъ, о коемъ я здѣсь сдѣлаю короткое описаніе. Оный есть столица *Крымская* и Татары называютъ *Яримъ Стамбулъ*, то есть: половина Константинополя. Положеніе его и пространство даетъ ему мало права къ такому названію.

Съ Восточной стороны окруженъ онъ каменистымъ холмомъ, занимающимъ всю долготу, и имѣетъ въ своемъ сосѣдствѣ высокія горы. Можно судить по его стѣнамъ и многимъ высокимъ башнямъ, находящимся въ разныхъ мѣстахъ раззореннымъ, сколь удивительно Женевцы и Армяне укрѣпились въ семъ полуостровѣ, и укрѣпленія ихъ гораздо довольны были для защищенія противъ нападеній всей Татарской арміи. Главный входъ, ведущій къ гавани, и называемый Уппъ - Капіе, своими тремя воротами, въ кои проѣзжать надобно, весьма крѣпокъ, и находится насупротивъ Таможни. Къ Сѣверу весьма возвышенное есть вѣтхое строеніе и почти раззоренное, во *Фронтишпицѣ* коего видны еще большія разломанныя окошки, которыя даютъ догадываться, что по сему строенію долженъ быть старинный Дворецъ. На верьху холма было пространное мѣсто, гдѣ видны еще нѣкоторыя развалины церквей

квей и протчихъ строенiй, окруженныя весьма толстыми стѣнами, и я воображалъ, что сiя можетъ быть старая крѣпость. По всѣмъ башнямъ и стѣнамъ, также и на воротахъ видно было изображенiе одного святаго, сдѣланнаго скульптурною работою, и поставленнаго на толстомъ высѣченномъ камнѣ на подобiе стола; по чему вѣроятно думать должно, что сей святой былъ покровитель города. Мнѣ не возможно было, по причинѣ подверженной той статуи съ давняго времени непогодѣ и со всемъ обломанной, узнать, что бы такое онъ изображалъ. На другихъ столахъ находилось такъ же множество святыхъ и Ангеловъ, такожъ три щита съ разными оружiями. Я не могъ прочесть, по причинѣ высоты, Латинскихъ словъ на нихъ подписанныхъ, для чего не почелъ за нужное оставаться тутъ долгое время, дабы не подать подозрѣнiя Туркамъ.

Главная мечеть, стоящая по середи города и на площади, казалась мнѣ довольно изрядною и украшена многими на крышкахъ сдѣланными фигурами. Его большiя окошки и протчiе монументы ясно доказывали, что сiя была нѣкогда церьковь Христiянская. По образцу, по коему нѣкоторые домы и многiя публичныя строенiя состроены, удобно узнать можно, что то было первое зданiе. Въ протчемъ хотя домы видъ имѣютъ и не очень хорошiй, однакожъ внутри гораздо спокойны и изрядны, нежели какъ во всѣхъ протчихъ городахъ Крымскихъ. Не очень еще давно, что отцы имѣли тамъ

церьковь вопия Троицы; однакожъ была разорена, и выгнаны всѣ монахи; а какая причина тому была, объявить не могу.

Гавань тамъ весьма пространная, могущая содержать нѣсколько сотенъ купеческихъ кораблей. Горы и долины насупротивъ лежащія, дѣлаютъ преспективу весьма пріятную.

Жители въ *Кафѣ* по большой части Турки и Армяне; Татаръ же и Грековъ весьма мало, и купцамъ въ семъ городѣ гораздо выгоднѣе, нежели во всей остальной части Татаріи. Нынѣшняя война привлекла туда многихъ Россіянъ, Татаръ и Казаковъ, такъ какъ Георгіянцовъ и Черкасовъ, которые продаютъ тамъ свои товары. Черкасы привозятъ своихъ дочерей, кои по правдѣ сказать прекраснѣйшія женщины въ свѣтѣ, тако жъ сыновей и хорошихъ лошадей. Сіе то есть главнѣйшее въ сей землѣ, мѣсто, гдѣ находятъ часто средство продавать весьма дорого. Одна молодая Черкашенка, имѣющая рыжіе волосы, продается тамъ отъ десяти до четырнадцати кошельковъ, составляющихъ семь тысячь піястровъ. Какъ *Кафа* зависима отъ Султана, то Ханъ мало тамъ имѣетъ власти, хотя онъ въ самомъ дѣлѣ и пользуется нѣкоторою частію Таможенныхъ пошлинъ. Христіянскіе и иностранные купцы принуждены жить тутъ гораздо въ отдаленіи, нежели остальной части *Крыма*.

На три мили Нѣмецкихъ отъ *Кафы* есть большая деревня, называемая *Ески - Крымъ* (старинный *Крымъ*), гдѣ имѣетъ столицу Ширмъ Бей, Князь перьваго шляхетства.

въ семъ то мѣстѣ, какъ многїе объявляютъ, лежалъ главный городъ Женевскій, и примѣчаютъ еще и нынѣ слѣды домовъ и мечетей, гдѣ есть монастырь Армянскій. Мнѣ чинили многія повѣствованія о старинномъ богатствѣ и щастїи сего мѣста, которыя, такъ какъ и всѣ тѣ, кои разсказывали въ сей землѣ, казались мнѣ весьма мало основательными. Я бы съ охотою моею туда поѣхалъ, но въ разсужденїи, что лѣса и горы, кои проѣзжать надобно, причиняли великую опасность.

ГЛАВА XVI.

Описанїе Крыма.

Во время девятимѣсячнаго моего пребыванїя въ *Крыму*, какъ я видѣлъ большую часть городовъ, и проѣхалъ почти всю область, то думаю, что въ состоянїи дать совершенное и обстоятельное описанїе. Сей полуостровъ лежитъ подъ 48 градусомъ Сѣверной широты. Онъ имѣетъ въ своей окружности 93 мили Нѣмецкихъ, или 187 миль съ половиною Французскихъ. Названїя жъ городовъ и крѣпостей суть слѣдующїя:

Кафа, столица и купеческій городъ съ гаванью.

Керчь, близъ Ора.

Яниколь съ крѣпостью.

Арабатъ, не большая крѣпость.

Оръ, или Перекопь, на границѣ, крѣпость.

Ахметшитъ съ Рейдою.

Гозлевъ, съ Рейдою и не большею гаванью.

Балуклава съ Рейдою.

Въ земляхъ находятся *Бакчисарай*, столица Ханская, Ахметшитъ, Карасу, и развалины стариннаго города *Ески-Крыма*, который и понынѣ еще есть большая деревня.

Женевцы нѣкогда были сильными Владѣтелями сей земли, гдѣ они состроили городъ довольно знатный, дабы возможно было отправлять тамъ во всякой безопасности славную торговлю.

Въ сей городъ прiѣзжали народы изъ Новой Европейской Турцiи, Москвы, Астрахани, Бухлазы, Черкассiи, Георгiи, Азiи и протчихъ; и какъ по большей части не имѣли денегъ, то мѣняли товары на товары. Легко вообразить себѣ можно, сколько сiя торговля должна быть прибыточна и важна. На конецъ Женевцы будучи обезпокоиваемы нападенiемъ отъ Татаръ, мало по малу были выгнаны изъ всѣхъ городовъ, и принуждены бѣжать въ *Кафу*. Спустя 30 или 40 лѣтъ по взятiи Константинополя, ежели повѣрить можно Бишингу, то въ 1474 году, Турки овладѣли симъ городомъ и прекратили торговлю Женевцамъ и Армянамъ въ *Крыму*.

Сiя земля весьма плодоносна, выключая холмовъ и высокихъ горъ, изъ коихъ нѣкоторые дѣлаютъ не большее число кустар-

никовъ и пустыхъ мѣстъ, а лѣсу почти со всемъ нѣтъ. Видъ представляющій долины, разсѣкаемыя холмами, весьма пріятный. Оная земля изобильна въ ручьяхъ, въ которыхъ вода весьма прозрачная, текущая по песку. Домы крестьянскіе по большей части поставлены весьма близко; крестьяне живутъ въ деревняхъ, въ хорошихъ мѣстахъ лежащихъ, которыя будучи весьма многочисленны, и не въ дальномъ другъ отъ друга разстояніи, окружены садами, кипарисными и протчими деревьями. Тамъ хотя и великое количество роститъ винограду и протчихъ плодовъ, однако жъ ихъ мало употребляютъ. Имъ бы удобнѣе было упражнятся въ произращеніи многихъ другихъ растѣній, однако жъ они о томъ ни мало не радѣютъ, по чему и надлежитъ имъ быть сколько упрямымъ, столько и лѣнивымъ. Вино, которое они дѣлаютъ, довольно изрядное и вкусное, и иногда весьма продаютъ оное дорого. Вообще прежде войны сѣѣстные припасы продавались за дешевую цѣну и *Крымъ* не былъ тогда отягощаемъ столь великимъ множествомъ Турецкаго войска; одно око масла стоило 8 паръ, говядины 2 пары, 20, или 30 яицъ одна пара, большая индѣйка 7 паръ, старая курица 3 пары, око хлѣба 4 аспры, око хорошего вина 5 асправ, и такъ далѣе.

Зайцовъ и птицъ великое множество, и ѣздить на охоту дозволено всѣмъ.

Тамъ находятся въ горахъ волки и кабаны, и дабы воспрепятствовать симъ послѣднимъ умножаться, то ихъ бьютъ, но

только не ѣдятъ, и самые христїяне имѣютъ нѣкоторое отвращенїе отъ ихъ мяса.

Куликовъ, дроздовъ и прочихъ птицъ тамъ тоже довольно; а какъ жители той земли оныхъ со всемъ не употребляютъ въ кушаньѣ, то и незнаютъ, какимъ образомъ ихъ готовить надобно.

Кряжъ горъ, составленный изъ крутыхъ камней, которые одинъ другаго выше, начинается весьма близко отъ *Кафы*, и простирается вдоль съ полуденной стороны, даже до самой средины *Крыма*.

Воздухъ и климатъ весьма здоровый и Сѣверный вѣтеръ во время зимы причиняетъ великую стужу, по тому болѣе, что съ Сѣверной стороны со всемъ нѣтъ горъ, а только долины.

Жители вообще тамъ живутъ весьма долго, и хотя весьма не молоды, однако жъ и глубокая старость ихъ не ослабѣваетъ. У нихъ нѣтъ со всемъ ни какихъ лѣкарствъ, въ разсужденїи чего, выключая только весьма простыхъ средствъ къ излѣченїю, со всемъ не знаютъ въ чемъ состоитъ врачебная наука.

Крымскїе Татары почитаются между Турками правовѣрными въ законѣ Махометанскомъ, и почти всѣ храбрые и честные люди. Напротивъ того изъ Армянъ, Грековъ и Жидовъ, живущихъ съ ними, послѣднїе изъ нихъ суть обманьщики и плуты, весьма худо воспитывающїе своихъ дѣтей.

Учрежденїя полицїи, здѣланы для городовъ весьма разумныя: ибо въ мирное время можно путешествовать вездѣ безъ малѣйшей

щей опасности, и весьма рѣдко случалось, что бы когда кого на дорогѣ грабили.

ГЛАВА XVII.

Путешествїе изъ Кафы со Флотомъ Турецкимъ въ Константинополь.

Флотъ не могъ прежде отправиться въ путь, пока не прїѣхалъ изъ Константинополя курьеръ, котораго всякую минуту ожидали. Всѣ Капитаны пришли на корабль Адмиральскій, которые по возвращенїи своемъ дали повелѣнїя приготовляться къ отъѣзду.

Какъ скоро о семъ повелѣнїи узнали, то слышенъ былъ радостный крикъ на всѣхъ корабляхъ; паруса поставили на стеньги, а шлюбки и фелюки втащили на корабельный бортъ.

На другой день по утру восходящее солнце предвозвѣщало хорошій день и вѣтеръ дулъ съ сѣверо-Восточной стороны. Какъ Флотъ поднялъ якорь, то городъ поздравлялъ великимъ множествомъ выстрѣловъ изъ пушекъ. Всѣ военные и купеческїе корабли вышли изъ гавани поднявъ паруса.

Всѣ тѣ, которые проходили мимо Адмирала, и имѣя своихъ Адмираловъ, производили пальбу; а онъ съ своей стороны отвѣтствовалъ однимъ, двумя, а иногда и

 тремя

тремя выстрѣлами изъ пушки. Флотъ составленъ былъ изъ одиннатцати большихъ Галїоновъ, 9 гораздо менѣе, двухъ галеръ, 4 фрегатовъ и шести купеческихъ судовъ. Сей часъ былъ для меня великолѣпнымъ зрѣлищемъ, устрѣмившимъ мое внимание. Мы ѣхали вдоль береговъ *Крыма* по весьма тихому вѣтру, который часъ отъ часу уменьшаясь здѣлалъ со всемъ штиль и всѣ корабли, опустивъ паруса, составили кругъ. Около вечера, горы показались покрытыми густыми облаками и подулъ сильный Восточный вѣтръ.

1 Октября съ самаго утра валы били пресильные, и корабль началъ весьма покачиваться. Корабельщики объявляли, что море разыгрывалось и вѣтеръ поворотилъ къ полуденной сторонѣ; по чему и претерпѣли мы настоящую бурю, продолжающуюся во всю ночь. Около разсвѣта, море сдѣлалось со всемъ тихо: однакожъ полуденный вѣтеръ былъ намъ противенъ, и на парусахъ весьма мало проѣхать могли. Флотъ разсѣялся, и мы не болѣе какъ три корабля увидѣли въ дали.

Въ полдень возстала новая буря, и черезъ нѣсколько минутъ волны такъ возвышались, что вода входила въ корабельныя окны.

На другїй день море еще весьма волновало, однако жъ корабль не столько шатался, но корма и носъ претерпѣвали удары отъ волнъ. Тогда потерявъ изъ виду Крымскїя горы, принуждены были поворотить весьма далеко назадъ, будучи

препя-

препятствованы полуденно Восточнымъ вѣтромъ, весьма сильно дующимъ.

Вѣтеръ не переставалъ перемѣняться каждую минуту, и матрозы выходили изъ силъ перемѣнять управленїе парусовъ. Около вечера окружены мы были 13 кораблями, и въ полночь вѣтеръ опять началъ дуть съ великимъ порывомъ, а валы разъярились еще сильнѣе. Мнѣ не возможно было спать, и упалъ съ борту въ фелюку, гдѣ Жидъ мой лежалъ. Я ужаснулся, увидя ярящїяся волны и возвышающїяся наподобїе горъ, и думалъ, что они опрокинутъ корабль, подымая оный даже до облаковъ, а наконецъ низвергали съ шумомъ, подобнымъ пушкѣ, въ наиглубочайшую пропасть. Ревъ морскїй, свистъ вѣтра, трескъ мачтъ и крикъ Офицеровъ и матрозовъ дѣлали еще болѣе ужаса, и казалось, что море ни когда не было столько сердито, и волны не подымались такъ высоко: между тѣмъ послѣ полудни они хлѣстали чрезъ корабль, и какъ старались поворотить парусъ большей мачты, то морскїй ударъ всю заднюю часть корабля покрылъ водою; но къ щастїю возставивъ его вторый валъ бросилъ на другїй край. Невольникъ вскричалъ: вода! И въ самомъ дѣлѣ Военный корабль имѣлъ съ одной стороны отверстїе, чрезъ которое она съ изобилїемъ входила. Крикъ тѣхъ, которые были подъ бортомъ, распространялся по караблю съ великимъ страхомъ и ужасомъ. Течь воды скоро была унята и легко найдена отъ плотниковъ. Замученная моя лошадь брошена въ море, и потеря сїя не столько для меня

чувствительна,

чувствительна, страшась болѣе какого нибудь другаго приключенія. Жидъ мой, который до того времени молился и плакалъ, увидя меня безъ кафтана, въ одной только теплой фуфайкѣ, совѣтовалъ мнѣ оный надѣть, послышавъ великую стужу. Я вспомнилъ, что забылъ его поутру подъ моимъ столовьемъ, когда страхъ принудилъ оставить каюту, такъ, какъ и мѣшокъ съ денгами. Я тотчасъ побѣжалъ его искать; но какое было мое отчаяніе среди угрожаемыхъ насъ опасностей, когда ни того ни другаго не нашелъ. Въ мѣшкѣ моемъ золотыхъ и серебреныхъ денегъ было около 40 піястровъ, гдѣ такъ же лежала и моя печать. Я немѣдленно о пропажѣ сей увѣдомилъ плотьнишнаго мастера, который оказывая свое сожалѣніе, обѣщалъ со всякою строгостію учинить обыскъ. Я велѣлъ объявить всѣмъ бывшимъ на кораблѣ о своей потерѣ, обѣщая 4 секина тому, который мнѣ оную возвратитъ, или подастъ какое нибудь извѣстіе.

Я о семъ далъ также знать Чоушу, а онъ объявилъ капитану. Сей желалъ немѣдленно знать, на кого падутъ мои подозрѣнія и хотѣлъ сѣчь всѣхъ плотниковъ. Признаюсь, что я имѣлъ сильныя причины обвинять плотнишнаго мастера брата; но показалось мнѣ, что весьма опасно бы было уличить его въ воровствѣ и подвергнуть наказанію, что бы здѣлать легко было можно; но въ случаѣ, естли бы онъ оказался невиновнымъ, то бы чрезъ то взбунтовалъ противъ себя всѣхъ корабельщиковъ, и безъ

нужды

нужды вдался въ опасность. Такимъ образомъ за благо разсудилъ утаить свои догадки, и наконецъ не смотря на всѣ прилагаемыя старанія, не возможно уже мнѣ было узнать вора. Я во всю свою жизнь не былъ столько огорченъ, какъ сею недостойною покражею, особливо въ такое время, когда каждую минуту принуждены видѣть передъ глазами своими смерть.

Ночь была еще страшнѣе, нежели день, и матрозы принуждены были препроводить оную безъ сна. Половина корабельщиковъ была заражена морскою болѣзнію.

4 Октября не было еще ни какой надежды, чтобъ сія ужасная буря могла успокоиться. Ночью умеръ одинъ Турокъ, и по прошествіи двухъ часовъ, обмывъ его тѣло, и пронеся мимо Чами (*), бросили въ море, на которую церемонію ни кто изъ Христіянъ смотрѣть не смѣлъ.

Турки думали, что послѣ сего исполненія буря утишится, однако жъ въ томъ обманулись. Нѣкоторые бросали въ море заколотыхъ ягнятъ, козловъ, полныя чаши масла и протчее сему подобное; а я боялся, чтобъ наконецъ и мой Жидъ не учинился жертвою свирѣпыхъ волнъ. (**)

Около полудни, многія птицы прилетая садились на корабль; по чему и догадывался

(*) ЧАМИ, есть названіе, которое Магометане даютъ обыкновенно храму Божьему; а Франки называютъ мечетью.

(**) Турки столь легковѣрны и суевѣрны, что во время бури они бросаютъ въ море все имъ попадающееся. Они не имѣютъ ни какого сумнѣнія отдавать на жертву

дывался я, что мы не далеко находились отъ матерой земли.

Послѣ полудни, невольникъ вскарапкавшись на самой верьхъ мачты, увидѣлъ землю, и многїе бывшїе на бортѣ за сїе его извѣстїе дали ему нѣсколько денегъ.

Я съ радостїю подарилъ ему половину пїястра; но паче всего опечалило меня то, что Капитанъ ни чего ему не далъ. Сей невольникъ назывался Донъ Петро, уроженецъ Пїемонтскїй. Онъ первый, который примѣтилъ течь воды, и всякїй разъ опуская паруса, лутче всякаго Офицера исправлялъ должность, и словомъ сказать, онъ почти одинъ исправлялъ то, что должно Рейсъ Пашѣ. Тогда начиналась казаться земля, подобная облаку, а наконецъ открылись и горы меньшей Азїи. Корабельщики тотчасъ узнали, что сїи были окрестности Константинопольскїя, и одинъ Офицеръ взошедъ на верьхъ мачты объявлялъ, что видитъ черезъ всю долготу каналъ и корабли тамъ находящїяся; однако жъ весьма далеко откинуты были отъ меньшей Азїи къ Востоку. Когда мы находились не далеко отъ горъ, то увидѣли въ дали многїе Галїоны, а наконецъ весьма близко купеческїй корабль; а я по тому легко узналъ, что вѣтеръ понуждалъ насъ къ мысу.

Нѣко-

Жида, когда въ такихъ обстоятельствахъ находятъ на своемъ кораблѣ нещастїе. Меня увѣряли, что въ подобномъ сему случаѣ одна Гречанка будучи опасно больна, не смотря ни на какїя представленїя ея мужа, была привязана къ доскѣ и предана свирѣпству волнъ.

Нѣкоторые имѣющїе подзорныя трубки, примѣтили, что въ морѣ разбросаны были многiя вещи, а послѣ увидѣли доски и бочки по водѣ къ нашей сторонѣ плывущїя. Какъ Рейсъ Паша всегда думалъ, что находятся близь канала, то за весьма безразсудное почиталъ войти въ оный ночью, предпочитая за лутчее препроводить оную на морѣ. Въ слѣдствїе чего соблюдалъ онъ свою большую и малую мачту, дабы держаться сколько возможно средины моря. Мы увидѣли фрегатъ, который прежде ночи показался намъ въ виду. Онъ отъ нашего корабля находился далеко, давая о опасности своей нѣкоторые знаки; и когда уже мы плыли отъ онаго фрегата не болѣе какъ на полмилю, то будучи поглощенъ волнами, со всемъ изчезъ. Вѣроятно думать надобно, что всѣ на ономъ находившїеся имѣли такой же жребїй, и ни кто спастись не могъ.

Сїе страшное зрѣлище, привело въ крайнее унынїе нашихъ корабельщиковъ. Свирѣпость волнъ казалось, что болѣе ночью умножалась; большая часть матрозовъ спала, и ни чего столь не было ужаснѣе, какъ крики Офицеровъ и Гампарджей (*) призывающихъ къ работѣ, которые однакожъ были безполезны. Около полуночи поставили большую мачту, но вѣтромъ оную сломило, и мы съ великимъ трудомъ прикрѣпили меньшую, почтя оную гораздо за лучшую. Надлежало двадцати четыремъ человѣкамъ управлять

(*) Гампарджи, дивизїонные Начальники на большихъ корабляхъ.

управлять рулемъ, поставленнымъ въ большей каютѣ, дабы съ обоихъ сторонъ порядочно дѣйствовать. Такимъ образомъ корабль шелъ во всю ночь, даже до восхожденія солнца, вдоль береговъ меньшей Азіи.

Тогда тѣ только, коимъ Штурманъ препоручилъ управленіе корабля и Иманъ [главный Надзиратель] оставались при своей должности. Сей послѣдній громогласно просилъ и увѣщевалъ корабельщиковъ дѣлать тоже, когда страшная волна ударитъ о нашъ корабль, Какъ скоро начиналъ показываться день, то мало по малу становясь яснымъ, уменьшилъ и вѣтеръ.

Офицеры были столь не искусные, что не знали дороги къ Константинополю, а держались только совѣту; какъ же скоро увидѣли вдали другой корабль, то старались съ нимъ соединиться. Мы выпалили изъ двухъ пушекъ, а намъ отвѣтствовали изъ одной, и сей сигналъ давалъ намъ знать, что онъ зналъ дорогу. Вѣтеръ, какъ я судить могъ, былъ Сѣверовосточный, и казался быть намъ благопріятнымъ; по чему и старались мы приближаться, послѣдуя за кораблемъ, показывающимъ намъ путь.

Въ полночь увидѣли опять горы, и Офицеры прилагали старанія войти въ каналъ; а какъ вѣтеръ не преставалъ намъ благопріятствовать, и сердитыя волны побуждали корабль въ передъ, то мало по малу потеряли мы изъ виду берега Азіи, и по своему положенію судили около вечера, что мы не далеко находились отъ Дарданелъ;

нелЪ; вЪ слѣдствіе чего всячески старались мы держаться прямаго ходу.

НаконецЪ увидѣли мы два фонаря, которые зажигаютЪ при входѣ вЪ каналЪ, одинЪ сЪ Европейской стороны, а другой сЪ Азіи, и они вЪ морѣ далеко видны; а безЪ нихЪ бы можно было ночью сбиться сЪ пути. ТакимЪ образомЪ избѣжавЪ бури, благополучно вошли мы 6 числа Октября ночью вЪ каналЪ, но только сЪ великою осторожностію.

Я опытомЪ узналЪ, сколько опасна ѣзда по Черному морю, и во время бури не могЪ сомкнуть глазЪ. Повѣрить можно, что вЪ первую сію ночь, по толикихЪ претерпѣнныхЪ трудахЪ, уснулЪ я спокойно и крѣпко.

На другой день по утру узнали мы большую часть кораблей флота стоящихЪ на якорѣ, и пріѣхавшихЪ за день прежде до насЪ. Я увѣдомился, что КапитанЪ Паша, по прибытіи своемЪ, удержанЪ былЪ Босанги Пашею, который повезЪ его сЪ собою вЪ своей фелюкѣ вЪ Константинополь, и что флотЪ долженЪ тутЪ остаться до тѣхЪ порЪ, пока не получитЪ новыхЪ повелѣній отЪ Султана. Всѣ Капитаны пошли вЪ Константинополь, какЪ для исходайствованія себѣ денегЪ, такЪ и для удовольствія своихЪ корабельщиковЪ, ропщущихЪ на то, что столь долгое время не получали ни какой себѣ платы.

КакЪ я по любопытству своему хотѣлЪ посмотрѣть спуску сЪ корабля большей шлюпки, то мой ЧоушЪ посадилЪ меня на

 одну

одну галеру, и всѣ Офицеры, какъ на меня, такъ и на моего Жида весьма вознегодовали. Они говорили, что мы одарили Капитана за то, чтобъ онъ насъ взялъ на свой корабль, дабы намъ безопасно доѣхать въ Константинополь, и что мы дадимъ отчетъ во всемъ томъ, что ни происходило. За всѣми сими хорошими разсужденіями послѣдовали наконецъ злословія.

Я пошедъ въ свою каюту, велѣлъ сказать своему Чоушу что имѣю притчины опасаться корабельщиковъ, и что намѣренъ ѣхать въ Константинополь. Онъ тотчасъ ко мнѣ пришелъ, и весьма удивился, когда я расказалъ ему со мной случившееся. Онъ повторялъ мнѣ обѣщанія, прежде данныя имѣть обо мнѣ всевозможное попеченіе. Хотя и отдаваема ему была великая честь, однако я не могъ довольно быть спокоенъ, и какъ въ намѣреніи своемъ упорно стоялъ; то онъ обѣщалъ не медлѣнно меня проводить. Такимъ образомъ сѣли мы на легкое судно, оставивъ Жида своего на военномъ кораблѣ для обереженія моихъ вещей.

Когда корабельщики узнали, что я хотѣлъ итти къ Имперскому Министру, то они ѣдучи, показали намъ загородной его домъ, лежащій въ *Дарапіи*. Мы вошедъ въ оный, встрѣчались съ Янычарами его гвардіи, которые первые увѣдомили меня, что Имперскій Интернунцій Г. де В** умеръ, и что дѣла находятся въ Константинополѣ.

Какъ мы проѣхали *Дардачеллы*, то увидѣлъ Сераль, а по томъ и Константинополь въ весьма пріятномъ положеніи; по про-

прошествіи жЪ трехЪ часовЪ, поѣхали мы сухимЪ путемЪ вЪ *Перу*. Мой ЧоушЪ, совершенно знающій весь городЪ, по прозбѣ моей, повелЪ меня тотчасЪ вЪ домЪ Министерской, гдѣ вскорѣ увидѣлЪ я Г. д. Т. Пріемъ, учиненный мнѣ, какЪ отЪ Министра, такЪ и его людей, сверьхЪ моего былЪ чаянія; а какЪ я отЪ него ни мало не зависѣлЪ, то и вознамѣрился видаться сЪ нимЪ почаще. Имперскій Толмачь N. N. принялЪ меня весьма хорошо, и столько мнѣ оказалЪ ласки, что принуждалЪ стать у себя. Я тамЪ встрѣтился сЪ храбрымЪ АрмяниномЪ *Гаджи Муссесъ*, который весьма обрадовался, видя меня вЪ добромЪ здравіи и благополучно прибывшимЪ.

Для выгруженія своихЪ товаровЪ надлежало мнѣ ждать, пока флотЪ не войдетЪ вЪ гавань. ВѣтерЪ былЪ сильный, и флотЪ не получилЪ еще повелѣнія отЪ Двора, медленности коего я весьма боялся, а для того и не весьма разумно для меня казалось, оставить на кораблѣ свои деньги. Я возвратился туда и выгрузился снова на каналЪ сЪ однимЪ ЯнычаромЪ, дабы мнѣ возможно сыскать корабль, также и взять нѣкоторыя вещи, безЪ коихЪ обойтиться мнѣ не льзя было. Для большей безопасности, я велѣлЪ все тайнымЪ образомЪ перенесть вЪ нашЪ КганЪ, и хотя вѣтерЪ былЪ еще весьма сильный, однако жЪ прибылЪ благополучно вЪ *Топану* (*).

(*) ТОПАНА почитается такЪ, какЪ предмѣстіемЪ вЪ КонстантинополѣЪ: онЪ получилЪ названіе отЪ литейнаго двора, который тамЪ учредилЪ Паша ГрафЪ БоннevалЪ, и лежитЪ на супротивЪ Сераля.

14 Октября флотъ вошелъ въ гавань при великой изъ пушекъ пальбѣ. На другой день Чоушъ принесъ ко мнѣ мои вещи, которыя онъ явилъ въ таможнѣ такъ, какъ собственно ему принадлежащія.

Я заплатилъ за его трудъ, и сверьхъ того подарилъ нѣчто изъ моихъ товаровъ. Онъ былъ Турокъ весьма не насытный, и оставивъ меня, будучи мало мною доволенъ, пошелъ тотчасъ къ Г. Фр. и къ Г. Г. **, дабы принудили они дать мнѣ ему болѣе.

Жидъ мой меня также оставилъ, со мною не простясь, и послѣ, какъ я заплатилъ ему то, въ чемъ мы съ нимъ договорились, то онъ унесъ съ собою многія бездѣльныя вещи. Его одобрялъ мнѣ въ *Бахчисараѣ* одинъ Муфтій и другіе люди, говоря, что онъ былъ человѣкъ рачительный и честный, и по правдѣ сказать, что во все время моего путешествія, не имѣлъ причины жаловаться на его вѣрность и поведеніе. Я находился еще тогда въ нерѣшимости, отъ зависти ль сродной его націи, или по своему непостоянству предпріялъ онъ путь,

Въ тогдашнее время старался я завесть знакомство съ Франками, и увидѣлъ, что ихъ обхожденіе было дружеское.

Они грубы и другъ другу не довѣряясь, жили между собою вѣжливо.

Сверьхъ моего чаянія встрѣтился я съ старымъ Лѣкаремъ Сераскира Паши въ *Кафѣ*, который повелъ меня тотчасъ къ своему брату, первому въ Сералѣ Лѣкарю. Онъ какъ скоро узналъ, что я имѣлъ нѣкоторое

торое почтеніе и учтивость къ его брату въ *Кафѣ*, то принялъ меня ласково, и съ женою своею оказывали ко мнѣ всякую свою благосклонность и любовь, а посредствомъ сего Лѣкаря имѣлъ я случай наконецъ видѣть все то, что было примѣчанія достойнаго въ Константинополѣ.

Между тѣмъ увѣдомился, что прежній Консулъ, или Министръ при Дворѣ Татарскомъ Г. Баронъ Тоттъ пріѣхалъ съ своею фамиліею сухимъ путемъ въ *Перу*. Я немѣдлено пошелъ къ нему для отданія своего поклона, а онъ оказавъ великое удовольствіе въ благополучномъ моемъ прибытіи, разсказалъ мнѣ о своихъ нещастіяхъ.

Вскорѣ послѣ смерти Хана Крымскаго, (Гирея) въ Кавшанѣ Мурзы и протчіе Татара, любя весьма своего Владѣтеля, приписывали причину смерти его Барону, объявляя, что сей Министръ побудилъ Хана къ предпріятію сего нещастнаго похода въ земли Россійскія; по возвращеніи изъ коего сей Владѣтель впавъ въ болѣзнь, скоропостижно и умеръ. Татары по сей причинѣ напали на его домъ; Онъ и люди его спасаясь отъ ихъ бѣшенства бѣгствомъ, принуждены были все оставить. Самъ Консулъ три дни и три ночи скрывался въ ямѣ, откуда онъ былъ избавленъ однимъ къ нему любовію привязаннымъ старымъ Татариномъ, который посадя его въ свою тѣлегу, благополучно наконецъ привезъ въ Константинополь. Остальная часть людей его разсѣялась; о Секретарѣ жъ Консульскомъ никакого извѣстія получить не возможно было,

ло, что съ нимъ приключилось. Напослѣдокъ Баронъ, иначе Кавалеръ Тоттъ, учинился славнымъ, нашедъ средство укрѣпить *Дарданеллы*, за что Султанъ весьма его почтилъ.

Какъ Константинополь сдѣлался мнѣ непріятнымъ, то я и старался поспѣшать моимъ отъѣздомъ. Многіе не совѣтовали ѣхать сухимъ путемъ, въ разсужденіи томъ, что войско Турецкое, выгнанное Россіянами изъ Молдавіи и Волохіи, учинило дороги весьма опасными; по чему и вознамѣрился предпріять путь моремъ, и искалъ корабля, назначеннаго въ *Тріестъ*, но не могъ найти, кромѣ одного Шведскаго, называемаго Франкъ-Масонъ, и долженствующаго при первомъ хорошемъ вѣтрѣ пуститься въ *Ливорну*, проѣхавъ *Смирну*. Я познакомился съ Капитаномъ Іоанномъ Генрихомъ Виксомъ, который показался мнѣ человѣкомъ разсудительнымъ, потребуя съ меня за провозъ и пищу весьма умѣренную цѣну.

По приведеніи въ порядокъ свои дѣла, и ожидая нѣсколько дней, надлежало вдругъ садиться на корабль, и вѣтеръ казался быть благопріятствующимъ: но какъ скоро мы вошли на оный, какъ вдругъ оный перемѣнился, и сдѣлался столь порывистымъ, что Капитанъ и я принуждены были возвратиться въ *Перу* на старую нашу квартиру.

Во ожиданіи благополучнаго вѣтра, часто хаживалъ изъ *Галаты* въ Константинополь съ Гаджи Муссесъ, дабы видѣть тамъ то, что любопытству достойнымъ быть,

быть казалось. Ни когда, съ нами ничего непрiятнаго не случалось, выключая, что напослѣдкахъ нѣкоторые Гарадшисы (*) насъ остановили и требовали посмотрѣть квитанцiи отъ судебнаго мѣста, въ платежѣ подати. Трое изъ сихъ господъ, узнавъ, что я Нѣмецъ, меня пустили, но четвертой не хотѣлъ повѣрить моимъ словамъ. Какъ я не могъ показать ему своего пашпорта, по причинѣ той, что его оставилъ на кораблѣ, то и надобно было мнѣ слѣдовать за нимъ въ Судебное мѣсто. Засѣдающiй тамъ Паша, не выслушавъ почти отъ меня причинъ, приказалъ немѣдленно отвесть меня въ темницу, за то, что не было у меня пашпорта и Янычара.

Я показавъ свой кошелекъ, обѣщалъ оный ему отдать, съ тѣмъ, ежели прикажетъ притти кому нибудь отъ Министра меня оправдать. Онъ потребовавъ отъ меня сверьхъ того два куска золота, называемыхъ *Алтунъ*, сказалъ мнѣ, чтобъ я шелъ.

(*) ГАРАТШИСЫ, суть родъ Турковъ, которые получаютъ подать, называя оную ГАРАТШЪ, и требуютъ ее отъ Султана отъ всѣхъ тѣхъ, кои обитаютъ въ Турецкой Имперiи. Они даютъ не большей лоскутокъ желтой бумаги, гдѣ подписано Султанское имя, такъ и того, коему оный данъ, а при томъ число и день, въ который получена подать. Сей билетъ называется ГАРАТШЪ КЕГАТЪ. Человѣкъ богатый платитъ 11 пiястровъ, посредственнаго состоянiя 7, пiястровъ съ половиною, а тотъ, который живетъ своимъ рукомесломъ 5 пiястровъ въ годъ. Всѣ находящiеся подъ протекцiею какого нибудь иностраннаго Министра, тѣхъ денегъ не получаютъ.

Прежде моего прїѢзду вЪ *Перу*, многїе уже узнали о моемЪ приключенїи. Г. Г. вЪ вечеру одному изЪ своихЪ домашнихЪ приказалЪ меня проводить вЪ Судебное мѢсто, дабы засвидѢтельствовать, что мой пашпортЪ истинной, который я между тѢмЪ временемЪ отыскалЪ.

КакЪ скоро мы вошли, то одинЪ изЪ КомисаровЪ возвратилЪ мнѢ два *Алтуна*, сЪ нѢкоторыми извиненїями и увѢщанїями. Я сЪ холоднымЪ видомЪ и то другое принялЪ, и сей народЪ по причинѢ сдѢлался мнѢ ненавистнымЪ.

ГЛАВА XVIII.

ПутешествЇе изЪ Константинополя вЪ Смирну.

КакЪ СѢверный вѢтрЪ начиналЪ утихать, то 21 числа по утру рано пошелЪ на корабль, вЪ провожанїи нѢкоторыхЪ прїятелей, проводить меня желающихЪ. Около вечера подняли мы паруса, выпаливЪ изЪ пушки, что самое учинили вЪ тоже время многїе и другїе купеческїе корабли. ВыѢхавЪ изЪ гавани, 23 числа при благополучномЪ вѢтрѢ, прибыли подЪ *Дарданеллы* на БѢлое море, вЪ провожанїи многихЪ ФранцузскихЪ и РагузскихЪ судовЪ. Мы принуждены были лавировать и приставать кЪ разнымЪ берегамЪ,

гамъ, дабы найти удобное мѣсто въ брошенїю якоря.

Я съ Капитаномъ ходилъ по сухому пути въ замкѣ *Дарданелловъ*, лежащемъ въ Азїи. Онъ лежитъ подлѣ моря, и съ одной стороны окружёнъ широкимъ рвомъ, наполненнымъ водою, который начинается отъ самаго канала. Сей замокъ обнесенъ высокими стѣнами съ башнями, покрытыми отъ матерой земли нѣкоторыми каменными бастїонами, показавшимися мнѣ весьма слабыми и развалившимися. Прошедъ вороты со стороны моря, видѣлъ я пушки, поставленные къ защищенїю входа въ каналъ. Тѣ пушки по большей части чугунныя и всѣ удивительнаго калибра. Оны не положены на лафеты, но на возвышенную землю, или на подпоры изъ бревенъ, укрѣпленныхъ въ стѣну, дабы тверже держаться могли; по чему одинъ пушкарь долженъ быть въ низу, а другой на верьху, дабы заряжать и палить. Число домовъ, или лучше сказать шалашей тамъ находящихся, по моимъ догадкамъ, не болѣе простирается, какъ до 300, въ коихъ большею частїю живутъ Янычары съ своею семьею. Передъ симъ замкомъ большая есть мѣль, по коей во время приливу можно ѣздить на большихъ шлюбкахъ.

Другой замокъ *Дарданеллъ*, лежащїй насупротивъ перьваго съ Европейской стороны, показался мнѣ довольно крѣпкимъ. Онъ стоитъ на высотѣ, на которой поставлены четыре большїя башни. Мы пробыли нѣсколько часовъ у Французскаго Консула,

и какъ Капитанъ окончилъ свои дѣла, то возвратясь на корабль, поѣхали изъ *Дарданеллъ* (*) 25 числа; но туманъ и дождь около полудня принудилъ насъ опять не далеко отъ замковъ стать на якорѣ, что для насъ весьма было щастливо: прежде ночи жъ претерпѣли мы сильную бурю, продолжающуюся до самаго утра. Сіи замки (**) изъ коихъ первой въ Азіи, а другой въ Европѣ, казались мнѣ не столько укрѣпленными, какъ *Дарданеллы*, хотя они также не давно строены. Каналъ тамъ нѣсколько уже; по чему и артиллерія отъ одной стороны къ другой находится ближе.

Послѣ ужина Капитанъ спросилъ меня, довольно ли я отваженъ. Но какъ я не зналъ, что сіе значило, то отвѣтствовалъ ему, да, когда случай къ тому потребуется. Потомъ открылся онъ мнѣ, что опасается со стороны корабельщиковъ бунту, которые ничего добраго не обѣщаютъ. Его сдѣлали Капитаномъ въ Константинополѣ на мѣсто умершаго, и хотя родился въ Швеціи, но съ самыхъ своихъ молодыхъ лѣтъ служилъ у Англичанъ, и въ первой еще было тогда разъ,

---

(*) Крѣпость, лежащая въ Азіи означается нѣкоторыми писателями подъ имянемъ АБИДОСЪ, а въ Европѣ СЕСТОСЪ, но имянуютъ также ихъ, первую замкомъ Натольскимъ, а другую Романскимъ.

(**) Султанъ Магометъ IV. въ 1658 году состроилъ два другіе замка, коимъ и дали названіе новыхъ Дарданелловъ. Каналъ въ семъ мѣстѣ не болѣе простирается въ ширину, како на одну четверть миди.

разъ, что онъ ѣздилъ подъ Шведскимъ флагомъ; по чему корабельщики, требуя отъ Министра въ Константинополѣ, дать имъ Начальникомъ Штурмана, не охотно ему повиновались. Онъ ни кого вѣрнаго другаго себѣ не имѣлъ, какъ одного шкипора; а прочїе всѣ были весьма худые подчиненные.

Они знали, что были многїе ящики съ деньгами, назначенные въ *Смирну*, бывшїе въ каютѣ; по чему и весьма возможно покуситься имъ взбунтоваться, и умертвивъ также меня, дабы не измѣнилъ, спастись съ кораблемъ. И такъ Капитанъ просилъ меня, чтобъ я оставивъ свою каюту, спалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Онъ велѣлъ тотчасъ собственно для меня повѣсить Гамаку; (койка) всѣ ружья были заряжены, и все приготовлено; входъ въ покой, гдѣ находились съѣстные припасы былъ припертъ, а сверьхъ того трое крѣпкїе двери, въ которыя должно войти прежде, нежели вступить на бортъ, были заперты желѣзными затворами и укрѣплены брусьями, принявъ всевозможныя къ защищенїю своему предосторожности. Капитанъ во всю ночь не смыкалъ глазъ; что жъ до меня касается, то я, хотя корабль и безпрестанно качало, гораздо лучше спалъ въ гамакѣ, нежели въ своей каютѣ, и какъ сїю, такъ и послѣдующїя ночи препровождалъ спокойно.

Время наконецъ сдѣлалось ясно, и мы 26 числа рано по утру поднявъ якорь, чрезъ два часа находились внѣ канала Бѣлаго моря, и въѣхали въ Средиземное. Мы вскорѣ изъ

виду

виду потерявъ то мѣсто, гдѣ сказываютъ въ старину была Троя, дѣйствительно увидѣли многїе острова въ *Архипелагѣ*. Островъ *Тенедосъ*, куда мы прибыли въ тотъ же еще вечеръ, находился передъ нами, гдѣ и остановились, дабы запастись виномъ, и взять оттуда Греческихъ купцовъ, бывшихъ изъ числа тѣхъ, кои наняли нашъ корабль.

Сей островъ въ окружности своей имѣетъ три мили Нѣмецкихъ, и изобиленъ въ славномъ винѣ, которое много походитъ на Бургонское, вывозимое во всю Западную часть.

Близь гавани есть большей городъ, гдѣ въ шалашахъ по большей части обитаютъ Греки, весьма великїе обманщики. Замокъ, лежащїй на небольшей высотѣ имѣетъ стѣны и башни весьма толстыя: но не смотря на все то онъ весьма вѣтхъ. (*)

Надобно было корабль отвести въ гавань, которая весьма узка и окружена каменьями. Когда мы одинъ разъ туда вошли, то Капитанъ укрѣпилъ свой корабль четырмя якорями, двумя въ переди и двумя на зади. Они были намъ весьма полезны отъ бури, которую мы испытали многїе дни сряду, и вѣтры дули съ разныхъ сторонъ.

Какъ нашъ корабль былъ столько же великъ, какъ и военный, и на немъ было до тридцати шести пушекъ, то Турецкой Коммен-

(*) Сей островъ, по сказ. Трои, былъ, какъ сказываютъ, мѣстомъ, гдѣ Греческїй флотъ собирался.

Коммендантъ острова почелъ насъ за Россіянъ. Онъ на другой день нашего прибытія велѣлъ сказать чрезъ Консула Французскаго (*) Капитану и мнѣ, чтобъ мы пришли въ замокъ; по чему мы и не умѣдлили то исполнити, и вывесть его изъ заблужденія. Коммендантъ объявилъ, что подарокъ былъ бы ему пріятенъ; и Капитанъ удовольствовалъ его немѣдлено, пославъ къ нему худую трубку съ долгимъ чубукомъ. Не смотря на то почиталъ онъ честь свою защитить обороною, которая состояла въ одной съ половиною пушкѣ, и велѣлъ оную поставить противъ корабля, чему мы весьма смѣялись.

Между 28 и 29 числомъ Октября претерпѣли мы весьма сильную бурю. Вѣтръ вскорѣ сдѣлался Сѣверо-Восточный, соединенный съ безпрестаннымъ градомъ; а наконецъ онъ дулъ со всѣхъ сторонъ. Въ первую ночь корабль такъ бросало, что не возможно было ни стоять, ни лежать.

Хотя Капитанъ прежде ночи принялъ всевозможныя предосторожности, чтобъ уменшить мачты, унизить парусные прутья и укрѣпить корабль двумя крѣпкими канатами къ камнямъ; однакожъ опасался еще, дабы якори и канаты не оторвались, и хорошее судно не разбилось бы о камни. Онъ клялся, ежели сіе случится, то откажется навсегда ѣздить по морю.

Въ

(*) Франція имѣетъ Консула на каждомъ Архипелажскомъ островѣ: но они въ сихъ островахъ такое получаютъ жалованье, что принуждены жить крайнѣ бѣдно.

Въ каналѣ *Тенедосскомъ*, между симъ островомъ и матерою землею, находились три большихъ Французскихъ корабля и одинъ Турокъ изъ каравана, которые лишились своихъ якорей и канатовъ. Мы видѣли, посредствомъ ихъ огней прежде полуночи, что оторвавшись плавали вдоль *Тенедоса*. На разсвѣтѣ двое изъ Французовъ оставили упавшій якорь подъ островомъ, а Турка будучи не далеко отъ камней среди канала, лишился всѣхъ своихъ мачтъ. Какъ уже мало помалу сталъ показываться свѣтъ, то третій Французъ и Турка палили много разъ изъ пушекъ, прося помощи. Послѣдній же, по небреженію, а при томъ и не зная самъ, что дѣлалъ, послалъ къ намъ пушечное ядро, которое весьма близко подлѣ насъ упало.

Мы примѣтили, помощію зрительныхъ трубокъ, великое множество на бортѣ Турокъ. И какъ послѣ полудни буря утишилась и валы не столько были уже сердиты, то они спустили въ море большую шлюбку, и старались во весь тотъ день, также и въ послѣдующій, спастись на сухомъ пути.

У одного Французскаго корабля сдѣлалась течь, и оный лишился тогда двухъ якорей; но какъ море утихло, то нашъ Капитанъ послалъ нѣсколько матросовъ на помощь, которые и помогли имъ исправиться и отъискать якори; послѣ того жъ, какъ вѣтеръ сдѣлался благополучный, то и отправились въ путь.

Какъ

Какъ мы уже давно запаслись вичомъ, то Капитанъ и ожидалъ только хорошаго вѣтру, дабы оставить гавань. Въ сїе время закупилъ онъ многїе тысячи окъ вина, которое тамъ весьма вкусное и недорогое, воспользуясь симъ случаемъ имѣть нѣкоторую выгоду. Матросы, во время пути отсюда въ *Смирну* по злобѣ пропротѣли въ новой бочкѣ дыру, въ коей вина было тысяча окъ, и оное выпустили. Капитанъ хотя всячески старался узнать тому виноватаго, однакожъ тщетно. Онъ мнѣ также совѣтовалъ купить вина для продажи въ *Смирнѣ*, дабы прїобрѣсть себѣ прибыли; но какъ мнѣ показалось оное недовольно выгоднымъ, то совѣту его и не послѣдовалъ.

Между тѣмъ нѣкоторыя изъ Турокъ, коихъ корабль погибъ, просили насъ взять ихъ съ собою въ *Смирну*. Я весьма отговаривалъ Капитану, чтобъ онъ на то никакъ не соглашался, особливо, какъ узналъ, что сїи люди возвращающїеся съ войны, были по большой части Арапы, въ числѣ коихъ находилось много бездѣльниковъ Франковъ. Однако жъ Капитанъ для полученїя себѣ денегъ, взялъ сихъ негодныхъ людей 40 человѣкъ, но по совѣту моему надлежало отдать имъ все ихъ оружїе и договориться съ ними взять за провозъ сходную цѣну. Многїе находились изъ нихъ такїе, что не имѣли ни одной полушки, и ихъ надобно было вести даромъ, и препоручая на ряду съ протчими карабельщиками исправлять имъ нѣкоторыя работы, каждой день довольствовать хлѣбомъ и мясомъ. Какъ вѣтеръ сдѣлался

благо-

благополучнымЪ, что принуждены были корабельщики корабль тянуть изЪ гавани, и сїя работа продолжалась во весь день, 12 числа Декабря ночью оставили мы островЪ *Тенедось*, и около полудни находились близь острова *Метелина*, на берегу котораго примѣтили остатки большаго разбитаго корабля, подобныхЪ коему видѣли мы еще два близь Тенедоса.

У насЪ на кораблѣ была большая обезьяна, которая сЪ онаго соскочила вЪ большую шлюбку, кЪ кораблю привязанную. КакЪ безпрестанное бїенїе волнЪ препятствовало ей вскочить опять на корабль, то начала она горько плакать; а наконецЪ вскочила на веревку, привязанную кЪ шлюбкѣ, но будучи отброшена волною, упала вЪ море. Она наконецЪ нѣсколько времени около корабля плавала, и выбившись изЪ силЪ утонула.

КапитанЪ и корабельщики весьма о ней соболѣзновали: ибо сїя обезьяна увеселяла всѣхЪ на кораблѣ, подражая матросамЪ во всѣхЪ ихЪ дѣйствїяхЪ.

Не смотря на противныя безпрестанно дующїя вѣтры, такЪ какЪ и на штиль, прибыли наконецЪ вЪ заливЪ *Смирны*, гдѣ мы испытали еще небольшую бурю. Я столько привыкЪ кЪ морскому пути, что смѣялся трусости ТурокЪ, приносящихЪ молитвы и испускающихЪ крики при всякомЪ разѣ, когда корабль приводило вЪ движенїе и ударяло волнами. Мы увидѣли *Смирну* 16 Декабря, и противный вѣтерЪ принудилЪ насЪ стать на якорѣ близь мѣли находящейся не подалеку отЪ крѣпости.

нелѣ; вѣ слѣдствіе чего всячески старались мы держаться прямаго ходу.

Наконецѣ увидѣли мы два фонаря, которые зажигаютѣ при входѣ вѣ каналѣ, одинѣ сѣ Европейской стороны, а другой сѣ Азіи, и они вѣ морѣ далеко видны; а безѣ нихѣ бы можно было ночью сбиться сѣ пути. Такимѣ образомѣ избѣжавѣ буріи, благополучно вошли мы 6 числа Октября ночью вѣ каналѣ, но только сѣ великою осторожностію.

Я опытомѣ узналѣ, сколько опасна ѣзда по Черному морю, и во время бури не могѣ сомкнуть глазѣ. Повѣрить можно, что вѣ перьвую сію ночь, по толикихѣ претерпѣнныхѣ трудахѣ, уснулѣ я спокойно и крѣпко.

На другой день по утру узнали мы большую часть кораблей флота стоящихѣ на якорѣ, и пріѣхавшихѣ за день прежде до насѣ. Я увѣдомился, что Капитанѣ Паша, по прибытіи своемѣ, удержанѣ былѣ Босанги Пашею, который повезѣ его сѣ собою вѣ своей фелюкѣ вѣ Константинополь, и что флотѣ долженѣ тутѣ остаться до тѣхѣ порѣ, пока не получитѣ новыхѣ повелѣній отѣ Султана. Всѣ Капитаны пошли вѣ Константинополь, какѣ для исходайствованія себѣ денегѣ, такѣ и для удовольствія своихѣ корабельщиковѣ, ропщущихѣ на то, что столь долгое время не получали ни какой себѣ платы.

Какѣ я по любопытству своему хотѣлѣ посмотрѣть спуску сѣ корабля большей шлюпки, то мой Чоушѣ посадилѣ меня на

одну галеру, и всѣ Офицеры, какъ на меня, такъ и на моего Жида весьма вознегодовали. Они говорили, что мы одарили Капитана за то, чтобъ онъ насъ взялъ на свой корабль, дабы намъ безопасно доѣхать въ Константинополь, и что мы дадимъ отчетъ во всемъ томъ, что ни происходило. За всѣми сими хорошими разсужденіями послѣдовали наконецъ злословія.

Я пошедъ въ свою каюту, велѣлъ сказать своему Чоушу что имѣю причины опасаться корабельщиковъ, и что намѣренъ ѣхать въ Константинополь. Онъ тотчасъ ко мнѣ пришелъ, и весьма удивился, когда я расказалъ ему со мной случившееся. Онъ повторялъ мнѣ обѣщанія, прежде данныя имѣть обо мнѣ всевозможное попеченіе. Хотя и отдаваема ему была великая честь, однако я не могъ довольно быть спокоенъ, и какъ въ намѣреніи своемъ упорно стоялъ; то онъ обѣщалъ не медлѣнно меня проводить. Такимъ образомъ сѣли мы на легкое судно, оставивъ Жида своего на военномъ кораблѣ для обереженія моихъ вещей.

Когда корабельщики узнали, что я хотѣлъ итти къ Имперскому Министру, то они ѣдучи, показали намъ загородной его домъ, лежащій въ *Дарапіи.* Мы вошедъ въ оный, встрѣчались съ Янычарами его гвардіи, которые первые увѣдомили меня, что Имперскій Интернунцій Г. де В** умеръ, и что дѣла находятся въ Константинополѣ.

Какъ мы проѣхали *Дарданеллы*, то увидѣлъ Сераль, а по томъ и Константинополь въ весьма пріятномъ положеніи; но про-

прошествіи жъ трехъ часовъ, поѣхали мы сухимъ путемъ въ *Перу*. Мой Чоушъ, совершенно знающій весь городъ, по прозбѣ моей, повелъ меня тотчасъ въ домъ Министерской, гдѣ вскорѣ увидѣлъ я Г. д. Т. Пріемъ, учиненный мнѣ, какъ отъ Министра, такъ и его людей, сверьхъ моего былъ чаянія; а какъ я отъ него ни мало не зависѣлъ, то и вознамѣрился видаться съ нимъ почаще. Имперскій Толмачь N. N. принялъ меня весьма хорошо, и столько мнѣ оказалъ ласки, что принуждалъ стать у себя. Я тамъ встрѣтился съ храбрымъ Армяниномъ *Гаджи-Муссесъ*, который весьма обрадовался, видя меня въ добромъ здравіи и благополучно прибывшимъ.

Для выгруженія своихъ товаровъ надлежало мнѣ ждать, пока флотъ не войдетъ въ гавань. Вѣтеръ былъ сильный, и флотъ не получилъ еще повелѣнія отъ Двора, мѣдленности коего я весьма боялся, а для того и не весьма разумно для меня казалось, оставить на кораблѣ свои деньги. Я возвратился туда и выгрузился снова на каналѣ съ однимъ Янычаромъ, дабы мнѣ возможно сыскать корабль, также и взять нѣкоторыя вещи, безъ коихъ обойтиться мнѣ не льзя было. Для большей безопасности, я велѣлъ все тайнымъ образомъ перенесть въ нашъ Кганъ, и хотя вѣтеръ былъ еще весьма сильный, однако жъ прибылъ благополучно въ *Топану* (*).

(*) ТОПАНА почитается такъ, какъ предмѣстіемъ въ Константинополѣ : онъ получилъ названіе отъ литейнаго двора, который тамъ учредилъ Паша Графъ Бонпезалъ, и лежитъ на супротивъ Сераля.

14 Октября флотъ вошелъ въ гавань при великой изъ пушекъ пальбѣ. На другой день Чоушъ принесъ ко мнѣ мои вещи, которыя онъ взялъ въ таможнѣ такъ, какъ собственно ему принадлежащія.

Я заплатилъ за его трудъ, и сверьхъ того подарилъ нѣчто изъ моихъ товаровъ. Онъ былъ Турокъ весьма не насытный, и оставивъ меня, будучи мало мною доволенъ, пошелъ тотчасъ къ Г. Фр. и къ Г. Г. **, дабы принудили они дать мнѣ ему болѣе.

Жидъ мой меня также оставилъ, со мною не простясь, и послѣ, какъ я заплатилъ ему то, въ чемъ мы съ нимъ договорились, то онъ унесъ съ собою многія бездѣльныя вещи. Его одобрялъ мнѣ въ *Бакчисараѣ* одинъ Муфтій и другіе люди, говоря, что онъ былъ человѣкъ рачительный и честный, и по правдѣ сказать, что во все время моего путешествія, не имѣлъ причины жаловаться на его вѣрность и поведеніе. Я находился еще тогда въ невѣдимости, отъ зависти ль сродной его націи, или по своему непостоянству предпріялъ онъ путь,

Въ тогдашнее время старался я завесть знакомство съ Франками, и увидѣлъ, что ихъ обхожденіе было дружеское.

Они грубы и другъ другу не довѣрясь, жили между собою вѣжливо.

Сверьхъ моего чаянія встрѣтился я съ старымъ Лѣкаремъ Сераскира Паши въ *Кафѣ*, который повелъ меня тотчасъ къ своему брату, первому въ Сералѣ Лѣкарю. Онъ какъ скоро узналъ, что я имѣлъ нѣко-

торое

торое почтенiе и учтивость къ его брату въ *Кафѣ*, то принялъ меня ласково, и съ женою своею оказывали по мнѣ всякую свою благосклонность и любовь, а посредствомъ сего Лѣкаря имѣлъ я случай наконецъ видѣть все то, что было примѣчанiя достойнаго въ Константинополѣ.

Между тѣмъ увѣдомился, что прежнiй Консулъ, или Министръ при Дворѣ Татарскомъ Г. Баронъ Тоттъ прiѣхалъ съ своею фамилiею сухимъ путемъ въ *Перу*. Я немѣдлено пошелъ къ нему для отданiя своего поклона; а онъ оказавъ великое удовольствiе въ благополучномъ моемъ прибытiи, разсказалъ мнѣ о своихъ нещастiяхъ.

Вскорѣ послѣ смерти Хана Крымскаго, (Гирея) въ Кавшанѣ Мурзы и прочiе Татара, любя весьма своего Владѣтеля, приписывали причину смерти его Барону, объявляя, что сей Министръ побудилъ Хана къ предпрiятiю сего нещастнаго похода въ земли Россiйскiя; по возвращенiи изъ коего сей Владѣтель впавъ въ болѣзнь, скоропостижно и умеръ. Татары по сей причинѣ напали на его домъ. Онъ и люди его спасаясь отъ ихъ бѣшенства бѣгствомъ, принуждены были все оставить. Самъ Консулъ три дни и три ночи скрывался въ ямѣ, откуда онъ былъ избавленъ однимъ къ нему любовiю привязаннымъ старымъ Татариномъ, который посадя его въ свою тѣлегу, благополучно наконецъ привезъ въ Константинополь. Остальная часть людей его разсѣялась; о Секретарѣ жъ Консульскомъ ни какого извѣстiя получить не возможно бы-

ло, что съ нимъ приключилось. Напослѣдокъ Баронъ, иначе Кавалеръ Тоттъ, учинился славнымъ, нашедъ средство укрѣпить *Дарданеллы*, за что Султанъ весьма его почтилъ.

Какъ Константинополь сдѣлался мнѣ непрїятнымъ, то я и старался поспѣшать моимъ отъѣздомъ. Многїе не совѣтовали ѣхать сухимъ путемъ, въ разсужденїи томъ, что войско Турецкое, выгнанное Россїянами изъ Молдавїи и Волохїи, учинило дороги весьма опасными; по чему и вознамѣрился предпрїять путь моремъ, и искалъ корабля, назначеннаго въ *Трїестъ*, но не могъ найти, кромѣ одного Шведскаго, называемаго Франкъ-Масонъ, и долженствующаго при перьвомъ хорошемъ вѣтрѣ пуститься въ *Ливорну*, проѣхавъ *Смирну*. Я познакомился съ Капитаномъ Іоанномъ Генрихомъ Виксомъ, который показался мнѣ человѣкомъ разсудительнымъ, потребуя съ меня за провозъ и пищу весьма умѣренную цѣну.

По приведенїи въ порядокъ свои дѣла, и ожидая нѣсколько дней, надлежало вдругъ садиться на корабль, и вѣтеръ казался быть благопрїятствующимъ: но какъ скоро мы вошли на оный, какъ вдругъ оный перемѣнился, и сдѣлался столь порывистымъ, что Капитанъ и я принуждены были возвратиться въ *Перу* на старую нашу квартиру.

Во ожиданїи благополучнаго вѣтра, часто хаживалъ изъ *Галаты* въ Константинополь съ Гаджи Муссесъ, дабы видѣть тамъ то, что любопытству достойнымъ

быть

бышь казалось. Ни когда, съ нами ничего непрїятнаго не случалось, выключая, что напослѣдкахъ нѣкоторые Гарадшисы (*) насъ остановили и требовали посмотрѣть квитанцїи отъ судебнаго мѣста, въ платежѣ подати. Трое изъ сихъ господъ, узнавъ, что я Нѣмецъ, меня пустили, но четвертой не хотѣлъ повѣрить моимъ словамъ. Какъ я не могъ показать ему своего пашпорта, по причинѣ той, что его оставилъ на кораблѣ, то и надобно было мнѣ слѣдовать за нимъ въ Судебное мѣсто. Засѣдающїй тамъ Паша, не выслушавъ почти отъ меня причинъ, приказалъ не мѣдленно отвесть меня въ темницу, за то, что не было у меня пашпорта и Янычара.

Я показавъ свой кошелекъ, обѣщалъ оный ему отдать, съ тѣмъ, ежели прикажетъ притти кому нибудь отъ Министра меня оправдать. Онъ потребовавъ отъ меня сверьхъ того два куска золота, называемыхъ *Алтунъ*, сказалъ мнѣ, чтобъ я шелъ.

(*.) ГАРАТШИСЫ; суть родъ Турковъ, которые получаютъ подать, называя оную ГАРАТШЪ, и требуютъ ее отъ Султана отъ всѣхъ тѣхъ, кои обитаютъ въ Турецкой Имперїи. Они даютъ не большей лоскутокъ желтой бумаги, гдѣ подписано Султанское имя, такъ и того, коему оный данъ, а при томъ число и день, въ который получена подать. Сей билетъ называется ГАРАТШЪ КЕГАТЪ Человѣкъ богатый платитъ 11 пїястровъ, посредственнаго состоянїя 7, пїястровъ съ половиною, а тотъ, который живетъ своимъ рукомесломъ 5 пїястровъ въ годъ. Всѣ находящїеся подъ протекцїею какого нибудь иностраннаго Министра, тѣхъ билетовъ не получаютъ.

Прежде моего пріѢзду вЪ *Перу*, многіе уже узнали о моемЪ приключеніи. Г. Г. вЪ вечеру одному изЪ своихЪ домашнихЪ приказалЪ меня проводить вЪ Судебное мѢсто, дабы засвидѢтельствовать, что мой пашпортЪ истинной, который я между тѢмЪ времянемЪ отыскалЪ.

КакЪ скоро мы вошли, то одинЪ изЪ КомисаровЪ возвратилЪ мнѢ два *Алтуна*, сЪ нѢкоторыми извиненіями и увѢщаніями. Я сЪ холоднымЪ видомЪ и то другое принялЪ, и сей народЪ по причинѢ сдѢлался мнѢ ненавистнымЪ.

ГЛАВА XVIII.

ПутешествІе изЪ Константинополя вЪ Смирну.

КакЪ СѢверный вѢтрЪ начиналЪ утихать, то 21 числа по утру рано пошелЪ на корабль, вЪ провожаніи нѢкоторыхЪ пріятелей, проводить меня желающихЪ. Около вечера подняли мы паруса, выпаливЪ изЪ пушки, что самое учинили вЪ тоже время многіе и другіе купеческіе корабли. ВыѢхавЪ изЪ гавани, 23 числа при благополучномЪ вѢтрѢ, прибыли подЪ *Дарданеллы* на БѢлое море, вЪ провожаніи многихЪ ФранцузскихЪ и РагузскихЪ судовЪ. Мы принуждены были лавировать и приставать кЪ разнымЪ берегамЪ,

гамъ, дабы найти удобное мѣсто къ брошенію якоря.

Я съ Капитаномъ ходилъ по сухому пути въ замкѣ *Дарданелловъ*, лежащемъ въ Азіи. Онъ лежитъ подлѣ моря, и съ одной стороны окружёнъ широкимъ рвомъ, наполненнымъ водою, который начинается отъ самаго канала. Сей замокъ обнесенъ высокими стѣнами съ башнями, покрытыми отъ матерой земли нѣкоторыми каменными бастіонами, показавшимися мнѣ весьма слабыми и развалившимися. Прошедъ вороты со стороны моря, видѣлъ я пушки, поставленные къ защищенію входа въ каналъ. Тѣ пушки по большей части чугунныя и всѣ удивительнаго калибра. Они не положены на лафеты, но на возвышенную землю, или на подпоры изъ бревенъ, укрѣпленныхъ въ стѣну, дабы тверже держаться могли; по чему одинъ пушкарь долженъ быть въ низу, а другой на верьху, дабы заряжать и палить. Число домовъ, или лучше сказать шалашей тамъ находящихся, по моимъ догадкамъ, не болѣе простирается, какъ до 300, въ коихъ большею частію живутъ Янычары съ своею семьею. Передъ самъ замкомъ большая есть мѣль, по коей во время приливу можно ѣздить на большихъ шлюбкахъ.

Другой замокъ *Дарданеллъ*, лежащій насупротивъ перьваго съ Европейской стороны, показался мнѣ довольно крѣпкимъ. Онъ стоитъ на высотѣ, на которой поставлены четыре большія башни. Мы пробыли нѣсколько часовъ у Французскаго Консула,

и какъ Капитанъ окончилъ свои дѣла, то возвратясь на корабль, поѣхали изъ *Дарданеллъ* (*) 25 числа; но туманъ и дождь около полудня принудилъ насъ опять не далеко отъ замковъ стать на якорѣ, что для насъ весьма было щастливо; прежде ночи жъ претерпѣли мы сильную бурю, продолжающуюся до самаго утра. Сіи замки (**) изъ коихъ первой въ Азіи, а другой въ Европѣ, казались мнѣ не столько укрѣпленными, какъ *Дарданеллы*, хотя они также не давно строены. Каналъ тамъ нѣсколько уже; по чему и артиллерія отъ одной стороны къ другой находится ближе.

Послѣ ужина Капитанъ спросилъ меня, довольно ли я отваженъ. Но какъ я не зналъ, что сіе значило, то отвѣтствовалъ ему, да, когда случай къ тому потребуется. Потомъ открылся онъ мнѣ, что опасается со стороны корабельщиковъ бунту, которые ничего добраго не обѣщаютъ. Его сдѣлали Капитаномъ въ Константинополѣ на мѣсто умершаго, и хотя родился въ Швеціи, но съ самыхъ своихъ молодыхъ лѣтъ служилъ у Англичанъ, и въ первой еще было тогда разъ,

---

(*) Крѣпость, лежащая въ Азіи означается нѣкоторыми писателями подъ имянемъ АБИДОСЪ, а въ Европѣ СЕСТОСЪ; но имянуютъ также ихъ, первую замкомъ Натольскимъ, а другую Романскимъ.

(**) Султанъ Магометъ IV. въ 1658 году состроилъ два другіе замка, коимъ и дали названіе новыхъ Дарданелловъ. Каналъ въ семъ мѣстѣ не болѣе простираеится въ ширину, какъ на одну четверть мили.

разЂ, что онЂ ѣздилЂ подЂ ШведскимЂ флагомЂ; по чему корабельщики, требуя отЂ Министра вЂ Константинополѣ, дать имЂ НачальникомЂ Штурмана, не охотно ему повиновались. ОнЂ ни кого вѣрнаго другаго себѣ не имѣлЂ, какЂ одного шкипора; а протчїе всѣ были весьма худые подчиненные.

Они знали, что были многїе ящики сЂ деньгами, назначенные вЂ *Смирну*, бывшїе вЂ каютѣ; по чему и весьма возможно покуситься имЂ взбунтоваться, и умертвивЂ также меня, дабы не измѣнилЂ, спастись сЂ кораблемЂ. И такЂ КапитанЂ просилЂ меня, чтобЂ я оставивЂ свою каюту, спалЂ вмѣстѣ сЂ нимЂ.

ОнЂ велѣлЂ тотчасЂ собственно для меня повѣсить Гамаку; (койка) всѣ ружья были заряжены, и все приготовлено; входЂ вЂ покой, гдѣ находились сЂѣстные припасы былЂ припертЂ, а сверьхЂ того трое крѣпкїе двери, вЂ которыя должно войти, прежде, нежели вступить на бортЂ, были заперты желѣзными затворами и укрѣплены брусьями, принявЂ всевозможныя кЂ защищенїю своему предосторожности. КапитанЂ во всю ночь не смыкалЂ глазЂ; что жЂ до меня касается, то я, хотя корабль и безпрестанно качало, гораздо лучше спалЂ вЂ гамакѣ, нежели вЂ своей каютѣ, и какЂ сїю, такЂ и послѣдующїя ночи препровождалЂ спокойно.

Время наконецЂ сдѣлалось ясно, и мы 26 числа рано по утру поднявЂ якорь, чрезЂ два часа находились внѣ канала Бѣлаго моря, и вЂѣхали вЂ Средиземное. Мы вскорѣ изЂ

виду

виду потерявъ то мѣсто, гдѣ сказываютъ въ старину была Троя, дѣйствительно увидѣли многіе острова въ *Архипелагѣ*. Островъ *Тенедосъ*, куда мы прибыли въ тотъ же еще вечеръ, находился передъ нами, гдѣ и остановились, дабы запастись виномъ, и взять оттуда Греческихъ купцовъ, бывшихъ изъ числа тѣхъ, кои наняли нашъ корабль.

Сей островъ въ окружности своей имѣетъ три мили Нѣмецкихъ, и изобиленъ въ славномъ винѣ, которое много походитъ на Бургонское, вывозимое во всю Западную часть.

Близь гавани есть большей городъ, гдѣ въ шалашахъ по большей части обитаютъ Греки, весьма великіе обманщики. Замокъ, лежащій на небольшей высотѣ имѣетъ стѣны и башни весьма толстыя: но не смотря на все то онъ весьма вѣтхъ. (*)

Надобно было корабль оттянуть въ гаванѣ, которая весьма узка и окружена каменьями. Когда мы одинъ разъ туда вошли, то Капитанъ укрѣпилъ свой корабль четырмя якорями, двумя въ переди и двумя на зади. Они были намъ весьма полезны отъ бури, которую мы испытали многіе дни сряду, и вѣтры дули съ разныхъ сторонъ.

Какъ нашъ корабль былъ столько же великъ, какъ и военный, и на немъ было до тритцати шести пушекъ, то Турецкой Коммен-

---

(*) Сей островъ, по осадѣ Трои, былъ, какъ сказываютъ, мѣстомъ, гдѣ Греческій флотъ собирался.

Коммендантъ острова почелъ насъ за Россіянъ. Онъ на другой день нашего прибытія велѣлъ сказать чрезъ Консула Французскаго (*) Капитану и мнѣ, чтобъ мы пришли въ замокъ; по чему мы и не умѣдлили то исполнити, и вывесть его изъ заблужденія. Коммендантъ объявилъ, что подарокъ былъ бы ему пріятенъ; и Капитанъ удовольствовалъ его немѣдлено, пославъ къ нему худую трубку съ долгимъ чубукомъ. Не смотря на то почиталъ онъ честь свою защитить обороною, которая состояла въ одной съ половиною пушкѣ, и велѣлъ оную поставить противъ корабля, чему мы весьма смѣялись.

Между 28 и 29 числомъ Октября претерпѣли мы весьма сильную бурю. Вѣтръ вскорѣ сдѣлался Сѣверо-Восточный, соединенный съ безпрестаннымъ градомъ; а наконецъ онъ дулъ со всѣхъ сторонъ. Въ первую ночь корабль такъ бросало, что не возможно было ни стоять, ни лежать.

Хотя Капитанъ прежде ночи принялъ всевозможныя предосторожности, чтобъ уменшить мачты, унизить парусные пружья и укрѣпить корабль двумя крѣпкими канатами къ камнямъ; однакожъ опасался еще, дабы якори и канаты не оторвались, и хорошее судно не разбилось бы о камни. Онъ клялся, ежели сіе случится, то откажется навсегда ѣздить по морю.

Въ

(*) Франція имѣетъ Консула на каждомъ Архипелажскомъ островѣ: но они въ сихъ островахъ такое получаютъ жалованье, что принуждены жить крайнѣ бѣдно.

ВЪ каналѣ *Тенедоскомъ*, между симъ островомъ и матерою землею, находились три большихъ Французскихъ корабля и одинъ Турокъ изъ каравана, которые лишились своихъ якорей и канатовъ. Мы видѣли, посредствомъ ихъ огней прежде полуночи, что оторвавшись плавали вдоль *Тенедоса*. На разсвѣтѣ двое изъ Французовъ оставили упавшій якорь подъ островомъ, а Турка будучи не далеко отъ камней среди канала, лишился всѣхъ своихъ мачтъ. Какъ уже мало помалу сталъ показываться свѣтъ, то третій Французъ и Турка палили много разъ изъ пушекъ, прося помощи. Послѣдній же, по небреженію, а при томъ и не зная самъ, что дѣлалъ, послалъ къ намъ пушечное ядро, которое весьма близко подлѣ насъ упало.

Мы примѣтили, помощію зрительныхъ трубокъ, великое множество на бортѣ Турокъ. И какъ послѣ полудни буря утишилась и валы не столько были уже сердиты, то они спустили въ море большую шлюбку, и старались во весь тотъ день, такъже и въ послѣдующій, спастись на сухомъ пути.

У одного Французскаго корабля сдѣлалась течь, и оный лишился тогда двухъ якорей; но какъ море утихло, то нашъ Капитанъ послалъ нѣсколько матросовъ на помощь, которые и помогли имъ исправиться и отыскать якори; послѣ того жъ, какъ вѣтеръ сдѣлался благополучный, то и отправились въ путь.

Какъ

Какъ мы уже давно запаслись виномъ, то Капитанъ и ожидалъ только хорошаго вѣтру, дабы оставить гавань. Въ сїе время закупилъ онъ многїе тысячи окъ вина, которое тамъ весьма вкусное и недорогое, воспользуясь симъ случаемъ имѣть нѣкоторую выгоду. Матросы, во время пути отсюда въ *Смирну* по злобѣ провертѣли въ новой бочкѣ дыру, въ коей вина было тысяча окъ, и оное выпустили. Капитанъ хотя всячески старался узнать тому виноватаго, однакожъ тщетно. Онъ мнѣ также совѣтовалъ купить вина для продажи въ *Смирнѣ*, дабы прїобрѣсть себѣ прибыли; но какъ мнѣ показалось оное недовольно выгоднымъ, то совѣту его и не послѣдовалъ.

Между тѣмъ нѣкоторыя изъ Турокъ, коихъ корабль погибъ, просили насъ взять ихъ съ собою въ *Смирну*. Я весьма отговаривалъ Капитану, чтобъ онъ на то никакъ не соглашался, особливо, какъ узналъ, что сїи люди возвращающїеся съ войны, были по большой части Арапы, въ числѣ коихъ находилось много бездѣльниковъ Франковъ. Однако жъ Капитанъ для полученїя себѣ денегъ, взялъ сихъ негодныхъ людей 40 человѣкъ, но по совѣту моему надлежало отдать имъ все ихъ оружїе и договориться съ ними взять за провозъ сходную цѣну. Многїе находились изъ нихъ такїе, что не имѣли ни одной полушки, и ихъ надобно было везти даромъ, и препоручая на ряду съ протчими карабельщиками исправлять имъ нѣкоторыя работы, каждой день довольствовать хлѣбомъ и мясомъ. Какъ вѣтеръ здѣлался благо-

благополучнымЪ, что принуждены были корабельщики корабль тянуть изЪ гавани, и сія работа продолжалась во весь день. 12 числа *Декабря* ночью оставили мы островЪ *Тенедосъ*, и около полудни находились близь острова *Метелина*, на берегу котораго примѣтили остатки большаго разбитаго корабля, подобныхЪ коему видѣли мы еще два близь Тенедоса.

У насЪ на кораблѣ была большая обезьяна, которая сЪ онаго соскочила вЪ большую шлюбку, кЪ кораблю привязанную. КакЪ безпрестанное біеніе волнЪ препятствовало ей вскочить опять на корабль, то начала она горько плакать; а наконецЪ вскочила на веревку, привязанную кЪ шлюбкѣ, но будучи отброшена волною, упала вЪ море. Она наконецЪ нѣсколько времени около корабля плавала, и выбившись изЪ силЪ утонула.

КапитанЪ и корабельщики весьма о ней соболѣзновали: ибо сія обезьяна увеселяла всѣхЪ на кораблѣ, подражая матросамЪ во всѣхЪ ихЪ дѣйствіяхЪ.

Не смотря на противныя безпрестанно дующія вѣтры, такЪ какЪ и на штиль, прибыли наконецЪ вЪ заливЪ *Смирны*, гдѣ мы испытали еще небольшую бурю. Я столько привыкЪ кЪ морскому пути, что смѣялся трусости ТурокЪ, приносящихЪ молитвы и испускающихЪ крики при всякомЪ разѣ, когда корабль приводило вЪ движеніе и ударяло волнами. Мы увидѣли *Смирну* 16 Декабря, и противный вѣтерЪ принудилЪ насЪ стать на якорѣ близь мѣла находящейся не подалеку отЪ крѣпости.

Сія крѣпость лежитъ отъ города въ одиннатцати миляхъ Турецкихъ, или около одной мили Нѣмецкой, по правую сторону входа въ гавань, которому обыкновенно даютъ названіе Рейда; сіе старое строеніе не имѣетъ ни какого виду, и совсемъ развалившееся, по притчинѣ недалеко находящейся мѣли, такъ, что входъ въ гавань едва имѣетъ четверть мили ширины, откуда удобно бы было палить изъ пушекъ на супротивную сторону.

18 Декабря, передъ Смирною стали мы на якорь, дабы возможно намъ было запастись въ сей землѣ всѣми для насъ нужными припасами. Какъ городъ отстоялъ еще на нѣсколько миль Турецкихъ, то я по причинѣ дождя, бывшаго во весь тотъ день, остался на кораблѣ, а на другой день съ Капитаномъ своимъ сошелъ на сухой путь.

Мы наняли квартиру въ Голандскомъ трактирѣ у Вандераланена. Хозяева мои были хорошіе, добрые и честные старики, коимъ платилъ я за квартиру и за столъ по одному піастру въ день, хотя кушанье было и не изъ лутчихъ. Спустя нѣсколько дней послѣ моего прибытія, ходилъ я на поклонъ къ Графу Гожепьеду, нашему Консулу, бывшему въ то же время Консуломъ Голандскимъ, и къ Господину Драгаличу, къ коимъ имѣлъ изъ Константинополя одобрительныя о себѣ письма.

Они меня весьма хорошо приняли, много разъ у нихъ обѣдывалъ, и званъ былъ въ новой годъ на большей балъ, Консуломъ данной; онъ былъ великолѣпный, но музыка была посредственная, и такая, какая обыкновенно

бываетЪ у ФранковЪ. Я тутЪ познакомился со многими единоземцами и Голандскими Капитанами, которые часто водили меня на свои корабли, гдѣ имѣлЪ случай видѣть, какимЪ образомЪ нагружали оные хлопчатою бумагою. Работа сія показалась мнѣ весьма отмѣнною: ибо кипы сего товара, покупаемаго вЪ Смирнѣ, и имѣющаго вѣсу отЪ двухЪ до трехЪ квинтовЪ, столь крѣпко угнѣтены машинами кЪ тому употребляемыми, что не болѣе имѣютЪ трехЪ футовЪ вЪ длину, одного сЪ половиною вЪ ширину, и одного сЪ половиноюжЪ вЪ толщину, кои и кладутся вЪ одно отверстіе, имѣющее вЪ окружности едва одинЪ футЪ.

Большая часть купеческихЪ ГоландскихЪ кораблей, которые обыкновенно для сего товара сдѣланы весьма крѣпки, нагружена отЪ 1500 до 2000 кипЪ. Не смотря на прилагаемое кЪ тому стараніе, повреждаются всегда на бортѣ перилы и корабельное дно, такЪ, что когда уже со всемЪ нагрузятЪ, принуждены конопатить вновь.

КакЪ корабль нагрузятЪ хлопчатою бубумагою, и ежели усмотрятЪ течь, то выкачиваютЪ воду насосомЪ до тѣхЪ порЪ, пока не можно будетЪ пристать кЪ берегу, гдѣ наклоня корабль на бокЪ, законопачиваютЪ то отверстіе, откуда показалась течь; естьли жЪ оная случится внутри, то дойти до того никакЪ не возможно.

ВЪ первый день нашего прибытія, Шведской мой КапитанЪ предЪувѣдомилЪ меня, что наемщики корабля вознамѣрились ѣхать

не

не въ *Ливорну*, а въ *Голландію*; по чему почитая, что сія дальность мнѣ не можетъ быть выгодна, обѣщалъ дать мнѣ одобрительное письмо къ одному Шведскому Капитану, который вскорѣ прибудетъ изъ Константинополя въ *Смирну*, гдѣ онъ пробывъ весьма малое время, поѣдетъ прямо въ *Анкону*, объявляя при томъ, что тотъ Капитанъ былъ его искренней другъ и человѣкъ весьма честной. Сіе извѣстіе меня много огорчило, и не хотѣлъ разлучиться съ достойнымъ симъ Начальникомъ. Какъ я сталъ у него спрашивать, что онъ хочетъ взять за мой сюда провозъ, то онъ доволенъ былъ за оный и за пищу 15 піястрами. Я во время долгаго сего пути вдвое почти сей суммы выпилъ на его корабле Понтакскаго вина, выключая того, что я совершенно довольствованъ былъ всякою пищею.

Какъ корабль его назывался Франкъ-Масонъ, и онъ носилъ званіе такое самъ, то хотѣлъ склонить и меня принять оное, по тому, что всѣ Консулы, и многіе купцы изъ *Смирны* были всѣ Франкъ-Масоны, обѣщая принять меня опять на свой корабль, и довольствовать всѣми выгодами, какія я прежде того имѣлъ. Сверьхъ своей честности и пріятности, былъ онъ при томъ славный мореходецъ. Онъ принужденъ былъ оставить *Смирну*, не могши проститься со мною и съ протчими пріятелями по слѣдующей притчинѣ.

Турки думая, что Пасажиры намѣрены были возвратиться съ товарами своими въ Петербургъ, хотя мысли ихъ и со всемъ

не основательны были, пошли къ Музеливу [Губернатору], прося его остановить корабль. Какъ Капитанъ и Пасажиры узнали напередъ о сей ихъ поступкѣ, то отправились ночью, такъ, что корабль на другой день по утру находился уже внѣ гавани, избавясь поисковъ Губернатора *Смирны*. Шведской Консулъ, въ разсужденіи сего испыталъ наконецъ многія беспокойства.

Между тѣмъ нашелъ я небольшой корабль съ двумя мачтами, называемой Сентъ Висентъ, назначенный ѣхать въ *Тргестъ*. Съ начала Капитанъ не хотѣлъ слушать, чтобъ быть мнѣ на его содержаніи: ибо обыкновенно столъ на такихъ корабляхъ, такъ какъ и на Французскихъ, весьма худой. А какъ я его не отступно въ томъ просилъ, то онъ запросилъ за столъ и за провозъ чрезвычайно дорогую цѣну; по чему вознамѣрясь имѣть особливое для себя кушанье, договорился только о моемъ провозѣ, за который цѣна не многимъ чѣмъ меньше была противъ требуемой имъ прежде; а сверьх того принужденъ былъ ожидать долгое время, пока корабль въ готовности былъ отправиться въ путь.

Тогда всѣ говорили о войнѣ, и всякой опасался возмущенія, по чему какъ Франки, такъ и Греки весьма того остерегались. Въ городѣ находилось великое множество разбойниковъ и бѣжавшихъ изъ Арміи, которые оказывали всякія злодѣйства и безчеловѣчія. Они учинили нападеніе на домъ Французскаго Консула, раззорили *Терасъ*, за

тѣмъ,

тѣмъ, что онъ находился насупротивъ дому, принадлежащаго Турку.

Одинъ бездѣльникъ Турокъ вбѣжалъ въ домъ одного Жида, гдѣ встрѣтилась съ нимъ за воротами чреватая Жидовка, которой онъ разрубилъ брюхо своей саблей, такъ, что младенецъ упалъ на земь, и сія несчастная женщина спустя нѣсколько минутъ, испустила духъ. Турокъ отошелъ съ весьма веселымъ видомъ, такъ, какъ будто бы онъ сдѣлалъ какое храброе дѣло, и никто не отважился его остановить.

Сынъ моего хозяина, имѣющій отъ роду 15 лѣтъ, встрѣтился въ вечеру съ однимъ Туркомъ, который столкнулъ его съ городской стѣны въ море, гдѣ бы онъ дѣйствительно потонулъ, ежели бы многіе Греки не прибѣжали къ нему на помощь.

Я бы не могъ пересказать, ежели бы только захотѣлъ, всѣ ужасныя поступки сихъ варваровъ: ибо нѣтъ злѣе и свирѣпѣе, какъ подлаго народа Турецкаго.

При отъѣздѣ нашемъ пошелъ я съ моимъ Капитаномъ къ Рагускому Консулу для отысканія нашего патента: мы оный получили такъ, какъ *Слорко*, не смотря на то, что уже не говорили болѣе о моровой язвѣ, хотя въ нѣсколько дней и померло народу болѣе обыкновеннаго; а причина тому была слѣдующая: ибо находились многіе Аглинскіе корабли, ожидающіе чѣмъ бы нагрузиться. Французскіе Капитаны охотно желая съ своей стороны воспрепятствовать нагруженію товарами ихъ кораблей, дабы чрезъ то можно было воспользоваться-

ся симъ случаемъ самимъ, ожидая съ нетерпѣливостію каравана, и дабы принудить ихъ отъѣхать, вселили въ нихъ страхъ, разсѣявъ слухи о моровой язвѣ; по чему Агличане не держащіе карантину, принужденными нашлись уѣхать съ пустыми кораблями.

ГЛАВА XIX.

Отъѣздъ изъ Смирны чрезъ Тріестъ въ Вѣну.

Всѣ мои пріуготовленія къ отъѣзду были сдѣланы; дѣла съ таможнею приведены въ порядокъ, и я 22 Генваря въ вечеру сѣвъ на корабль, передъ разсвѣтомъ оставили *Смирну*, увидѣвъ въ тотъ же день *Архипелагскій рай*, славный островъ *Хіо*.

Я весьма сожалѣлъ, что не могъ ближе разсмотрѣть сей прелестный островъ, бывшій нѣкогда славный и цвѣтущій, который изобиловалъ преизряднымъ виномъ и хорошими плодами.

На другой день подвинулись мы къ сему острову гораздо ближе, и увидѣли вдоль береговъ его мачты Французскаго потопшаго корабля. Лишь только проѣхали сей островъ, то претерпѣли жестокую бурю, которая не воспрепятствовала намъ миновать острова *Тина*, хотя невеликаго и гористаго, однакожъ весьма плодоноснаго,

и мы убѣжали въ гавань острова *Скироса*, гдѣ и принуждены были остаться пять дней, пока буря, которая отчасу болѣе умножалась, по причинѣ Сѣвернаго вѣтра, не утихла.

Островъ *Скиросъ* въ окружности своей имѣетъ около двухъ миль Нѣмецкихъ, и окруженъ высокими горами и каменьями. Входъ въ гавань, находящейся къ Сѣверо-Восточной сторонѣ, весьма опасенъ. Сверьхъ того увидѣли еще развалины стариннаго города *Скироса*, который казался быть довольно знатнымъ. На концѣ гавани есть гора на подобіе сахарной головы, окруженная другими высокими горами. Всѣ окрестности, даже до вершины, украшены домами изъ бѣлаго мрамора состроенными; а на самой вершинѣ находится не весьма знатное строеніе, гдѣ обитаетъ Турецкій Комендантъ, коего посредственный доходъ не дозволяетъ сдѣлать большаго украшенія. Сей островъ изобилуетъ разными плодами и виномъ, которое хотя и весьма дешевое, однакожъ не самое лучшее; воздухъ же тамъ сырой и холодной.

Изъ *Скироса* проѣхали мы почти всю остальную часть *Архипелага*, не претерпѣвъ ни какого нещастія, и достигли береговъ *Мореи*, гдѣ море весьма волновало. Пустясь вдоль мыса Морейскаго миновали островъ *Цериго* [*] и крѣпость Модонскую, при-

(*) Островъ Цериго или древняя Цитерея принадлежитъ Венеціанцамъ, и сей небольшой островъ каменистый и плодоносный. Оный въ древнія времена посвященъ былъ ВЕНЕРѢ, богинѣ любьви.

принадлежащую Туркамъ. Между тѣмъ противный вѣтръ и *Сирохо*, или вѣтеръ полуденный, въ тогдашнее время весьма для насъ необходимый, принудилъ поворотить назадъ, и прибило въ каналъ Модонскїй, гдѣ и пробыли мы нѣсколько дней, на супротивъ острова того же имяни. Я съ корабельщиками проѣзжая каналъ, осматривалъ крѣпость; но какъ сказывали, что не подалеку стояли Россїйскїе корабли, (*) то я не отваживался отдаляться. Та крѣпость издали показалась мнѣ довольно крѣпкою и пространною: Стѣны и башни построены по старому обыкновенїю; наружное жъ строенїе каменное, и по новому сдѣлано вкусу.

Оттуда направили свой путь при довольно благополучномъ вѣтрѣ въ *Зантъ*. Недалеко отъ сего острова, увидѣли мы большїй Венецїанскїй корабль, на которомъ сказывали намъ, что военный корабль флота Россїйскаго, имѣющїй отъ 60 до 70 пушекъ, дѣйствительно стоялъ на якорѣ, подлѣ *Занта*. Капитанъ нашъ не зная, какїя бы были покушенїя Россїи, въ разсужденїи *Рагузы*, не усматривалъ ни чего добраго отъ такой встрѣчи, и прилагалъ всѣ свои старанїя отъ онаго отдалиться, хотя весьма сильный вѣтеръ противъ воли нашей насъ туда и понуждалъ. Въ вечеру увидѣли мы Россїйскїй корабль, который не преставалъ разъ-

(*) Часть Россїйскаго флота, разсѣвающая страхъ въ Архипелагѣ, въ началѣ сего мѣсяца отправилась въ путь противъ умыслу Турокъ, дабы проѣхать Гибралтарскїй заливъ.

разъѣзжать около гавани ; но въ ночь отъ насъ онъ отдалился, и крейсировалъ между сосѣдственными островами. Такимъ образомъ продолжая, какъ ту ночь, такъ и послѣдующій день свой путь, подражали мы разъѣзду Корсаровъ, дабы насъ примѣтить не льзя было.

Мы увидѣли еще близь *Кефалонїи* два корабля, кот рые и почли за Россїйскїе.

Хотя предвѣщало намъ приближающуюся бурю, однакожъ Капитанъ не хотѣлъ становиться на якорь ; и вѣтеръ будучи благополучный, хотя и начиналъ дѣлаться весьма жестокимъ, но онъ продолжалъ путь, и прежде ночи проѣхавъ мы острова, направили бѣгъ свой въ *Кефалонїю* ; почему вскорѣ находясь на открытомъ морѣ претерпѣли гораздо прежнихъ сильнѣйшую бурю. Вѣтеръ былъ Полуденно-Восточный, слѣдственно и весьма благоприятствующїй, чтобъ въѣхать намъ въ заливъ Адрїатическїй. Мы принуждены были опустить всѣ наши паруса, выключая на большей мачтѣ, въ которой приняли мы надлежащїя мѣры, дабы ночью не наѣхать на камни, находившїяся близь *Корфу*, коихъ бы мы безъ предосторожности избѣжать ни какъ не могли.

9 Февраля, *Корфу* по утру остался у насъ къ Восточной сторонѣ ; и мы благополучно проѣхали между двухъ небольшихъ островов ъ, окруженныхъ каменьями и мѣлью. Тутъ увидѣли мы остатки погибшаго корабля, что самое и подало намъ причину къ печальнымъ разсужденїямъ въ обстоятельствахъ, въ коихъ мы находились.

Какъ море съ Восточной стороны не совсемъ было безопасное; но на противъ того все открыто, даже до самой *Варварїи*, то около вечера начало еще болѣе волновать, и волны со всѣхъ сторонъ подымались до самаго борту корабельнаго. Ночью я весьма испугался, какъ расколовшаяся у кормы доска, прошла въ окошко каюты, которая наполнилась водою.

Другая волна ударила объ одинъ бокъ съ великимъ шумомъ, такъ, что всѣ Пасажиры начали призывать на помощь Бога. Корабль былъ больше въ водѣ, нежели на верьху и почитали, что половина онаго потибла; по чему мы тогда поставили два небольшїя паруса. Болѣе всего боялись, чтобъ волна ихъ не сломила: матрозы кричали: *Трамонтано* [Сѣверный вѣтръ] и хотѣли перемѣнить управленїе парусовъ; но въ ту же самую минуту увидѣвъ свою ошибку, продолжали управлять по прежнему. По полуночи достигли мы входа въ заливъ, и примѣтили, что волны начали утихать, по тому, что море было закрыто и сжато мысомъ.

10 Февраля между 9 и 10 часовъ утра находились мы на супротивъ *Рагузы*; и я наконецъ на картѣ увидѣлъ, что въ двѣ ночи и одинъ день проѣхали мы около 300 миль Италїянскихъ.

Вѣтеръ будучи благополучный воспрепятствовалъ намъ войти въ *Рагузу*, такъ, какъ Капитанъ имѣлъ намѣренїе; и мы ѣздили между *Далмацїею* и островами *Мелитою* и *Корзулою*. Въ разсужденїи тихой погоды приставъ къ сему послѣднему, стали

ли на якорѣ передъ деревнею, принадлежащею Рагузѣ, гдѣ наши два сопутешественника, лишившіеся по нещастію во время бури своихъ кораблей, и бывшіе оба Рагускіе Капитаны, выкинуты были на сухій путь, и по многихъ затрудненіяхъ привезены на шлюбкѣ въ лазаретъ Рагускій.

Пробывъ тутъ 5 дней, пустились мы опять въ путь; но какъ погода сдѣлалась противною, то и надлежало намъ убѣжать въ небольшій островъ, лежащій на одной сторонѣ *Истріи*, гдѣ и принуждены оставаться 15 дней и ожидать благополучнаго вѣтра: ибо во все сіе время буря была безпрестанная.

Матрозы въ то время прилагали всевозможное стараніе достать себѣ, какъ въ семъ, такъ и въ сосѣдственныхъ островахъ нѣкоторыя свѣжія провизіи, накупивъ куръ и нѣсколько яицъ. Но какъ приближался постъ, то мы и того найти больше не могли, а рыбы тамъ весьма сыскать рѣдко можно. Между тѣмъ моя провизія отъ части была съѣдена, а частію испорчена; и я предвидѣлъ въ оной большей недостатокъ. Капитанъ въ утѣшеніе мнѣ увѣрялъ, что какъ скоро благополучный будетъ вѣтеръ, то пріѣдемъ въ два дни въ *Тріестъ*. Наконецъ мы оставили сей островъ, и благополучно миновавъ мѣсто, называемое *Карнигеръ*, находились подъ мысомъ Истрійскимъ и ѣхали вдоль берега; а послѣ того проѣхавъ *Пирамо*, не болѣе разстояніемъ отъ *Тріеста*, какъ на одну милю, продолжали

путь

путь свой цѣлый день, хотя вѣтеръ былъ и противный. Наконецъ 6 Марта находились мы передъ гаванью, гдѣ не смотря на вихорь, который называютъ тутъ *Бора*, отгоняющій насъ назадъ, съ великимъ трудомъ могли мы найти выгодное мѣсто для брошенія якоря.

7 Марта въ вечеру, какъ вѣтеръ утихъ, то корабль помощію шлюпокъ ввели въ гавань, гдѣ мы въ 11 часовъ вечера бросили якорь. Путешествіе наше отъ *Смирны* даже до сего мѣста продолжалось 43 дни.

На другой день по утру, по совершенномъ осмотрѣ и по принятіи клятвъ отъ всѣхъ находившихся на кораблѣ, позволено войти въ гавань новаго карантина.

Какъ не дозволено было выпти на сухій путь прежде трехъ дней, то мы просили снабдить насъ съѣстными припасами, въ разсужденіи, что 9 дней принужденъ я былъ довольствоваться сухарями и водою. Во все сіе время Капитанъ и его служители питались пшеномъ и вареными въ маслѣ бобами, и нѣкоторыми морскими устрицами. Вино, которое онъ пилъ было изъ *Кироса* и весьма сладкое; а какъ я ко всему тому, что было варено въ маслѣ, такъ какъ и къ сладкому вину имѣлъ отвращеніе, то и питался однею водою и сухарями.

По прошествіи трехъ дней назначили мнѣ квартиру въ лазаретѣ, и дали мнѣ одного пристава, разумѣющаго нѣсколько по-варенному.

Время карантину, продолжающееся 45 дней, окончилось, и я болѣе 8 дней пробылъ

былъ въ *Тріестѣ*. Дульцигноты (*) и Барбарески (**), по одѣянію моему половинѣ Татарскому и половинѣ Турецкому, почли меня за Россіянина, а нѣкоторые за козака.

Изъ *Тріеста* въ Вѣну пріѣхалъ я такъ скоро, сколько мнѣ возможно было, и въ сей послѣдній городъ прибылъ 4 Маія. Мое путешествіе продолжалось 19 мѣсяцовъ. Благодаря Всевышнему, избѣжалъ я, какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути благополучно всѣ опасности, пользуясь во все то время совершеннымъ здравіемъ.

(*) ДУЛЬЦИГНОТЫ, суть жители города ДУЛЬЦИГНО въ Албаніи, лежащей въ заливѣ Дринскомъ, которые имѣютъ нѣкоторую торговлю съ Венеціею и ТРІЕСТОМЪ. Они, такъ какъ ихъ соcѣди, весьма смѣлые во всѣмъ свѣтѣ морскіе разбойники и выходя часто на берега Италіи грабятъ и увозятъ христіянъ, коихъ они дѣлаютъ своими невольниками.

(**) БАРБАРЕСКИ, подъ симъ именемъ разумѣются разбойники береговъ Варваріи, такъ какъ Алжирскіе, Туниские и Трипольскіе.

КОНЕЦЪ.

ДОПОЛНЕНІЕ.

ГЛАВА XX.

О земляхъ и городахъ, лежащихъ какъ на берегахъ рѣки Дуная, такъ и въ Бессарабіи, и о ихъ жителяхъ.

Хотя примѣчанія, учиненныя мною особливо о *Крымѣ* и протчихъ земляхъ Европейской Турціи, можетъ быть покажутся Читателямъ моимъ упущеніемъ къ пространному описанію дневныхъ записокъ, и малыми прилагаемыми трудами къ совершенному понятію о *Крымѣ*; однакожъ когда нибудь могутъ оныя быть и полезны Географу или Историку: ибо они возпользуясь сими примѣчаніями, столько вѣрно учиненными мною на всякія мѣста, почерпнутъ оныя такъ какъ изъ источника.

Города и села, лежащія отъ Бѣлграда въ Волохіи и Молдавіи, и по правую руку перешедъ Дунай, вообще сказать, не заслуживаютъ ни какого вниманія, и построены безъ малѣйшаго порядка и ни какой не имѣютъ пріятности. Близь многихъ городовъ видны остатки стѣнъ, которыя въ старину, не иное что были, какъ заборъ; сверьхъ оныхъ есть еще и другія, гдѣ не примѣтно ни какого слѣда. Большія дороги и улицы, бывшія нѣкогда вымощенныя плитою и кирпичемъ, остались безъ того и другаго.

другаго. Жители для чищенія оныхъ весьма лѣнивы, и трудно сыскать средство, къ тому ихъ принудить. Когда пойдетъ дождь, то съ трудомъ можно выдрать я изъ грязи, и повозки часто остаются болѣе до половины погрязнувшими. Правда, хотя для пѣшихъ людей сдѣланы по обѣимъ сторонамъ каменные, или деревянные мостки, положенные на концѣ улицъ на толстые камни, съ которыхъ на другіе перепрыгиваютъ; однакожъ забрызгиваются грязью или отъ повозокъ, или отъ конныхъ людей, отъ чего мостки бываютъ столь узки, что съ трудомъ въ рядъ двоимъ человѣкамъ пройтить можно; а отъ сего часто происходятъ ссоры и доходитъ до самой драки.

Большія дороги ни когда не чистятся, и въ ненастливое время обыкновенно бываетъ великая грязь, и для повозокъ весьма трудная. Извощики часто принуждены ихъ оставлять и прокладывать другія всякой разъ, когда необходимость того требуетъ, объѣзжая многія мили.

Джами или Мечети, для коихъ Турки обыкновенно издерживаютъ много денегъ, въ сихъ городахъ состроены изъ худаго камня и дерева; а наружность оныхъ обмазана весьма худо и безъ всякаго украшенія; въ столичныхъ же городахъ *Крыма*, такъ, какъ въ Константинополѣ, Смирнѣ и протчихъ тому подобныхъ, оныя мечети весьма великолѣпны.

Самыя

Самыя большія строенія состоятъ обыкновенно изъ одного етажа, и рѣдко о двухъ; а большая часть домовъ состроены изъ земляного кирпича и покрыты черепицею. У нѣкоторыхъ стѣны сдѣланы изъ лозы, наподобіе плетня, которыя обмазываютъ извѣстью, смѣшивая съ коровьимъ и лошадинымъ каломъ, покрывая тростникомъ или драницой. Стѣны, также и полъ внутри покоевъ, обыкновенно дѣлаются изъ кирпича и извѣсти, и такое строеніе оканчивается и сушится въ два дни, особливо когда раскладываютъ для того большій огонь.

У знатныхъ Турокъ стѣны обиты коврами и убраны панелями, подлѣ коихъ поставлены софы, и такимъ образомъ покои дѣлаютъ хорошій видъ; у другихъ же, особливо по большой части у Армянъ полъ покрывается ковромъ или плетенымъ тростникомъ, а мѣсто, гдѣ обыкновенно садятся, сдѣлано изъ нѣсколько подушекъ; окромѣ сихъ небольшихъ уборовъ во всемъ домѣ ничего не найдешь.

Въ сей землѣ у бѣдныхъ людей окончины зимою сдѣланы изъ листьевъ, или бумаги, а иногда, что однакожъ рѣдко, вкладываютъ не большій кусокъ стекла, дабы смотрѣть на улицу можно было; лѣтомъ же отнимаютъ сіи окончины и отдираютъ бумагу, оставляя покои на вольномъ воздухѣ.

Строеніе, состоящее изъ одного или двухъ покоевъ, такожъ изъ кухни, погреба и магазина, отдается въ наемъ за десять или двенадцать піастровъ въ годъ. Въ Ганахъ, или вольныхъ домахъ, за покой каждый день

платятъ по одной парѣ, а иногда и за одинъ пиастръ въ мѣсяцъ.

Кофейные домы, нарочито пространные, въ коихъ большая зала убрана по Турецкому вкусу. Хотя кофей, употребляемый въ сей землѣ самъ по себѣ славный, но варятъ его въ кофейныхъ домахъ и у прочихъ весьма худо; употребляемый тамъ шербетъ, весьма походитъ на сиропъ, а при всемъ томъ, не смотря, что кофей готовится худо, еще весьма дорогъ, и за небольшую чашку платятъ одну пару. Тамъ нѣтъ ни чаю, ни другихъ прохладительныхъ питей, равно картежныхъ игръ, кромѣ тавлей; а Турки обыкновенно куря табакъ разговариваютъ о Государственныхъ и политическихъ дѣлахъ. Игры, которыя я видѣлъ въ тѣхъ кофейныхъ домахъ, весьма простыя и похожія на ребяческія: ибо мущины не стыдятся забавляться съ малыми робятами разными съ ними играми.

ГЛАВА XXI

О съѣстныхъ припасахъ.

Хлѣбъ дѣлается изъ хорошей ржи, которая тамъ весьма свѣжая, и былъ бы весьма сытенъ и вкусенъ, ежели бы всегда его хорошо пекли. Тамъ употребляется другаго рода хлѣбъ изъ пшеницы, который пекутъ иначе, и бываетъ столько же твердъ. Хлѣбъ предпочитаютъ обыкновенному хлѣбу, но я оный не нашолъ хорошимъ, и Турки въ военное время и во время мореплаванія крошутъ въ сухари. Говядина вообще тамъ не весьма хоро-

хорошая; но телятина гораздо лутче вкусомъ Нѣмецкой, и когда приготовляютъ оную съ пряными кореньями, тобы можно ѣсть каждый день, не потерявъ ни какого вкуса. Въ сей землѣ коровъ весьма мало, и тамъ также рѣдко у Христіянъ бываютъ копченые окорока.

Вино, какъ въ Бѣлградѣ, такъ и вездѣ весьма худое и отъ питья отвратительное, и оное иногда бываетъ сладкое, кислое, мутное и при первомъ вкусѣ дающее отвращеніе. Какъ виноградъ весьма сладокъ, то надобно бы Туркамъ дать время ему созрѣть, но дѣлая изъ онаго воровски вино, Янычары и подлый народъ, бѣгая по деревнямъ, насильно отнимаютъ у крестьянъ. Оні весьма дивятся, когда скажутъ имъ, что въ Нѣмецкой землѣ есть весьма хорошее вино, которое хранятъ многіе годы.

Въ *Ковшанахъ* хотя вино и посредственное, но дорогое. Въ *Крыму*, особливо въ *Бакчисараѣ* есть довольно вкусное Австрійское вино, которое однако жъ не весьма острое. По прибытіи моемъ, око (*) продовалось отъ пяти до шести бешлыковъ, или около десяти штиверовъ. Водка, которую обыкновенно употребляютъ Жиды, смѣшена съ водою и весьма дорогая. Во всѣхъ городахъ воду продаютъ, и жители искать оной весьма лѣнивы. Гдѣ есть рѣки, то воду употребляютъ на кушанье, а для питья употребляютъ также воду и колодезную, которая рѣдко бываетъ хорошая.

(*) Око имѣетъ вѣсу два съ половиною фунта.

ГЛАВА XXII.

Примѣчанія о войскѣ Турецкомъ и Татарскомъ.

Большая часть изъ Турокъ, обитающихъ въ земляхъ въ доль рѣки Дуная, *Бессарабіи*, и по другую сторону, весьма еще дики, невѣжественны и варвары, а для сего и не столь политичны, какъ въ Константинополѣ и въ другихъ Восточныхъ городахъ. По сему не весьма можно быть безопасну отъ ихъ насильствъ: ибо рѣдко случается чтобъ сыскать правосудія на чинимыя отъ нихъ иностранцамъ ругательства; а есть ли и получишъ, но ни какъ уже не льзя избѣгнуть за то ихъ мщенія и бѣшенства.

Въ Турціи всѣ солдаты, и при начатіи войны нѣтъ ни одного, который бы не пылалъ желаніемъ быть въ полѣ. Ежели предвидится дѣло худое, то Герой изчезаетъ, и тотъ же самой, который при великомъ крикѣ просилъ взять его противъ непріятеля сражаться, утекаетъ уже безъ всякаго шуму и возвращается домой.

Не смотря на сіе Султанъ имѣетъ великую выгоду, нежели протчіе Государи. Всякой разъ, когда ему за благоразсудится, въ состояніи онъ собрать на границахъ своихъ армію изъ двухъ сотъ тысячь человѣкъ, и по сему можно видѣть власть его въ разныхъ провинціяхъ. Тамъ нѣтъ обыкновенія набирать рекрутъ, поелику силою принудить ни кого не льзя, и не получаетъ ни кто ни одной полушки жалованья. Армія

собн-

собирается въ назначенный срокъ, и оная составляется болѣе, нежели изъ одной трети солдатъ, сверьхъ того, сколько собрать требуется. Правда, что въ настоящей войнѣ подвиги Порты мало похвалы достойны съ такою арміею, колико бы многочисленна она ни была, и не можетъ ни когда имѣть большихъ успѣховъ противъ Европейскихъ державъ, а при томъ впредь еще и менѣе подать можетъ надежды, ежели армія не будетъ изучена военной дисциплинѣ.

Въ прочемъ Турки видя успѣхи Европейцовъ должны всегда быть побѣждаемы, какое бы могущество ихъ ни могло быть. Всѣ ихъ распоряженія какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути весьма худы. Варварство, безпорядокъ, малодушность и суетная слава по всему владычествуетъ.

Армія столь худо составленная, волочитъ за собою великое множество багажа и тяжелую артиллерію, что самое и дѣлаетъ тысячу замѣшательствъ и неудобствъ.

Всякой Мусульманинъ, такъ, какъ уже я сказалъ, нетерпѣливо желающій видѣть себя въ полѣ, обыкновенно жаждетъ красть и грабить немилосердо, купивъ на собственныя свои деньги лошадь и нужное оружіе; а по томъ и становится онъ Спагою, т. е. кавалеромъ.

Когда онъ не въ состояніи имѣть лошади, то записывается въ Янычары, купивъ фузею, пистолетъ, саблю и прочее. Отъ чего и бываетъ, что у нѣкоторыхъ фузеи короткія, у другихъ долгія, а прочее вооруженіе соотвѣтственно ихъ достатку.

Многїе Турки, какъ я въ армїи видѣлъ, снабжены полнымъ арсеналомъ, состоящимъ изъ долгой фузеи въ рукахъ держащей, въ саблѣ и кольчугѣ, сверьхъ того опоясываются поясомъ, убраннымъ кольцами, въ которые кладутъ кинжалъ, ножикъ, пару пистолетъ, два или три картуша; внизу вѣсятъ мнїе съ порохомъ жестяныя лядунки, вещи божественныя и другїя тому подобныя, а сверьхъ всего того кошелекъ, имѣющїй въ себѣ припасы, служащїе для куренїя тобаку.

Съ симъ екипажемъ, сколько неспособнымъ для шествованїя, столько и для сраженїя, и который имъ больше вредителенъ, нежели полезенъ, солдатъ приступаетъ съ суровымъ видомъ, и думаетъ, что вселитъ страхъ и почтенїе къ себѣ отъ всѣхъ на него взирающихъ, и движенїе его весьма тихое и не проворное. И такъ, кто бы могъ принудить его чему обучиться? не одарила ли натура и музульманка разумомъ и всякою способностью? каждый изъ нихъ не есть ли самъ Султанъ, и можетъ ли признавать Государя?

Ихъ Паши и Аги принуждены дѣлать имъ много потворства, и даже въ самыхъ частыхъ возмущенїяхъ стараться усмирить увѣщанїями.

Бонневалъ хотя и прилагалъ труды близь Константинополя двѣ или три тысячи Янычаръ обучать военному искуству, однакожъ и помощїю повседневныхъ за то имъ чинимыхъ подарковъ успѣлъ весьма мало. Безпокойство, причиняемое ему отъ его не-

непріятелей, такъ, какъ разумная и отмѣнная политика Порты, избавили его отъ тѣхъ трудностей. Но при всемъ томъ Турки обязаны Бонневалу *Топаною* (*), и онъ то самый, который ее основалъ въ Константинополѣ, гдѣ льются славныя пушки всякихъ калибровъ.

Татары, зависимые отъ Хана малой Татаріи, противу Турокъ не столько грубы, и качества со всемъ отмѣннаго, и по большей части учтивые, добронравные, вѣжливые и къ наукѣ способные. Но сей народъ неиначе щитаютъ, какъ шайкою разбойниковъ, который не только причиняетъ опасности на большихъ дорогахъ, но и въ самой своей отчизнѣ. Правда, что въ сосѣдствѣ Нагайскихъ Татаръ случаются нѣкоторыя воровства, которыя происходятъ въ разсужденіи удобности къ тому, какъ положенія земли, такъ и другихъ благопріятствующихъ обстоятельствъ.

Какъ они лицемъ и одѣяніемъ своимъ весьма похожи, то почти и разпознать не льзя, и отъ наказанія безопасны, такъ, что иногда и по ихъ лошадямъ примѣтить не можно.

Я видѣлъ въ Ковшанахъ и Бендерахъ многіе собранные тысячи, между коими находилось множество весьма старыхъ, а иныхъ и весьма молодыхъ, назначенныхъ итти на войну. У многихъ были очень худыя лошади, имѣя нѣсколько фузей и пистолетъ;

(*) ТОППАНА. Литейный домъ, гдѣ также сдѣланъ и Арсеналъ.

пистолетъ; иные вооружены луками и стрѣлами, изъ коихъ они не столько искусно стрѣляли, какъ козаки и калмыки. Въ прочемъ, какъ сему, такъ и владѣть саблею не столько научены, какъ Турки. Они не храбры и не бодры, и для обращенія многихъ въ бѣгство стоитъ только показать пистолетъ. Я часто видалъ, какъ они учились стрѣлять въ цѣль, и пять или шесть минутъ употребляютъ, чтобъ заряжать, прицѣливаться и палить, а когда спускаютъ курокъ, то голову отворачиваютъ. Начальники ихъ, изъ Султановъ (*) и Мурзъ (**). Они обыкновенно въ повелѣніи у себя имѣютъ извѣстное число Татаръ, соотвѣтствующее своему достоинству, начальствуя надъ коими, стараются оказать опыты своего искусства и храбрости.

ГЛАВА XXIII.

О власти Хана малой Татаріи, и о образѣ правленія.

Ханы малой Татаріи выводятъ свое поколѣніе отъ *Чингисъ-Хана*, коего потомство дѣйствительно обладаетъ въ *Китаѣ* и въ Великой Татаріи. Они гнушаются всякимъ другимъ родословіемъ, и ни какой родъ не могъ бы ихъ прославить, какъ оный.

Въ

(*) Султаны суть Принцы крови.

(**) Мурзы, дворяне.

Въ сходствіе трактатовъ Ханами съ Портою заключенныхъ, Турки имѣютъ право ихъ назначать и отдаютъ честь Татарскому Дворянству ихъ утверждать всякой разъ, и сіе дворянство, боясь, чтобъ не противѣвить Порту, рѣдко въ чемъ ей противурѣчитъ. Между тѣмъ, когда Султанъ, въ военное ли время или въ другомъ случаѣ, возъимѣетъ нужду въ чрезвычайной помощи, то тогда только, послѣ политическихъ разсужденій, позволяетъ дворянству выбирать себѣ Владѣтеля, коего онъ и утверждаетъ.

Ханъ Татарскій управляетъ полуостровомъ Крымомъ, Татаріею Нагайскою и Буджацкою.

Въ сіи соединенныя земли дѣлаютъ обширное владѣніе. *Крымъ*, въ разсужденіи своей торговли, скота, винъ и другихъ произрастеній, есть самая лучшая и плодоноснѣйшая земля.

Татарія Нагайская, отдѣляется отъ *Крыма* границею, лежащею не далеко отъ *Ора*, или *Переколя*, весьма пространная. Жители оной единственное имѣютъ упражненіе въ скотоводствѣ и хлѣбопашествѣ. Масло, медъ, воскъ и хлѣбъ вывозится въ большемъ количествѣ изъ сей земли въ гавань *Крымскую*, отъ куда отвозятъ въ Константинополь.

Татарія Буджацкая хотя не столько обширна, однакожъ плодоносна. Сіи Татары изобиліе свое отвозятъ въ *Бендеры*, *Акерманъ*, *Килію* и проч. Власть Хана простирающаяся на разныя сіи земли не со всемъ

 огра-

ограничена, но на противъ того во многихъ случаяхъ весьма умалена. Дворянство и чернь признаютъ его своимъ Государемъ, и исполняютъ повелѣнiе всякой разъ, есть ли только не нарушитъ обязательствъ съ ними учиненныхъ.

Дворянство, составляющее совѣтъ Хана, управляетъ совокупно съ нимъ Крымомъ. Столица его въ мирное время въ *Бахчисараѣ*, и Дворъ его посредственно многочисленъ и великолѣпенъ. Начальные его Министры слѣдующiе:

1 е. Калга-Султанъ, который почитается за Начальника Татарскаго; онъ резидуетъ въ *Орѣ*, и въ собственномъ своемъ владѣнiи имѣетъ *Каразу*, *Ахмечеть* и многiя села.

2 е. Каймаканъ, или Губернаторъ Крымскiй. Онъ въ отсудствiи Хана резидуетъ въ *Бахчисараѣ*, а въ присудствiи въ одной изъ его земель въ сосѣдствѣ того города.

3 е. Муфтiй, въ случаѣ тяжбы истолкователь законовъ.

4 е. Нурадинъ, Президентъ нижнихъ судовъ, имѣющiй два голоса.

5 е. Казескеръ. Сiя должность касается до уголовныхъ дѣлъ, или Инспекторъ Полицiи *Бахчисарайской* и его дистрикта. Онъ судитъ всѣ тяжбы города и подсудныхъ оному мѣстъ. При немъ Засѣдаетъ Наипъ [помощникъ полицейскаго Судьи], и сей Наипъ имѣетъ титулъ Паши.

Когда Ханъ на воинѣ, то многiе Султаны послѣдуютъ ему въ армiю; они занимаютъ должности Начальниковъ, и стараются

ся оказать опыты искуства и храбрости, надѣясь каждый изъ нихъ сдѣлаться когда нибудь Ханомъ; протчихъ же Офицеровъ, окромѣ сихъ Начальниковъ, у нихъ нѣтъ. Татары не хотятъ ни кѣмъ быть управляемыми, какъ своимъ Ханомъ, и тѣми Начальниками; въ протчемъ же хотя и признаютъ за Начальниковъ своихъ Мурзъ, но въ случаѣ или нападенія на сосѣдей, или въ какомъ ни будь грабительствѣ.

Власть Хана, такъ, какъ я сказывалъ, во многихъ случаяхъ ограничена. Онъ не можетъ объявить войны безъ согласія дворянства, а особливо Князей, также и не можетъ быть Судьею ни надъ какимъ Сулшаномъ, но они судятся знатными Дворянами, кои одни имѣютъ право осуждать на смерть человѣка такого степени. Когда Ханъ издаетъ повелѣнія противныя законамъ, то Князья и Вельможи могутъ тому противиться, и онъ принужденъ оныя оставлять. Доходы его весьма посредственные, къ коимъ, ежели присовокупить, что онъ получаетъ въ прибавокъ отъ Порты, то не болѣе простираются, какъ до трехъ миліоновъ бешлыковъ. (*) Сія сумма не довольна и для многихъ Князей, старающихся учинить Дворъ свой великолѣпнымъ; по чему они и принуждены искать для того другія средства.

Доходъ ихъ обыкновенный собирается съ монетныхъ дворовъ, соляныхъ варницъ, Таможенъ, и такой, какой они имѣютъ

сѣ

(*) Бешлыкъ составляетъ двѣ копейки съ денежкою.

съ нѣкоторыхъ въ подданствѣ находящихся Христіянъ. Султанша Улыканы, которое наименованіе даютъ Сестрѣ Султанской, собираетъ подать по большей части съ Грековъ и Армянъ. Она получаетъ также часть дани, требуемой съ Мурзъ, до которой Хану ни какъ уже нужды нѣтъ.

Сія Султанша Улыканы по Калгѣ-Султанѣ, знатнѣйшая во всемъ *Крыму* особа, и такая въ мое время пользовалась симъ достоинствомъ при четырехъ Наслѣдственныхъ Ханахъ, и ей было отъ роду болѣе 80 лѣтъ. Когда свергнутъ будетъ Ханъ, то наслѣднику по немъ не можетъ ни кто оказать ни малѣйшаго не доброжелательства, и старается уступить ему мѣсто, отъѣзжая неукоснительно въ мѣсто своей ссылки, или въ земли, коими въ *Ромеліи* многіе владѣютъ, или на какой нибудь островъ Средиземнаго моря.

Сіи сверженія бываютъ весьма частыя, и естьли предвидится какое къ тому затрудненіе, то находятъ другое средство принудить отречься отъ Ханства. Меня увѣряли, что весьма рѣдко случается, что бы изъ сихъ разныхъ Князей могъ каждый владѣть 7 или 8 лѣтъ. Сіи частыя перемѣны происходятъ отъ множества Султановъ, всегда готовыхъ наслѣдовать Престоломъ, изъ коихъ часть обитаетъ въ *Крыму*, гдѣ они владѣютъ нѣкоторыми городами и селами въ *Ромеліи*, а протчіе разсѣяны по разнымъ провинціямъ.

Лѣкарь Бланшетъ увѣрялъ меня, что во время 10 лѣтъ пребыванія его у Татаръ,

было.

было ихъ по крайней мѣрѣ 100, а нынѣ числомъ простирается болѣе, нежели до двухъ сотъ человѣкъ.

Нѣтъ ни-одного изъ сихъ Князей, который бы не надѣялся когда нибудь сдѣлатся Ханомъ. Жребій ихъ единственно зависитъ отъ Порты, которая въ то достоинство назначать можетъ: по чему и употребляютъ они всякія хитрости и клѣветы очернить Владѣтеля, стараясь симъ средствомъ сослать его въ ссылку, свергнуть или осудить на смерть. Умыселъ въ сей землѣ есть главнымъ предмѣтомъ, и оный одинъ только, который причиняетъ безпокойство въ Турціи.

ГЛАВА XXIV.

Особливыя примѣчанія о Ханѣ Крымскомъ, Крымъ-Гиреѣ, весьма извѣстномъ при началѣ сей войны.

Ни когда малая Татарія не была управляема величайшимъ Владѣтелемъ, разумнѣйшимъ и любезнѣйшимъ народу, какъ Ханомъ Гиреемъ, и онъ то самый, о коемъ я предложить честь имѣю.

При первомъ своемъ вступленіи въ сіе достоинство пробылъ онъ 6 лѣтъ съ половиною; по прошествіи котораго времяни начатая имъ война съ Черкассіею, конченная

ная

ная не благополучно, причиною была его сверженію, и наконецъ онъ своимъ наслѣдникомъ, или лучше Портою, сосланъ въ ссылку въ *Родосъ*, гдѣ пробывъ 4 года, назначенъ опять Ханомъ.

Тотъ, который владѣлъ (т. е. *Девлетъ Гирей*) во время его ссылки, сверженъ былъ за свою глупость и свирѣпость, и сосланъ въ ссылку, на коего мѣсто съ веселіемъ взирали вступающаго вторично во владѣніе *Крымъ Гирея*.

Его разумъ, способность и искуство въ войнѣ, пріобрѣли новую благосклонность къ нему отъ Султана Турецкаго, который, по возвращеніи его изъ ссылки, позвалъ въ Константинополь, осыпавъ его великолѣпными дарами. По смерти его имѣлъ я случай изъ оныхъ видѣть многіе, кои и показались мнѣ для Хана Татарскаго весьма драгоцѣнными.

Татары во всякомъ случаѣ оказываютъ много почтенія и привязанности къ фамиліи Гирея, подъ руководствомъ коего военныя ихъ предпріятія почти всѣ щастливы, а болѣе привязаны любовію къ сему послѣднему Хану, возвышенному въ другой разъ въ сіе достоинство, по тому, что знали его великодушіе. Многіе тысячи шли къ нему на встрѣчу въ Константинополь, гдѣ и пробыли во все время его пребыванія, провожая его и тогда, когда онъ возвратился въ *Крымъ*, дабы пользоваться его щедростію.

Въ концѣ Ноября 1768 года прибылъ онъ въ *Ковшаны*, а въ Генварѣ, 769 послѣдовалъ

добалъ за нимъ туда и его Гаремъ. Грекъ, его лѣкарь, который раздѣлялъ съ нимъ свое благополучїе и злополучїе, учинился его любимцемъ, и увѣряли меня, что не видали ни когда ни въ Грецїи, ни въ Италїи, ни даже въ самомъ Сералѣ Константинопольскомъ столь прелѣстныхъ женщинъ, какїя имѣлъ сей Владѣтель. Въ Февралѣ мѣсяцѣ 1769 года учинилъ нападенїе съ 50 тысячами Татаръ и 120 тысячами жъ Турокъ на новую *Сербїю*, уповая какъ оною, такъ и всею овладѣть Россїею. Большая стужа не дозволила ему однакожъ итти далѣе и ни чего исполнить важнаго. Турецкое войско, съ нимъ бывшее, составлено было по большей части изъ Азїатцовъ, не прїобыкшихъ къ студеному Климату, почему не могши сносить онаго, нѣкоторые отмораживали свои члены, а другїе, впадая въ болѣзнь, умирали.

Сїе предпрїятїе будучи нещастливо и безъ всякаго успѣху, причинило много роптанїя въ Константинополѣ. Ханъ въ своемъ убѣжищѣ и наконецъ, какъ отъ понесенныхъ трудовъ, такъ и отъ неудачи, впалъ самъ въ болѣзнь и спѣшилъ бѣжать въ *Ковшаны*. Въ первой день его прибытїя болѣзнь умножилась, а на другой онъ и умеръ отъ паралича. Тѣло его немѣдленно и весьма тайнымъ образомъ перенесено было въ *Бакчисарай*, гдѣ и положено безъ всякой церемонїи въ гробницу Хановъ.

Онъ оставилъ двухъ Принцовъ, изъ коихъ одинъ тотчасъ поѣхалъ въ Оръ, (*Перекопь*) а другой возвратился къ армїи.

Его

Его супруга и дочь будучи въ величайшей печали, чувствовали всю тягость своей потери.

Легко вообразить себѣ можно, сколько сія нечаянная смерть причинила въ *Крыму* политическихъ разсужденій: ибо Татары чрезвычайно соболѣзновали о лишеніи своего Государя, а Армяне, праздновали его смерть пиршествами и увеселеніями.

Хотя вторичное владѣніе сего Государя было весьма короткое, однакожъ его подданные изъ Христіанъ, такъ какъ и купцы, особливо *Крымскіе*, часто оказывали къ нему свою ненависть, почитая его не иначе, какъ тираномъ: ибо онъ знатно умножилъ подати и таможенныя пошлины, осуждая своихъ подданныхъ на смерть за самомалѣйшія преступленія, или взыскивалъ величайшія денежныя штрафы.

Одинъ Армянскій купецъ изъ *Бакчисарая*, по имяни Мулдыси-Симеонъ, посредственнаго достатка, за одно слово двоякаго смысла, по объявленію на него Жаку, въ *Ковшанахъ* едва по приказанію его не былъ повѣшенъ. Каймаканъ, бывшій въ то же время Муфтіемъ, представлялъ Государю, объявляя законы, противящіеся исполненію сего приговора, по чему Армянинъ и обвиненъ былъ заплатить 40 кисетовъ. т. е. мѣшковъ или 1200 рублевъ; но какъ малой достатокъ его учинить того не дозволялъ, то и надлежало прибѣгнуть оную сумму занять; когда же заплатилъ, то сей нещастной, содержавшійся долгое время въ тюрмѣ, былъ освобожденъ.

Сей

Сей Государь былъ человѣкъ роскошный и расточительный, имѣя у себя великій штатъ, и доходы его и деньги, получаемыя отъ Порты, едва довольны были на половину того, на что издерживалъ. Онъ весьма былъ искусенъ на разныя выдумки выманивать деньги у своихъ подданныхъ, такъ какъ и у Иностранныхъ, въ чемъ доказалъ нѣкоторый господинъ Боскампъ. (*)

Какъ по смерти своей Ханъ остался много должнымъ, то всѣ его уборы, платье и невольники проданы съ публичнаго торгу, для заплаты заимодавцамъ. Меня увѣряли, что кромѣ многихъ драгоцѣнныхъ вещей и великолѣпныхъ платьевъ, еще въ аукціонѣ находится 150 собольихъ мѣх въ.

По объявленію какъ его Лѣкаря, такъ и протчихъ при его свитѣ безпрестанно бывшихъ, Ханъ одаренъ былъ чрезвычай-

ными

(*) Сей Г Боскампъ былъ посланъ въ 1762 году Королемъ Пруским въ чинѣ Министра ко Двору Татарскому. Онъ былъ, сказываютъ, отряженъ для особливаго отправленія должности въ Крым кому Хану Ги сю, и получа то, чего требовалъ, долженъ былъ [illegible] дать дары имъ привезенные, состоящіе [illegible] суммѣ и многихъ дорогихъ вещахъ. Ханъ [illegible] что у Боскампа есть пригожая женщина, кот [illegible] его наложница, захотѣлъ оную имѣть у себя [illegible] лъ; а Боскампъ узнавъ о его покушеніи, [illegible] немѣдленно и женился. Какъ законы Музульманск [illegible] прещаютъ отнимать силою у другаго жену, [illegible] озлобясь за сей его бракъ, подъ нѣкоторымъ вид [illegible] отнялъ у него все имѣніе, повелѣвъ ему чрезъ Чоуш [illegible] оставить въ 24 часа свой дворъ, что онъ и учинилъ. Боскампъ послѣ сего не смѣлъ возвратиться въ Берлинъ, а поѣхалъ въ Польшу, гдѣ вѣроятно и нынѣ еще находится.

мыми качествами, какихъ ни кто изъ преемниковъ его не имѣлъ. Онъ зналъ разныя науки, и весьма рѣдко, чтобъ изъ Музульмановъ хотя мало онымъ изъученъ былъ: какъ на примѣръ: Архитектурѣ, Географіи, Астрономіи и Химіи. Алхимія была первая, къ коей онъ имѣлъ великую страсть; онъ хотѣлъ дѣлать золото, на что однакожъ требовалось много денегъ; по чему и не удивительно, что при сей его страсти не возможно было собирать сокровища. Какъ Ханъ зналъ, что Крымскія горы изобиловали золотою рудою и прочими минераллами, то и совѣтовалъ всегда искать оныхъ. Онъ также, во время своего отсудствія изъ *Бакчисарая*, приказалъ увеличить свой Дворецъ, и состроить въ окрестностяхъ сего города многіе увеселительные домы. *Крымъ* увѣренъ былъ, что послѣ всѣхъ сихъ дѣйствій; особливо касающихся до нравовъ и другихъ новостей, много бы выиграть могъ, ежели бы нечаянная и весьма скоропостижная смерть не опровергла бы вдругъ великой надежды, которую народъ полагалъ въ жизни сего Государя. Отъ роду ему было 55, а царствовалъ всего только семь лѣтъ.

Новый Ханъ, на коего мѣсто избрала Оттоманская Порта, и назначеніе утверждено Татарами, былъ ему дядя, и назывался Девлетъ Гирей. Онъ былъ человѣкъ молодой и хорошаго нраву, и Татары возведеніемъ его казались быть довольными. По немъ наслѣдовалъ Сагибъ Гирей, Государь молодой же, имѣющій около 30 лѣтъ,

отличивъ

отличивъ себя въ сей послѣдней войнѣ, и котораго я одинъ разъ видѣлъ въ *Бахчисараѣ.*

ГЛАВА XXV.

О Дворянствѣ Крымскомъ и его сношеніяхъ съ Ханомъ.

Дворянство Крымское раздѣляется на 4 разные класса, и всѣ Дворяне называются Мурзами; чины жъ и достоинства суть слѣдующія.

Ширинъ Мурза.
Баронъ Мурза.
Монсуръ Мурза.
Суджувудъ Мурза.

Ширинъ Мурза, почитается изъ перьвостепенныхъ Дворянъ, коихъ Бей или Владѣтель имѣетъ столицу въ *Ески - Крымѣ.* Дворецъ его похожъ на Ханской, но только въ томъ отличіе, что онъ не столь знатенъ. У него то же есть Калка-Султанъ, Принцъ крови, Каймаканъ, Муфти, Мурадинъ, Казескеръ и проч: и сверьхъ того великолѣпный Гаремъ [Сераль].

Сего Бея почитаютъ за вторую особу въ Государствѣ, и послѣдуетъ за всегда за Ханомъ. Всякой разъ, когда бываетъ на аудіенціи у сего Владѣтеля, то онъ принимаетъ его съ великою церемоніею. По

вступленіи его въ залу, Ханъ встаетъ съ мѣста, и за посѣщеніе его приноситъ свою благодарность сими словами: *Гошгельтинъ Сефа Гельтинъ Бей* (*) и сіи слова означаютъ великую честь Бей же съ своей стороны отвѣчаетъ просто: *Гошгельтинъ Бей.*

2. Баронъ Мурза. Сіе достоинство обыкновенное, и Баронъ Нѣмецкій едва ли повѣрить можетъ, чтобъ въ Татаріи было достоинство его подобное.

Бей сего втораго Дворянства имѣетъ третій степень по Ханѣ. У него нѣтъ Калга-Султана также Муфтія, но только имѣетъ при себѣ другихъ Офицеровъ.

3. Мансуръ-Мурза.

4. Суджугудъ Мурза: сіи два послѣдніе имѣютъ Бея и Мурадина.

Всѣ Беи, Начальники и Президенты всего Дворянства, имѣютъ длинныя бороды; у простыхъ же Дворянъ короткія.

Когда кто изъ Беевъ умретъ, то Начальники и Мурзы сего умершаго наслѣдуютъ по немъ, кто изъ нихъ лѣтами старѣе, не смотря, способенъ ли онъ къ исправленію должности, или нѣтъ: ибо оное у нихъ все равно, ни мало на то не взирая, и въ случаѣ, ежели ему надобно будетъ исполнять должности внѣ Государства, то даютъ ему въ помощь Совѣтниковъ. По семъ выборѣ немѣдленно доносятъ Хану, который оный и апробуетъ, и выбранный Бей по Ханѣ есть начальный Членъ Дворянства.

Когда

(*) Добро пожаловать Государь!

Когда Ханъ дѣлаетъ разсужденїе о какомъ нибудь важномъ для народа дѣлѣ, либо начать войну, или о государственной какой пользѣ, то собираетъ Князей и Начальниковъ Дворянства Татарскаго, прося ихъ къ себѣ въ *Бакчисарай*. Въ семъ совѣтѣ, или парламентѣ, Ширинъ Бей, какъ первой Князь всего Дворянства имѣетъ власть рѣшить, и рѣшенїе зависитъ чаще отъ него, нежели отъ Хана и цѣлаго Дворянства.

Когда мысли и голоса четырехъ разныхъ дворянъ сообразны его мнѣнїю, то оныя апробуетъ, и дѣлая новое противорѣчїе, имѣетъ право подавать три голоса; прочїе жъ по немъ Князья въ разсужденїяхъ своихъ имѣютъ только два голоса.

Большая часть Дворянъ по всегодно живутъ въ своихъ селахъ, получая отъ своихъ подданныхъ всякое повиновенїе. Болѣе всего почитаетъ за лучшее для себя ихъ Дворянство, чтобъ не совокуплятся бракомъ ниже своего достоинства съ особою, не ласкаясь имѣть должности, какъ при Дворѣ, такъ и при другомъ мѣстѣ. Они женятся на такихъ, кои достоинствомъ своимъ имъ подобны, и Ширинъ Мурзы имѣютъ право такожъ свататься и за дочерей Ханскихъ.

Дѣти родившїяся отъ такихъ женъ, почитаются дѣйствительными Дворянами; на противъ же того тѣ, у коихъ матери изъ невольницъ, не могутъ пользоватся привиллегїями Дворянства, развѣ только, естьли отличатъ себя въ войнѣ, или въ другомъ какомъ нибудь славномъ дѣлѣ, и

тогда въ Дворянскомъ достоинствѣ утверждать ихъ зависитъ отъ Хана.

Нѣтъ большаго бѣдствія для Дворянина, какъ имѣть мѣсто при Дворѣ, или у какого нибудь большаго господина; по чему первые у Хана Министры обыкновенно бываютъ изъ подлаго рода.

Татарскихъ Кавалеровъ весьма примѣтить можно; ибо они всегда весьма учтивы и хорошо наряжены, и есть ли они имѣютъ большой достатокъ, то сдѣлаются великолѣпне, хотя пѣшкомъ или верьхомъ, имѣя за собою провожатыми служителей. Въ нихъ нельзя примѣтить ничего дикаго и варварскаго; ибо они сверьхъ своего человѣколюбія имѣютъ также и другія свойственныя имъ добродѣтели. Тѣ, кои впадаютъ въ преступленіе, бываютъ жестоко наказаны, и часто, по короткомъ рѣшеніи, получаютъ на шею веревку.

У Нагайскихъ Татаръ также есть Дворяне; но ихъ чины однакожъ не на такомъ основаніи, какъ въ *Крыму*, и отличными и почетными именуются у нихъ тѣ, у коихъ болѣе земель и подданныхъ.

ГЛАВА XXVI.

О Татарахъ Нагайскихъ.

Сіи Татары раздѣлены на семь народовъ, а имянно:

1. Едишкульскіе.
2. Едизанскіе,
3. Казавульскіе.
4. Киргискіе.
5. Жамбулатскіе, *или* Жумбулужскіе.
6. Паврузельскіе.
7. Каспулладольскіе.

Едишкульскіе и Едизанскіе весьма многочисленны.

Всѣ сіи народы такъ разсѣены по землямъ, что трудно узнать, до какого количества оные простираются; но ихъ щитаютъ по котламъ.

Каждая фамилія Татарская обыкновенно имѣетъ большей желѣзной котелъ, въ которомъ въ одинъ разъ можно сварить половину лошади; по чему для каждаго народа назначаютъ 60. и 10000. котловъ и щитаютъ, что во всѣмъ народѣ находится 500000 фамилій, увѣряя, что Ханъ въ восемь дней въ состояніи собрать армію отъ 4. до 50000 человѣкъ.

Хотя сіи Нагайскіе Татары и Музульманы, однакожъ не всегда бываютъ вѣрны Хану, и всякой разъ, когда имъ захочется, дѣлаютъ возмущеніи, сохраняя на всегда тайную ненависть къ Туркамъ, и часто во время войны передаваясь на сторону непріятельскую, раззоряютъ какъ свои, такъ и Турецкія земли. Тому уже болѣе тритцати лѣтъ, какъ они передались къ Россіянамъ, когда Графъ Минихъ учинилъ нападеніе на *Крымъ*, и оныя то были, кои раззорили города и села.

Ханъ Крымской Гирей многихъ поселилъ сихъ бунтовщиковъ въ *Крыму*, назначивъ имъ тамъ жилища. Однакожъ они не перестають жить по старому обыкновенїю въ палаткахъ. Они во многомъ отличаются отъ Татаръ Крымскихъ, особливо лицомъ; ибо они имѣютъ не большїе впавшїе глаза, носъ сплюснувшїй, не большую бороду, и будучи почти всѣ другъ на друга похожи, собою довольно статны. Они питаются лошадинымъ мясомъ, пьютъ кобылье молоко и живутъ весьма не опрятно, и кочуя въ кибиткахъ, часто перемѣняютъ свое жилище. Крымскїе Татары имѣютъ домы, села и города. Они обыкновенно склонны къ воровству, и ежели могутъ напасть на путешествующихъ, то не пропустятъ ни когда случая, однакожъ не убиваютъ, ежели можно безъ того обойтиться, и то чтобъ противъ нихъ защищались. Они чинятъ набѣги въ сосѣдственныя земли и продаютъ плѣнныхъ жителямъ на границахъ *Персїи* и въ *Крыму*, особливо въ мирное время; а безопасность тамъ равна той, которая бываетъ и въ земляхъ гораздо строжайшихъ.

Вотъ еще довольно отмѣнное у нихъ обыкновенїе. Когда у Нагайскихъ Татаръ жены невольницы, то приглашаютъ иностранныхъ путешествующихъ, особливо пригожихъ, дабы сообщить ихъ съ ними, воображая, что могутъ родиться хорошїе невольники.

Я примѣтилъ сїе въ моемъ путешествїи изъ *Бакчисарая* въ *Гозлевъ*, гдѣ на половинѣ дороги находится Ганъ, или вольный

домъ,

домъ, который обыкновенно путешествующимъ бываетъ ночлегомъ. Въ ономъ находились изъ нихъ многіе, между коими одинъ Мурза съ невольницею и служителями. Въ ночь услышали мы великой шумъ, и нѣкоторый Татаринъ Мурза сыскалъ средство подобраться къ невольницѣ, которая по долгомъ и бодрственномъ защищеніи, наконецъ принуждена была ему уступить. Товарищи его, узнавъ о семъ дѣлѣ, повели къ своему господину, представя при томъ нѣкоторыхъ Армянъ свидѣтелями. Они радовались его изобличенію, и думали, что виноватый претерпитъ ужасное наказаніе; но Татарскій Дворянинъ со всемъ былъ другихъ мыслей. Ты, сказалъ онъ ему, отважный молодецъ, возвратись туда, откуда пришелъ и постарайся сдѣлать мнѣ хорошаго невольника.

Лѣкарь Бланшетъ имѣлъ много подобныхъ сему приключеній; ибо онъ былъ человѣкъ пригожій, статный и учтивый. Во время своего путешествія въ *Крыму*, и проѣзжая Нагайскую землю, дабы возвратиться въ *Ковшаны* къ Хану, пріѣхалъ во одинъ день въ деревню, и какъ не могъ скоро получить лошадей, то одинъ Татаринъ весьма его просилъ войтить къ нему въ покой. Бланшетъ воображая, что онъ имѣетъ какую нибудь болѣзнь, и вошедъ къ нему, увидѣлъ троихъ другихъ Татаръ, которые объявили, что у нихъ есть пригожія невольницы, не отступно его упрашивая учинить какъ ихъ, такъ и невольницъ ихъ щасливыми. Напослѣдокъ представляли они ему

одну послѣ другой, которыя не очень были пригожи, по лѣкарь, сѣвъ на лошадь, отъ нихъ уѣхалъ. Татаринъ взявъ съ собою еще двухъ другихъ невольницъ, бѣжалъ за нимъ въ слѣдъ. Оне крича, его бранили, и упрѣкали въ нечувствительности и неучтивствѣ по тѣхъ поръ, пока не потеряли его со всемъ изъ виду.

ГЛАВА XXVIII.

О Армянахъ

Армяне составляютъ знатную часть жителей Крымскихъ. Нижнято изъ нихъ рода обыкновенно весьма не опрятны и лѣнивы, и можетъ быть сїе происходитъ отъ того, что они, по примѣру Жидовъ, единодушно прилѣпились къ купечеству. Весьма рѣдко найтить такихъ, кои бы исправляли какое ремесло, а хотя бы и сыскалось, то не могутъ никакъ выработать въ сутки того, что бы имъ на тѣ деньги нужное исправить для себя возможно было.

Хотя они и великой употребляютъ обманъ въ купечествѣ, однакожъ не смѣютъ обманывать Турокъ, къ коимъ имѣютъ рабскую боязнь. Они разсѣяны по всѣмъ угламъ и городамъ, и отправляющихъ купечество толикое множество, что вредятъ другъ другу.

Когда

Когда Арменинъ въ *Крыму* имѣетъ на тысячу піастровъ товаровъ въ своей лавкѣ, и половинною той суммы долженъ, то почитается знатнымъ купцомъ, и нѣкоторые изъ нихъ въ *Кафѣ* весьма есть богатые.

Тотъ, у коего я стоялъ квартирою въ *Киліи* Новой три недѣли, торговалъ сукнами, полотнами, штофами и прочимъ. Онъ по чести увѣрялъ меня, что иногда въ день не болѣе продать можетъ, какъ на 25 или на 30 паръ, коими деньгами должно ему содержать себя, брата и мальчика; такожъ употреблять на одѣжду и на наемъ дому и лавки.

Правда, что тамъ очень дешево, а сверьхъ того сіи люди и весьма економны. Они встаютъ по утру въ 4 часа, завтракаютъ то, что отъ стараго ужина осталось, и выпивъ чарку водки, наконецъ пойдутъ въ церьковь. Лавки свои отпираютъ около 9 ти часовъ, и хозяинъ препоручивъ лавку въ смотрѣніе своему служителю или комисару, уходитъ домой, и ежели что сыщетъ вареннаго кушанья, то ѣстъ, послѣ того ложится, куритъ табакъ, или спитъ. Послѣ полудни будитъ своего служителя, который приготовляетъ кушанье; въ вечеру въ 7 часовъ ѣстъ баранину, супъ, сыръ или другое что, а пьетъ воду, рѣдко употребляя вино.

Кромѣ поста, продолжающагося 50 дней, въ которое время не ѣдятъ они ни рыбы ни яицъ, а питаются только простыми садовыми плодами, имѣютъ еще многіе въ году посты, бывающіе по 5 и по

6,

6 дней. На кануне сихъ постовъ стараются они ѣсть весьма много, и въ сïе время и въ большие праздники, собираясь, дѣлаютъ изобильные столы.

Ничего для меня не было столь отвратительнаго, какъ обжирство Турокъ и Татаръ. Я прежде зналъ обыкновенïе, установленное въ Турцïи, чтобъ быть имъ участниками во всемъ томъ, что другïе ѣдятъ или пьютъ, выключая токмо вина и водки; однакожъ я притворялся обыкновенïя того не знающимъ, но не воспрепятствовало имъ дойтить до такой наглости, дабы оставаться, сидя передо мною до получаса, по тѣхъ поръ, пока я имъ чего нибудь не дамъ.

Ежели бы захотѣлъ я пить кофей въ присудствïи ихъ, то они садятся на супротивъ меня, оставаясь на мѣстѣ потолѣ, покуда оный не поспѣетъ, и когда начиналъ пить, то они пристально на меня смотрѣли, ожидая, чтобъ я имъ далъ, и въ семъ случаѣ иногда Татары безъ всякихъ другихъ околичностей, просили у меня просто.

Армянки каждый день между завтракомъ употребляютъ грѣтую водку, въ которую мѣшая перецъ, наливаютъ въ чашки; и ежели есть у нихъ гости, то подносятъ оную вмѣсто чаю и кофею, и сïе питье приготовляютъ съ хлѣбомъ, сухими ягодами и другими плодами сего рода.

Армяне, въ той землѣ, въ которой я путешествовалъ почти всѣ раскольники, а мало Католицкаго закона

Сïи

Сіи послѣдніе, по позволенію отъ Папы, наблюдаютъ такіе же праздники, какъ и первые, ходя часто въ церькви. Они показываютъ себя весьма ревностными къ закону и набожными; жены же ихъ ни мало въ томъ имъ не подражаютъ и въ церьковь ходятъ рѣдко. Сія наружная набожливость не препятствуетъ однакожъ быть имъ худыми Христіянами, и пороки надъ ними господствуютъ. Въ семъ случаѣ я удостовѣрился болѣе тѣмъ, что они покупая Христіянъ и дѣлая невольниками, отправляютъ ими большей торгъ.

Всѣ прочіе Христіяне, выключая Католиковъ, называются имъ Лютеранами, къ коимъ Армяне оказываютъ великую ненависть. Ежели бы они имѣли власть, то столько же бы были нетерпимы, какъ и Жиды, и искоренили бы всѣхъ противу ихъ мыслящихъ.

Они весьма мало имѣютъ понятія о прочихъ земляхъ и большихъ купеческихъ городахъ. Знаютъ только, что Стамбулъ (*) есть большей городъ, почитая Турцію за сильнѣйшее Государство въ свѣтѣ, котораго всѣ прочіе, по мнѣнію ихъ, трепетать должны, говоря весьма худо о Россіи, Нѣмецкой землѣ и Венеціи. Они по дурачеству своему и безстыдству утверждаютъ тоже, будто бы монета Имперская, въ великомъ множествѣ въ Турціи находящаяся, отъ того, что Императоръ ежегодно платитъ

(*) СТАМБУЛЪ. Сіе названіе приписываютъ во всей Турціи Константинополю.

тить долженъ дань Султану. Суевѣріе, варварство, невѣжество, худая вѣра, обманство и измѣна суть точные знаки, о коихъ только имѣть можно понятіе.

ГЛАВА XXVIII.

О пиршествахъ и о свойственномъ имъ къ жизни способѣ.

Обыкновенная пища и пиршества у Армянъ низкаго рода ни мало не соотвѣтствуетъ нашей.

Прежде, нежели они сядутъ за столъ, нарѣжутъ нѣкоторое количество хлѣба и ставятъ хрѣнъ и чеснокъ передо всякимъ гостемъ, накрывая столъ не большею скатертью; какъ же скоро сядутъ, то подносятъ водку кругомъ въ кофейныхъ чашкахъ, и по прочтеніи короткой молитвы, ѣдятъ слѣдующее.

1. Жареную баранину.
2. Вареную курицу.
3. Вареную баранину.
4. Супъ съ сорочинскимъ пшеномъ, или другимъ чемъ.
5. Вареную и жареную рыбу.
6. Капусту, начиненную мясомъ.
7. Жареную индѣйку, начиненную пшеномъ или сухими ягодами, а есть ли сего кушанья нѣтъ, то пилавъ

8.

8. Пирожное съ мясомъ, изрубленнымъ съ чеснокомъ и лукомъ.

9. Яицы въ маслѣ.

10. Салатъ.

Дезертъ состоитъ у нихъ въ сосискахъ, копченомъ мясѣ, сухой рыбѣ, сырѣ, чеснокѣ и нѣкоторыхъ плодахъ; какъ скоро начнутъ ѣсть, то стаканъ не перестаетъ ходить кругомъ, и питіе за здравіе и увѣреніе любви продолжается во весь столъ безпрерывно: что самое весьма безпокойно для молодыхъ дѣвушекъ, которыя не имѣя ни какого дѣла, не смѣютъ сѣсть за столъ, и я часто весьма соболѣзновалъ о сихъ бѣдныхъ дѣтяхъ. Онѣ должны цѣловать руки у тѣхъ, которые имъ подаютъ стаканъ, и оный выпивая, стоятъ подлѣ стола на колѣнахъ. Жены ихъ иногда тоже самое дѣлаютъ.

У знатныхъ Турокъ ставятъ множество рагу и фрикасе, выключая вареннаго и жаренаго мяса, которое будучи приправлено кореньями, придаетъ весьма хорошій вкусъ.

Ставятъ также большее количество блюдъ сухихъ конфектовъ, смѣтану, медъ, миндаль, финики и прочіе хорошіе плоды.

Турки, такъ какъ и прочіе восточные народы, имѣютъ такое же обыкновеніе во время стола, да и самые богатѣйшіе Баши не отмѣняютъ того, что у самыхъ бѣдныхъ людей бываетъ въ употребленіи. Вскорѣ начинаютъ мыть руки, и садясь около стола, который круглый и

весьма

весьма низкiй, складываютъ крестъ на крестъ ноги, и оный столъ бываетъ обыкновенно мѣдный высеребренный: по томъ каждый взявъ утиральникъ кладетъ себѣ на колѣни. У нихъ нѣтъ ни ножей, ни вилокъ и ни ложки; мясо жъ у нихъ обыкновенно бываетъ переваренное такъ, что не имѣя нужды оное рѣзать, отщипываютъ, и каждый, поднеся правую руку къ блюду, отрываетъ себѣ кусокъ пальцами. Супъ, пилявъ и протчее тому подобное ѣдятъ деревянными ложками, а яголники и протчее ложками костяными. Когда окончится столъ, то вставая, моютъ руки и отходятъ иногда благодаря, а иногда не говоря ни чего компанiи.

Прежде стола Турки съ почтенiемъ произносятъ слово *Бисмиллагъ*, то есть: во имя Божiе; а вставая изъ за онаго, говорятъ *Ельганъ Дрюлла*, то есть: хвала богу!

Армяне напротивъ того употребляютъ много молитвъ и воздыханiй, что самое бываетъ болѣе у нихъ естественнымъ лицемѣрствомъ, нежели знакомъ ихъ набожности. Въ пиршествахъ у нихъ такое обжирство и безчинство, что дѣлаетъ великое отвращенiе, и въ сихъ своихъ худыхъ поступкахъ, не взираютъ ни на старость ни на молодость. По окончанiи стола моютъ руки и полощутъ ротъ, что самое употребляютъ и прежде, не садясь еще за столъ. Когда вступятъ въ залъ, то садятся за столъ вдругъ безъ всякой церемонiи, не смотря, просятъ ли ихъ за оный или нѣтъ, и весьма мало безпокоятся,

ѣстъ

ѣстъ ли кто много или нѣтъ; по чему и очень легко можно освободиться отъ обжирства.

ГЛАВА XXIX.

О судѣ, касательномъ до дѣлъ гражданскихъ и криминальныхъ.

Во всей Турціи, такъ какъ и въ *Крыму* дѣла гражданскія и криминальныя рѣшатся весьма скоро, не имѣя нужды въ многомъ письмоводствѣ такъ какъ въ стряпчемъ и аппелляціи. Всѣ приговоры выходятъ или отъ самаго Хана, или отъ тѣхъ особъ, коимъ препоручается ему чинить докладъ.

Въ уголовныхъ тяжбахъ Судья обязанъ слушать ссоры, которыя и рѣшитъ послѣ сильныхъ доказательствъ, и ежели оный найдетъ не довольными, то долженъ требовать свидѣтелей: когда же свидѣтели изъ Музульмановъ, то свидѣтельство ихъ долженствуетъ быть весьма важное.

Въ случаѣ долговъ, контрактовъ и протчихъ затрудненій, бывающихъ въ купечествѣ, проситель долженъ представить свое право Судьѣ ясно и въ короткихъ словахъ; по чему онъ приказываетъ позвать передъ себя одному изъ своихъ приставовъ защитителя, которому и даетъ аудіенцію. Ежели должникъ отрицается отъ долгу отъ него

требуемаго, то заимодавецъ представляетъ своихъ свидѣтелей. Ежели оные свидѣтели достойны, чтобъ имъ вѣрить, то свидѣтельство ихъ объявляется сильнымъ, ежели же тому противное, то оное отвергается. Когда окажется онъ точно должнымъ, то должникъ, отпирающейся отъ долгу, тотчасъ за неправильную свою божбу наказывается палочными ударами. Въ случаѣ жъ, естьли истецъ приноситъ ложную жалобу, то равному подвергается наказанїю, и осуждается заплатить защитителю такую же сумму какую отъ него требовалъ. Съ другой стороны, когда должникъ признается должнымъ, но представитъ сильныя причины, что не въ состоянїи заплатить въ назначенный срокъ, а постарается сколько можно заимодавца удовольствовать, то не долженъ опасаться ни какого наказанїя; однакожъ, чтобъ онъ Судьѣ назначилъ точно срокъ, къ которому обязуется заплатить. Сей срокъ ни когда не можетъ быть дологъ, но и не менѣе продолжаться долженъ какъ годъ, и сверъхъ того отсрочиваютъ ему еще недѣлю или двѣ. Ежели несмотря на сїе неиздержитъ онъ своего обязательства, и заимодавецъ снова приносить станетъ жалобу Судьѣ, то онъ посылаетъ къ нему нѣкоторыхъ изъ своихъ приставовъ для конфискованїя какъ его дому, такъ товаровъ, уборовъ и другихъ пожитковъ, равно какъ въ его лавкѣ вещей, которыя вынося по частямъ на улицу, оцѣняютъ. Ежели что за продажею довольно будетъ, чтобъ заплатить долгъ, то оставшееся имѣнїе отдается

должнику обратно. Когда на противъ того сумма не довольна къ удовольствiю заимодавца, то онъ долженъ требовать болѣе.

Судейскiе убытки таковыхъ тяжбъ, платимые Судьѣ, называются *Ресснмъ*, и простираются до десяти процентовъ за сто, изъ которыхъ денегъ не большая часть дается приставамъ за ихъ труды. Весьма часто такъ же случается, что многiе изъ сихъ должниковъ покрываясь рубищемъ, притворяются быть бѣдными, дабы тѣмъ самымъ обмануть своихъ заимодавцовъ.

Въ случаѣ, естьли должникъ не имѣетъ ни дому, ни другаго какого имѣнiя, то позволяется заимодавцу посадить его въ тюрьму на хлѣбъ на воду и держать во оной три мѣсяца. По прошествiи сего наказанiя должно ему обязатся клятвою заплатить сей долгъ такъ скоро, какъ найдетъ себя въ состоянiи. Ежели онъ получитъ сiе щастiе, но не здержитъ своего слова, то позволяется заимодавцу отнять у него все то, что онъ имѣетъ, даже и платье, которое онъ можетъ съ него снять.

Сей короткой и строгой способъ управленiя суда препятствуетъ отправляющимъ торги быть должными. Такимъ же образомъ чинится и въ протчихъ тяжбахъ, выключая токмо до такихъ, кои касаются до наслѣдства или разводу. Въ семъ случаѣ должно обьявлять одному Кадiю, коего рѣшенiя основательны и безъ всякой аппеляцiи; однакожъ онъ долженъ точно исполнять по закону, воздерживаясь отъ всякаго подробнаго истолкованiя, равно какъ и про-

должительнаго изъясненія. Въ первомъ случаѣ, а имянно: когда идетъ дѣло о наслѣдствѣ, то дѣлаютъ реестръ пожиткамъ, оставшимся послѣ умершаго, оцѣняя каждую вещь. Когда Кадій узнаетъ, что въ семъ случаѣ ищутъ покорыстоваться, то онъ обьявляетъ свой приговоръ, послѣдуя тому, чего требуетъ справедливость. Наслѣдство отдается одному, который и раздѣляетъ всѣмъ тѣмъ имѣющимъ на оное право. Вообще сказать, тотъ изъ наслѣдниковъ, который желая къ себѣ оное присвоить подарками Кадію, получаетъ лутчую часть наслѣдства.

Судъ въ дѣлахъ криминальныхъ производится съ великою скоростію и строгостію. Присмавы поимавъ преступника, приводятъ въ домъ къ Кадію, который и приказываетъ его имъ удавить, или бить до смерти: иногда однакожъ доволенъ онъ бываетъ и денежнымъ штрафомъ. Когда приговоръ обьявится, то не бываетъ ни малаго отлагательства, и должно оное немедлѣнно исполнить. Какого бы роду ни было наказаніе преступнику, но Турки, оказавшіеся виновниками, ни когда не наказываются публично. Нѣтъ также прощенія Жидамъ и Христіанамъ, и естьли изъ оныхъ кто обвинится въ уголовномъ дѣлѣ, то немедлѣнно приказываютъ его повѣсить.

Впадающихъ въ важныя преступленіи сажаютъ на колъ, оставаясь на ономъ до тѣхъ поръ, пока со онаго не спадетъ по частямъ. Разбойники равнымъ же образомъ осуждаются на сію страшную казнь, а мошенники наказываются весьма жестоко.

Купецъ,

Купецъ, естьли изобличится въ ложномъ вѣсу и мѣрѣ, обыкновенно осуждается на смерть, а иногда сажаютъ на долгое время въ темницу, или по крайней мѣрѣ наказываются великимъ денежнымъ штрафомъ. Въ Константинополѣ Султанъ поступилъ весьма строго съ однимъ хлѣбникомъ, коего хлѣбъ, когда былъ освидѣтельствованъ, и нашли, что въ немъ вѣсъ не такой былъ, каковъ быть долженъ, то въ первой разъ осужденъ былъ заплатить денежной штрафъ; а когда въ томъ же самомъ обличенъ былъ и въ другой разъ, то брошенъ живой въ свою печь.

Дѣла, касающіяся до Государства, или до какой нибудь важности, рѣшатся также весьма скоро. Обыкновенно въ *Крыму* Ханъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ собираетъ Беевъ и протчихъ Членовъ изъ разныхъ Мурзъ, дабы объявить имъ свои намѣренія, и часто случается, что оныя ими не апробуются.

ГЛАВА XXX.

О законѣ.

Господствующая вѣра въ Турціи раздѣлена на 70 сектъ; каждое раздѣленіе ихъ разныхъ членовъ, увѣряетъ, что вѣра есть истинная и надежный путь къ блаженству. Всѣ сіи секты должны своимъ началомъ двумъ законодателямъ: первая самому Ма-

хомету, коего законъ почитается за пръвѣйшїй въ Оттоманской Имперїи; вторая *Галїю*, которая есть господствующая во всей Персїи. Первая получила свое начало въ Татарїи, коея жители объявляютъ о себѣ, что они ревностные и правовѣрные Музульманы, нежели Турки Магометане почитаютъ предопредѣленїю сему быть совершенному, утверждая, что Богъ есть Начальникомъ, какъ добра, такъ и зла, и думаютъ также, что Богъ когда нибудь покажется, и что Магометъ пребываетъ при немъ въ тѣлѣ; а при томъ Богъ и законъ, существо имѣютъ отъ вѣчности. Они молятся по пяти разъ въ день, почитая сїю должность за необходимую. Персы напротивъ того разсуждаютъ, что Богъ есть только виновникомъ добра, имѣя при себѣ благополучныя души, прославляющїя Божескую славу; что Богъ принялъ одну только Магометову душу, одинъ онъ есть вѣчный, и законъ получилъ отъ него начало; по чему довольно для нихъ приносить молитву три раза въ день, и сїе обыкновенїе не почитается за должность произходящую отъ ихъ вѣры.

Сїи двѣ секты, имѣющїя разныя мнѣнїя, такую чувствуютъ другъ къ другу ненависть, что не пропускаютъ ни какого случая оказывать взаимное отвращенїе: ибо Персы презираютъ цвѣтъ зеленый, а Турки на противъ того почитаютъ оный за освященный. Ихъ *Иманы*, охуждаютъ многїя слова въ Алкоранѣ, подавая имъ смыслъ со всемъ противный.

Сїи

Сіи разныя Магометанскія секты, почитаются еретическими; однакожъ ихъ гораздо можно извинить передъ тѣми, которыя обѣявляя свой законъ чистымъ и праведнымъ, не опасаются послѣдовать ихъ примѣру.

Во всѣхъ земляхъ, зависимыхъ отъ великаго Султана, большая часть жителей носятъ четки изъ корольковаго дерева, янтаря, или другаго тому подобнаго; они держатъ ихъ почти всегда въ рукахъ, перебирая пальцами каждую косточку одну послѣ другой, и сіе болѣе походитъ на дѣтскую игру, нежели на набожливость. Симъ средствомъ воспоминаютъ они разныя совершенства Божія; но однако жъ дѣлаютъ сіе съ большимъ нерадѣніемъ, или лутче сказать, по привычкѣ, нежели отъ истинной набожливости. Въ семъ случаѣ они совершенно подобны нѣкоторымъ Европейскимъ Христіанамъ, которые не оказываютъ большаго вниманія и почтенія въ приношеніи своей молитвы.

Нѣкоторые невѣжды произносятъ при каждомъ перебираніи косточки слѣдующія слова: *Гаферъ Алла*! да сохранитъ меня Богъ! другіе гораздо разумнѣя говорятъ такъ: *Илла Магометъ Разулъ Алла*! нѣтъ другаго Бога и Магометъ есть ево Пророкъ. Ученнѣйшіе люди приписываютъ симъ словамъ означеніе почести Божеской, и перебирая свои четки говорятъ: во имя единаго Бога; да будетъ хвала Богу единому; во имя Бога всемогущаго, и да будетъ хвала ему въ Его власти: во имя Бога всепремудраго,

раго, да восхвалится въ своей премудрости; во Имя Бога всеблагаго; да будетъ хвала Богу въ Его благости: во имя Бога милосердаго; да будетъ хвала Богу въ Его милосердіи: во имя Бога вѣчнаго, и такъ далѣе, оканчивая наконецъ сими словами: да будетъ хвала Богу вседержителю: о Господи! Ты есть Творецъ и Судія человѣкамъ, къ Тебѣ я прибѣгаю, и на Тебя всю мою надежду полагаю, и признаю, что Ты не можешь быть ни отъ кого рожденъ. Ты есть безподобный и ни съ чемъ сравнятся не можешь. Нѣкоторые изъ нихъ произносятъ сіи слова съ такимъ нерачeніемъ, что не препятствуетъ имъ во время своего призыванія разговаривать о другихъ разныхъ дѣлахъ.

Ревностные Музульманы, дабы отличить себя отъ прочихъ, носятъ весьма длинныя четки, состоящія изъ девяносто девяти косточекъ. Перебирая сорокъ три первыя, произносятъ слово: *Елгемъ Дюрісла*; двадцать три вторыя, *Стифеоъ Алла*, а тритцать три послѣднія, *Алла Гекберъ*.

Въ Турціи и Татаріи мечети называютъ Джами: они имѣютъ одну, двѣ и множество высокихъ и остроконечныхъ башенъ, которыя называютъ *Минаре*. Нѣкоторой Музульманинъ, имѣющей чинъ *Мазина*, принужденъ по пяти разъ въ день всходить на верьхъ башней и созывать оттуда народъ на молитву. Какъ скоро онъ туда взойдетъ, то прикладываетъ свои руки къ щекамъ и кричитъ изъ всей силы, и во время крику оборачивается три раза на всѣ четыре части свѣта; и сіе начинаетъ онъ

отъ

отъ полудня и оканчиваетъ до захожденія солнца. Въ первой разъ онъ кричитъ: *Алла Гекберъ* ! Богъ есть великъ; во второй разъ то же; а въ третій : *Ал Илла* ! *Илла Ал* ! то есть ; Богъ есть великъ, и нѣтъ кромѣ Его другаго Бога , а потомъ произноситъ еще слѣдующія слова : *Екхе ду инъ Магометъ Резулъ Алла* ! Магометъ есть Его Посланникъ ; *Акалли Селла*, *Акалли Фена* ! попроси милосердаго Бога о отпущеніи моихъ грѣховъ ; *Алла Гекберъ Алла* ! Богъ есть всесильный; *Ла Илла Илала*, Богъ есть великъ, и нѣтъ кромѣ Его другаго Бога. Къ сему призыванію прибѣгаютъ Турки и моются въ фонтанѣ, при всякой мечетѣ находящемся. Сіи омовенія называются *Абдестъ*. Когда они обмоются, то входятъ въ мечеть, снявъ съ себя напередъ туфли ; которыя оставляютъ у дверей. По входѣ своемъ начинаютъ они возхвалять, *Кеблъ*, то есть , мѣсто представляющее четвероугольной домъ , на которое пристально смотрятъ до тѣхъ поръ, пока не окончится ихъ молитва ; оное обыкновенно ставится къ полудню, покрывая его такимъ покровомъ, которое было въ Меккѣ (*), или Мединѣ (**): подлѣ онаго есть возвышенное мѣсто для Имана, (***) который проповѣдуетъ и толкуетъ народу Алкоранъ. Весь полъ въ мечети покрытъ ковромъ.

 Иманъ

(*) МЕККА, городъ, гдѣ Магометъ родился и лежитъ въ щасливой Аравіи.

(**) МЕДИНА , гдѣ Магометъ погребенъ , городъ лежащей также въ Аравіи.

(***) ИМАНЪ , попъ.

Иманъ начинаетъ божественную службу сими словами, *Алла Гекберъ*, что самое повторяетъ и весь народъ, подражая всѣмъ его тѣлодвиженіямъ. Вскорѣ по томъ кладутъ они свои руки на плеча, означая освобожденіе свое отъ всѣхъ дѣлъ, и произнеся: *Алла Гекберъ*, два раза: наконецъ складываютъ свои руки на брюхо крестъ на крестъ, читая молитвы тихимъ образомъ. По томъ ложась ничью, говорятъ: *Алла Гекберъ!* Они нѣсколько времяни оставаясь въ семъ положеніи; встаютъ, повторяя первыя тѣлодвиженія. Когда они складываютъ руки, то сіе есть знакомъ почтенія, возбуждаемаго въ нихъ присудствіемъ Всевышняго Существа; ихъ почтеніе и дѣйствіе упадать ницъ значитъ то, что они съ глубочайшею униженностію просятъ Бога; какъ скоро они окончатъ свое колѣнопреклоненіе, то вставая и опуская руки, читаютъ молитву слѣдующую: *Васмалъ лгеллъ Рабамъ и Рабинъ Елъ Гербела Делла и Рабамамъ и Рагандинъ, Алла Ребеланимъ Маликонъ Елдинъ Фракъ Паберъ Ове Якнеста Енкедена Ела-Сератъ Ельмгета Квинсфратъ Еладимъ Анаматъ Глайхимъ Гспрель Магдрабъ, Аллатейну, Селадеинъ, Оминъ,* то есть: во имя Бога милосердаго въ Его милосердіяхъ. Хвала Богу въ Его милосердіи, Богъ Господь всего свѣта, Господь въ день страшнаго суда, мы Тебя просимъ и молимъ подать намъ Свою помощь: доведи насъ къ истинной стезѣ, которую Ты показываешь только тѣмъ, кои Тебя не раздражили и не отдалились Твоего пути, Аминь. По окончаніи сей молитвы ложатся

они

они ницъ два раза, и говорятъ: *Ла, Илла Иллалла*, то есть, единъ есть Богъ, и нѣтъ другаго Бога. Послѣ того сгибая свои колѣна, наклоняются къ землѣ, не переставая повторять: *Алла Гекберъ Алла!* и остаются въ ономъ положеніи, пока много разъ не произнесутъ слово: *Элгемъ Дюрюлла.* Протчія дѣйствія набожности подобны почти всѣмъ тѣмъ, кои я описывалъ.

Ревностной Музульманинъ сію молитву приноситъ по пяти разъ въ день, хотя бы онъ былъ дома, или въ дорогѣ; въ случаѣ ежели нѣтъ покрывала, то разстилаетъ на землю свою шубу, и по окончаніи омовенія молится.

Къ десяти заповѣдямъ Моисѣевымъ Магометане присовокупили еще пять другихъ, которыя суть истинное основаніе ихъ закона. 1 я. Магометова заповѣдь объявляетъ, чтобъ вѣрить въ единаго нераздѣлимаго Бога. 2 я. Касается до поста Турецкаго, называемаго Рамазанъ. Во время онаго не смѣютъ они ѣсть во весь день, а какъ наступитъ ночь, то могутъ насыщаться всѣмъ тѣмъ, что имъ угодно. 3 я. Касается до ихъ ежедневныхъ молитвъ, о коихъ я упомянулъ выше. 4 я. Заключается въ милостыни, повелѣвая всѣмъ Музульманамъ давать бѣднымъ четвертую часть своего дохода. Наконецъ послѣдней законъ повелѣваетъ наложить на себя обѣщаніе, по крайней мѣрѣ, хотя одинъ разъ во всю свою жизнь быть въ Меккѣ и въ Мединѣ, и послѣ очищать себя отъ грѣховъ.

Маго-

Магометова заповѣдь запрещаетъ употреблять вино, почитая оное правило за спасительное; однакожъ законъ сей не совсемъ исполняемъ, хотя сей законодатель и строго въ томъ запрещаетъ, и пить явно ни кто не смѣетъ. Тѣ, которые осмѣлятся нарушить сїю заповѣдь, употребляя сей напитокъ во время Рамазана, или въ дорогѣ, ѣдучи въ Мекку, наказываются весьма жестоко, и часто оное стоитъ имъ своей жизни. Сїе не препятствуетъ однакожъ, чтобъ Вельможи, Янычары, и тѣ, кои извѣстны подъ именемъ *Леванти́човъ*, не нарушали сего закона и не употребляли бы за столомъ славнѣйшихъ Греческихъ винъ.

Кромѣ заповѣдей мною упоминаемыхъ есть еще четыре другїя, коимъ Магометане вѣрятъ: 1 я. Есть Ангелъ смерти, о истиннѣ чего они не сомнѣваются, и каждую минуту ожидаютъ они его со трепетомъ.

2. Заповѣдь есть послѣднїй страшный судъ, о которомъ они объявляютъ великое множество вымышленныхъ словъ. Между прочимъ они говорятъ, что Магометъ будетъ тамъ присудствовать такъ, какъ защитникъ вѣрныхъ во всей своей славѣ. Прежде сего страшнаго дня, Ангелъ затрубитъ въ трубу, звукъ коей слышанъ будетъ по всей землѣ. Перьвой звукъ умертвитъ всѣхъ животныхъ, второй людей, третей всѣхъ Ангеловъ, а по томъ и самаго того, которой трубилъ, такъ, что ни одной твари живой не останется. Богъ спуститъ дождь, которой продолжится сорокъ дней съ ряду, и оной дождь называютъ

дождемъ

дождемъ милосердія, который оживитъ всѣхъ людей и Ангеловъ, и они предстанутъ на долину Iасафатскую, дабы судимымъ быть публично Богомъ.

Третія заповѣдь, что рай раздѣленъ на семь обширныхъ полей и луговъ; въ первомъ полѣ дно серебреное, во второмъ золотое, въ третьемъ жемчужное, въ четвертомъ изумбрудное, въ пятомъ изъ чистаго хрусталя, въ шестомъ огненнаго цвѣта. Седьмой лугъ состоитъ изъ великолѣпнаго саду, гдѣ великое множество фонтановъ, медовыхъ источниковъ, такожъ молошныхъ и виноградныхъ винъ, и изобиліе въ плодахъ и цвѣтахъ разнаго рода. По среди сего рая стоитъ дерево чрезвычайной величины, такъ, что отъ вѣтвій и листьевъ производится по всюду тѣнь; вѣтви онаго дерева изъ самаго чистѣйшаго серебра и золота, а листья издаютъ чрезвычайный блескъ, на каждомъ же листу написаны имена Бога и Магомета.

Въ семъ раю находятся всякаго рода благовонныя ростенія, и великое множество звѣрей, рыбъ и птицъ.

Входъ въ оный стрежется безчисленнымъ множествомъ Ангеловъ разныхъ лицеизображеній; каждый изъ никъ говоритъ на 70000 разныхъ языкахъ, которые они употребляютъ для обнародованія похвалъ о Богѣ.

Четвертая объявляетъ о страшномъ адѣ, куда низвергаются всѣ законопреступники.

Добрые

Добрые Музульманы имѣютъ остерегателями множество Ангеловъ; и Турки думаютъ, что каждой изъ нихъ имѣетъ для своего охраненія до 70, хотя они и невидимы. Ихъ описываютъ обыкновенно имѣющими почтенныя бороды.

Женщинъ воспитываютъ въ разсужденіи закона въ великомъ невѣжествѣ, о коемъ они ни малѣйшаго не имѣютъ понятія. На нихъ съ безпристрастіемъ взираютъ, молятся ли они или нѣтъ, и нѣкоторые стараются увѣрить ихъ, что душа не безсмертна. Въ Алкоранѣ пишетъ, что они не будутъ жить въ раю, а находиться въ предмѣстіи онаго, откуда съ веселіемъ черезъ стѣну взирать стануть на благополучіе мущинъ.

Сіи бѣдныя твари единственно только суть инструменты похотливости, и почитаютъ, что они не для чего инаго сотворены и назначены мущинамъ, какъ для увеселенія. Сіе мнѣніе доводитъ ихъ до всякаго рода безчинства и похоти, отъ коей они не предвидятъ ни какихъ печальныхъ послѣдствій. Они бы не смѣли ни когда противиться волѣ своихъ мужей, особливо такихъ, кои препровождаютъ свою жизнь въ пышности и праздности.

Когда онѣ становятся стары, то мущины, отвращаясь отъ нихъ, презираютъ. Когда же и поступаютъ съ ними хорошо, но щитаютъ ихъ не иначе, какъ за другихъ животныхъ [*] ни къ какому дѣлу неспособныхъ.

Ихъ

(*) Турки имѣютъ обыкновеніе, когда ихъ домашнія животные состарѣются, кормить ихъ до смерти. На

Ихъ кормятъ по смерть крошками, падающими со стола своихъ господъ. Не должно удивляться такой ихъ поступкѣ: ибо мущины женятся единственно изъ необузданной своей страсти, и покупая невольницъ, дѣлаютъ имъ подружками, не стараясь удерживать ихъ ни въ своей землѣ, ни въ законѣ.

Когда жены не способны къ плодородїю, потеряли свою красоту, или другое какое въ нихъ найдется малѣйшее неудовольствїе, то вольно мужу дать ей разводное письмо. Въ семъ случаѣ нѣтъ большей церемонїи: мужъ объявляетъ свое намѣренїе и причины Кадїю, и отсылаетъ назадъ свою жену къ ея отцу или родственникамъ. Всѣ уборы, пожитки и прочїя вещи ей принадлежащїя, а особливо, естли что изъ приданаго останется, должны немѣдленно отдаваться назадъ.

ГЛАВА XXXI.

О коммерцїи малой Татарїи и сосѣдственныхъ земель.

Полуостровъ *Крымъ* положенїемъ своего мѣста для отправленїя купечества весьма выгоденъ. Онъ былъ въ цвѣтущемъ состоя-

янїи

примѣръ: верьховая лошадь отводится въ хорошую паствьбу; верблюдъ, который имѣлъ честь носить на себѣ Алкоранъ въ Мекку, весь остатокъ своея жизни въ совершенномъ находится довольствїи.

янїи во время Генуесцовъ, въ которое изобиловалъ великими богатствами. (*)

Какъ Порта имѣетъ одна власть въ плаванїи по Черному морю и подъ нѣкоторымъ политическимъ видомъ, запрещается ѣздить ни кому по оному подъ другимъ какимъ флагомъ, то Генуеское купечество, бывшее прежде столь знатное, пришло въ упадокъ и весьма умалилось.

Французы, разпространившись по всему Востоку, мало по малу приближились къ *Кафѣ*, гдѣ и состроили нѣсколько магазиновъ, но однакожъ еще не въ довольно великомъ количествѣ. Во время моего пребыванїя въ семъ городѣ, нѣкоторые изъ нихъ тамъ находились, будучи удержаны отправленїемъ торга съ симъ народомъ, и назывались Вилгельмъ Лапортери съ компанїею; Маринъ и Далбуръ съ сыновьями,

Прода-

(*) Вотъ, что мнѣ разсказывали въ разсужденїи сего, такъ какъ о весьма истинномъ дѣлѣ. Нѣкоторой купецъ Персїянинъ, послалъ въ сїю землю своего сына съ товарами, между коими находилось великое число благовонныхъ вещей. Онъ оставилъ прочїе товары на дорогѣ, выключая послѣднихъ, которыя и привезъ въ ЕСКИ-КРЫМЪ, столичный городъ, принадлежащїй Генуесцамъ, и навьючивъ онымъ лошадей и верблюдовъ, привезъ къ одной церкви, сооруженной отъ богатаго общества того народа. Одинъ Генуесецъ спросилъ Персїянина, какого роду у него товары? И какъ ему объявилъ, что состоятъ изъ весьма хорошихъ благовонныхъ вещей, то онъ купивъ у него оные, приказалъ сложить на томъ же самомъ мѣстѣ и смѣшать съ известкою. Сїя известка была употреблена на сооруженїе церкви, которая и нынѣ стоитъ и слыветъ мечетью, и увѣряютъ, что и теперь еще сїя известка сохраняетъ въ себѣ весьма прїятный запахъ.

Продаваемые ихъ товары состояли по большей части въ вещахъ Ниренбергскихъ, такожъ, кофеѣ, сахарѣ, курительномъ табакѣ, сукнахъ, штофахъ, атласахъ, пищей бумагѣ, камлотѣ, въ хлопчатой бумагѣ пряденой и не пряденой и проч.

Сїе купечество управляемо было Факторомъ и многими Коммисарами. Тѣ товары не отпускались со всемъ въ сосѣдственныя земли, но оставались въ *Крыму*, гдѣ оны по большей части продавались дорогою цѣною. Оная могла доходить ежегодно до 30000 пїястровъ, получая прибытку за 100 по 30 и по 40 процентовъ. Ежели бы сїи купцы не получали всѣхъ своихъ товаровъ изъ первой руки, и по силѣ 16. Артикула въ Трактатѣ, учиненномъ между Францїею и Портою, не пользовались привиллегїею платить пошлинъ по 3 процента за 100, часть натурою, а часть деньгами, тобъ прибытокъ ихъ былъ мало достаточенъ.

Въ 1769 году, купцы, о коихъ я упомянулъ выше, оставили свой торгъ, по причинѣ войны, учинившейся опасным. Ихъ Факторъ принужденъ былъ разпродать свои товары столь скоро, сколько возможно, и собравъ долги, возвратиться въ Константинополь.

Въ 1767, учиненъ былъ во Францїи проектъ, дабы учредить знатную Коммерцїю въ *Крыму* и въ сосѣдственныхъ городахъ, и нѣкоторые купцы назначили сумму, составляющую изъ двухъ миліоновъ съ половиною ливровъ. Сей проектъ былъ посланъ печатной къ Консулу Французскому

Г. Барону Тотту, дабы узнать его мысли; однакожъ исполненіе сего плана, по причинѣ ли войны, или по другому какому движенію, и до сего времяни остается.

Желательно бы было, чтобъ Нѣмецкимъ купцамъ пожертвовать нѣкоторою довольно знатною суммою къ предпріятію въ *Крыму* торговли, способною снабдить сей полуостровъ и сосѣдственныя земли товарами, свойственными какъ для ихъ жителей, такъ и купцовъ, съ коими бы удобно имъ было установить Коммерцію въ мѣновныхъ весьма прибыточныхъ товарахъ. Обстоятельства могли бы намъ въ томъ благопріятствовать: ибо почти всѣ товары для тамошняго мѣста нужные, получать возможно изъ первой руки, и отъ того имѣть большую выгоду. Посредствомъ Дуная перевозить ихъ можно до Чернаго моря, а оттуда въ *Крымъ*. Ежели бы перевозъ сей показался опаснымъ, тобъ способно выгрузить въ *Измаилѣ* или въ *Килги Новой*, а оттуда везти сухимъ путемъ въ *Аккерманъ*. Изъ сей гавани корабль при хорошемъ вѣтрѣ можетъ поспѣть изъ *Крыма* въ два дни.

Мѣновные тутъ товары могли бы быть отправляемы весьма спокойно и по дешевой цѣнѣ по Черному морю и отсылаться въ Константинополь, изъ коихъ бы тамъ часть продавалась по Коммиссіи, а остальная отвозилась бы оттуда въ *Тріестъ* и *Венецію*. Кромѣ сего, удобно бы было, ежели предпочесть сей путь, отправлять въ *Аккерманъ*, а наконецъ перевозить ихъ

сухимъ

сухимъ путемъ чрезъ Молдавїю и Волохїю въ *Трансильванїю*, и такъ далѣе, до назначеннаго мѣста. Правда, что сїя дорога весьма длинная, а при томъ убыточна, и часто случается, что не льзя достать колясокъ, какъ въ Европейской Турцїи, такъ и въ сосѣдственныхъ земляхъ; однакожъ находятъ скоро средство къ симъ неудобствамъ.

Въ самомъ *Крыму* отправленїе торга въ желѣзѣ весьма знатное; Татары не могли бы безъ онаго обойтиться, и покупаютъ за дорогую цѣну. Чтожъ касается до протчихъ товаровъ, то принуждены продавать на кредитъ: ибо купцы сей земли имѣютъ великой недостатокъ въ деньгахъ, и рѣдко платятъ, ежели напередъ не уговорятся въ томъ, что купятъ. Дабы имѣть большую Коммерцїю, то надлежитъ прилѣпиться къ той сторонѣ земель, о коихъ я теперь упомяну, а имянно: 1 е. Къ Татарїи Нагайской, отдѣленной отъ *Крыма* границею, лежащею близъ *Перекопя*. Сїи Татары не весьма богаты деньгами, однакожъ охотно платятъ за такїе товары, въ коихъ они имѣютъ нужду. У нихъ знатное количество находятся сѣрыхъ и черныхъ смушекъ, (*) кожъ бычачьихъ и лошадиныхъ

 волосовъ,

(*) Сѣрые смушки бываютъ только въ Татарїи, а въ Россїи со всемъ нѣтъ. Самыя луччїя весьма дороги и отвозятся въ Константинополь и въ протчїе большїе Турецкїе города: всякая смушка продается по 5 пїастровъ, или 3 руб. Сѣрыя смушки отвозятся съ великою выгодою въ Польшу, а черные употребляются на шап-

волосовъ, желтаго воску, масла (*) и прочаго. 2 къ Черкассіи, отдѣленной отъ *Крыма* Азовскимъ моремъ, въ коей большая часть жителей изъ Язычниковъ. Не очень давно она платила дань Татарамъ; но нынѣ ни отъ кого не зависитъ, и Татары въ послѣдней съ нею войнѣ не были щастливы. Весьма опасно путешествовать по той землѣ безъ хорошаго пашпорта; однакожъ Черкассы часто ѣздятъ въ *Кафу*, гдѣ мѣняютъ разныя вещи, въ коихъ Черкассія имѣетъ изобиліе, какъ то: въ лошадяхъ, заичьихъ мѣхахъ, (**) лошадиныхъ кожахъ, лисьемъ мѣхѣ и воскѣ; и ежели въ Нѣмецкой землѣ недостатокъ въ женщинахъ, то весьма удобно достать отъ нихъ: ибо они продаютъ своихъ дочерей, которыя обыкновенно весьма пригожи. (***)

ки, также и на шубы, продавая ихъ за довольно хорошую цѣну въ Константинополѣ.

(*) Крымское масло есть самое лучшее, и ежели въ хорошую пору достанешь оное у Нагайскихъ Татаръ, то можно его перепродать не только съ выгодою въ Крыму, но и въ Константинополѣ. Сїе масло чрезвычайно хорошее, и такое же, какое въ Нѣмецкой землѣ, Лейпцигѣ и Голландіи.

(**) Сїи заичьи мѣха отмѣнной въ цвѣтѣ красоты и весьма легкїе. Оныя употребляютъ часто вмѣсто другихъ мѣховъ, подбивая ими платье.

(***) Черкашенки обучаютъ своихъ дочерей разнымъ рукодѣлїямъ, и дѣлаютъ все то, что зависитъ отъ нихъ въ сохраненїи и умноженїи ихъ красоты. Когда они достигнутъ 13 или 14. лѣтъ, то отвозятъ въ Кафу, гдѣ и производятъ ими большей торгъ, продавая ихъ цѣнамъ отъ 2 даже до 5. тысячь пїастровъ. Лучшїя отсылаются въ Сераль Константинопольской, а прочїя продаются знатнѣйшимъ Музульманамъ, обитающимъ въ

3 къ Россіи и Астрахани, откуда привозятъ множество хорошихъ мѣховъ.

4 къ Георгіи. Все то, что касается до сей земли, есть то, что жители оныя весьма честные люди, гдѣ большее изобиліе въ шелку, хорошей шерсти и всякихъ родовъ кожъ.

У всѣхъ народовъ, такъ, какъ и въ *Крыму* можно достать слѣдующіе товары: мѣха, сукна, бархаты, серебренные и золотые штофы, камки, атласы, штофы полушолковые, полотна, кисеи, томпакъ въ натурѣ и дѣлѣ, краски, а особливо, кошениль и индиго, квасцы, алоевое, Бразильское и Кампешское дерево, лакъ, сорочинское пшено, сахаръ, кофей, курительной табакъ, прядевую и непрядевую хлопчатую бумагу, анисъ, сѣру, опіумъ, мастику, сальса-парель, благовонныя вещи, бумагу пищую, сухіе плоды, пряные коренья, олово, желѣзо, сталь, всякаго сорту въ дѣлѣ желѣзо, ртуть и товары Ниренбергскіе.

Товары, привозимые изъ *Крыма*, состоятъ въ воскѣ, маслѣ, смушкахъ и другихъ мѣхахъ, кожахъ, сафьянахъ, лошадяхъ, невольникахъ и проч.

знаменитыхъ городахъ Турціи. Многіе Армянскіе въ Кафѣ купцы на Черкашенкахъ женятся. Сіи невольницы исповѣдаютъ такойже законъ, какой и ихъ господа.

ГЛАВА XXXII.

О вѣсахъ и мѣрахъ, употребляемыхъ въ Турціи и Татаріи.

Всѣ съѣстные припасы, такъ же вино, хлѣбъ, водка, травы, плоды и протчее тому подобное, продаются на вѣсъ. Вѣсы, употребляемые въ сей землѣ суть слѣдующіе:

Кантаръ раздѣляется на 7 $\frac{1}{3}$ батмановъ, 44. ока, 100 лодровъ или роттель на 176 юздремовъ или 1 600 драхмъ; что и составляетъ близь 100 фунтовъ вѣсу Вѣнскаго, а Россійскаго 132 фунта. Батманъ на 6 окъ, 24 юздрема, 2400 драхмъ, имѣя вѣсу 13 $\frac{1}{2}$ фунтовъ или одну осмую квинтала, вѣсу Вѣнскаго; а Россійскаго 18 фун.

Окъ раздѣляется на 4 юздрема, или 400 драхмъ, имѣя 2 $\frac{1}{4}$ фунтовъ вѣсу Вѣнскаго, а Россійскаго 3 фунта. Юздремъ 100 драхмъ, Россійскаго вѣсу 72 золотника. Маскалъ 1 драхму съ половиною, 24 карата или 96 золотниковъ. Драхма, 16 каратъ или 64 золотника.

О мѣрахъ.

Пикко или Ендазе отвѣчаетъ $\frac{10}{11}$ аршина Вѣнскаго. Аршинъ имѣетъ $\frac{1}{4}$ болѣе Ендазе. Сія мѣра употребляется въ Татаріи.

О всякихъ монетахъ, имѣющихъ хожденїе въ Турцїи:

	пїаст.	пар.	пар.	руб.	коп.
Червонецъ Турецкой, Секинъ, Алтынъ, такъ какъ и Сермапубъ, составляетъ въ себѣ денегъ Турецкихъ. -	2	30	110	1	65.
Большїе червонцы золота палеваго, а малые желтаго, такїе же двойные. - -	5	20	220	3	30.
Есть еще тройные и четверные, но найтить весьма можно рѣдко. $\frac{1}{2}$ Алтына, или $\frac{1}{2}$ сермапуба.	1	15	55	0	82.
1. Фунтукъ	3	35	155	2	$32\frac{1}{2}$.
Всѣ золотыя монеты Турецкїе и Иностранные червонцы умножаются десятью парами.					
1. Пїастръ или ефимокъ со львомъ, который обыкновенно называютъ грушъ, имѣющїй 1. Флоринъ $7\frac{1}{8}$ Крейце-					

воръ

	піаст.	пар.	пар.	коп.
ровъ Вѣнскихъ, составляетъ Турецкихъ денегъ.	0	0	40	60.
½ Піястра, *Ярымъ Грушъ*. -	0	0	20	30.
¼ Піастра, Онлукъ.	0	0	10	15.
1. Алтмишъ, или одна доля изъ 60 паръ. -	1	20	60	90.
½ Алтмиша, называемый *Золота старая*. -	0	0	30	45.
¼ Алтмиша, называемаго Онбешликъ. -	0	0	15	22½.

ГЛАВА XXXIII.

О Монетахъ Иностранныхъ, и чего они стоятъ на Турецкіе и Россійскіе деньги.

	піаст.	пар.	пар.	руб.	коп.
Червонецъ Вѣнеціанской, Голландской и Нѣмецкой. -	3	28	148	2	22.
Ріалъ, чеканеный обыкновенно въ Имперіи или Саксоніи. -	2	0	80	1	20.
Ефимокъ Рагузскій, такой же цѣны,					

какъ

	пiаст.	пар.	кр.	коп.
жакъ и Алтмиштъ Турецкiй.	1	20	60	90.
Флоринъ Вѣнскiй или Саксонскiй.	1	0	40	50.

Небольшая монета Турецкая.

Осьмая доля пяти паръ, (Бешлыкъ.) 7½.
Пара изъ трехъ аспръ. 1½ коп.
Ахче. ½ коп.

Монеты Татарскiя суть слѣдующiя.

Беасъ Бешлыкъ , пять бѣлыхъ. 1 коп.
Кара бешлыкъ , пять черныхъ. 1¼ коп.
Беасъ Бешлыкъ , состоитъ изъ 5 Кара Бешлыкъ , или 20 Ахче Татарскихъ.
Кара Бешлыкъ , мѣдь , смѣшенная съ не большею частiю серебра , имѣетъ 5 Ахче.
Пiастръ Татарскiй , есть обыкновенная ходячая монета , и оную называютъ Грушъ или Чурюкъ , и состоитъ всегда изъ 20 Кара Бешлыкъ или 100 Ахче. Россiйскихъ 25 коп.
Ахче Татарскiй, есть также ходячая монета , и употребляется только въ щетахъ Пiастръ Турецкiй , во время моего пребыванiя въ Татарiи , стоилъ 7½ грушъ или Чурюковъ, или 30 Рупѣ, 150 Бешлыкъ или 750 Ахчъ. Россiйскихъ 60 коп. ,
Алтынъ Татарскiй имѣетъ 22½ груша , или 450 Бешлыковъ , или 2250 Ахчъ. 1 руб. 65 коп.

Сiя

Сія золотая монета бываетъ рѣдко, и оная чеканена была при немногихъ Ханахъ.

Алтынъ, или Сермапубъ Турецкой, такой же цѣны.

Во время моего пребыванія, деньги Турецкіе имѣли такую же цѣну, какъ и Татарскіе подобнаго названія.

Сія цѣна не всегда бываетъ одинакова; иногда Ханъ вдругъ оную возвышаетъ, а иногда унижаетъ, смотря по состоянію нужды, не взирая вредно ли или полезно быть можетъ отъ того купечеству.

Когда въ Турціи и Татаріи доходитъ дѣло до большихъ денегъ, то называютъ *Кесе* (мѣшки).

Мѣшокъ Турецкій составляетъ 500 піастровъ, или 562 Флорина, 30 Крейцеровъ, денегъ Вѣнскихъ, а Россійскихъ 300 руб.

Мѣшокъ Татарскій составляетъ 500 Чюрюковъ, Грушъ, или 66 піастровъ 13 $\frac{1}{4}$ паръ Турецкихъ, 74 Флорина и 27 $\frac{1}{2}$ Крейцеровъ Вѣнскихъ, а Россійсскихъ 39 руб. 60 коп.

КОНЕЦЪ.

1720